

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3, 2009
фия

История. Филология. Филосо-

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)

Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)

Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. М. Авербух, д-р филол. наук (Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

К. Префке, профессор (Германия)

Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. М. Карнова, д-р филол. наук

А. А. Корников, д-р ист. наук

А. Н. Портнов, д-р филос. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*

редакторы *О. Я. Литвак*, *О. А. Кручинина*

технический редактор *И. С. Сибирева*

компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2009

ISBN 978-5-7807-0778-3

СОДЕРЖАНИЕ

История

Балдин К. Е. Культурно-просветительная деятельность рабочей кооперации в России в 1907—1914 гг. **5**

Ильин Ю. А. Иваново-Вознесенская губерния в 1921—1922 гг.: шефская помощь властей и трудящихся края голодающим Марийской области (По материалам газеты «Рабочий край») **13**

Кареев Д. В. Руф Фест, римский историк IV века **21**

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Предварительные результаты раскопок земляного вала лухской крепости осенью 2008 года **26**

Смирнов Д. А. «Общественно-критический» взгляд на поэта: историческая концепция Вальтера Беньямина при изучении творчества Шарля Бодлера **39**

Таганов А. Н. Роман Фредерика Бегбедера «Windows on the world»: утопия языка, язык утопии **92**

Трофименко Т. М. Музыкальная драма Рихарда Вагнера и французская литература XIX века (На материале произведений О. Вилье де Лиль-Адана) **96**

Философия

Кудряшова Т. Б. «Живое знание» или альфа и омега познания **101**

Куликов Д. В. Прологомены к аналитике естественной установки **120**

Смирнов Д. Г. Незнакомый В. И. Вернадский: эмпирическая семиотика Вселенной **123**

Смирнова С. Т. Русский авангард: коллизии понимания и непонимания **52**

Филология

Вансяцкая Е. А. Роль молчания в речи коммуникантов-детей (На материале художественных произведений) **58**

Зайцева С. Н. Логика и противоречия языковой системы в фокусе частного вопроса лингвистики **63**

Карпова О. М. Проект толково-энциклопедического словаря нового типа для экскурсоводов и туристов **67**

Кромер Э. В. Основные тенденции русской разговорной речи: синкретизм и расчлененность **74**

Миловская Н. Д. К проблеме вариативности языкового бытового анекдота **82**

Тимофеев М. Ю. Практики визуализации русскости в СССР на рубеже 1930—1940-х годов **133**

Высоцкая А. Л. Проявление мифологических аспектов в сознании советского общества **139**

Рецензии **143**

Хроника **149**

Аннотации **157**

Сведения об авторах **167**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **169**

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3, 2009
фия

История. Филология. Филосо-

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. M. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- O. V. Karpova*, Doctor of Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
A. N. Portnov, Doctor of Philosophy

Editorial Staff:

- Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors *O. A. Kruchinina*,
O. Ya. Litvak
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*
Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0778-3

© SEI of HPE “Ivanovo State University”,
2009

CONTENTS

History

- Baldin K. E.** Cultural and enlightening activity of working cooperatives in Russia in 1907—1914 5
Iljin Yu. A. Ivanovo-Voznesensk province in 1921—1922: patronage assistance of authorities and workers of the region to the starving population of Mari region (Based on the materials of “Rabochij kraj” newspaper) 13
Kareyev D. V. Rufus Festus, Roman historian of IV century 21
Kostyleva E. L., Utkin A. V. Preliminary results of the excavations of the earthen wall of the Lukh fortress in autumn 2008 26
Smirnov D. A. “Social and critical” view on the poet: historical conception of Walter Benjamin in conformity with Charles Baudelaire’s works 39
Smirnova S. T. Russian avant-garde: collisions of the understanding and misunderstanding 52

Philology

- Vansyatskaya E. A.** The role of silence in the discourse of children-speakers (On the basis of literary texts) 58
Zajtceva S. N. Logic and contradictions of the language system in the focus of the particular problem of linguistic 63
Karpova O. M. Project of a new type of encyclopedic dictionary for guides and tourists 67
Kromer E. V. Basic tendencies of Russian informal speech: syncretism and ruggedness 74
Milovskaya N. D. To the problem of variability of a language habitual joke 82
Taganov A. N. Frederic Beigbeder’s “Windows on the World”: utopia of the language, language of utopia 92

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 3, 2009

History. Philology. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

Trofimenko T. M. Richard Wagner's musical drama and the French literature of the XIX century (In the works of O. Villiers de L'Isle-Adam) 96

Philosophy

Kudryashova T. B. "The living knowledge" or cognition alpha and omega 101

Kulikov D. V. Prolegomena to the analytics of natural directive 120

Smirnov D. G. Unknown V. I. Vernadskij: empirical semiotics of the universe 123

Timofeyev M. Yu. Practices of visualization of Russian consciousness in the USSR at the turn of 1930—1940 133

Vyssotskaya A. L. Mythological aspects of mentality of soviet people 139

Reviews 143

Chronicle 149

Summaries 157

Information about the authors 167

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" 169

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки». 2009
Вып. 3. История. Филология. Философия**

Подписано в печать 23.09.2009 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ББК 63.3(2)533-7

К. Е. Балдин

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ В 1907—1914 гг.

В конце XIX — начале XX в. в России наблюдается заметный рост общественной активности. Создаются многочисленные неполитические организации — благотворительные, просветительные, здравоохранительные, спортивные и др. Среди вновь образованных обществ насчитывались сотни и тысячи кооперативов, которые охватывали крестьян, средние городские слои, рабочих, а также иные социальные и сословные группы. Особой активностью на общественном поприще отличались рабочие потребительские кооперативы, которые занимались не только экономической деятельностью, т. е. продажей своим членам продуктов по умеренным ценам. В ходе первой российской революции и после нее эти организации все большее внимание стали уделять культурно-просветительной работе. Если до 1905 г. ее вели не больше двух десятков организаций, то в 1907—1914 гг. ею занималось уже сотни потребительских обществ.

Причиной этих качественных изменений в рабочем кооперативном движении стал рост общественной активности населения под воздействием событий 1905—1907 гг., усиление их стремления к образованию и культуре. Свою роль сыграл к тому времени и существенный рост экономической успешности кооперативов. Многие из них стали богаче и могли тратить на культурную работу часть своих доходов, а это были значительные средства.

Стремление к культурной работе рельефно проявилось уже в 1908 г. в ходе I Всероссийского кооперативного съезда в Москве. Организовавшие его руководители Московского союза потребительских обществ (МСПО) — главного центра российской кооперации в начале XX в. — включили в повестку дня вопросы просветительной деятельности. В потребительской секции съезда была образована комиссия по кооперативной пропаганде, возглавлявшаяся Е. О. Ленской, служившей в упомянутом Московском союзе¹. В. Н. Зельгейм, делавший доклад о культурной работе от имени МСПО, выдвинул предложение: рекомендовать всем обществам потребителей отчислять часть своих прибылей на различные просветительные цели. Против выступили представители ряда зависимых фабрично-заводских и железнодорожных организаций, которые десятилетиями занимались только торговлей и всю прибыль от нее делили между пайщиками. Однако эти делегаты оказались на съезде в меньшинстве, кооператоры из рабочих независимых и крестьянских обществ однозначно высказывались за развитие культурно-просветительной деятельности². В подтверждение своей правоты представи-

тели с мест приводили конкретные и убедительные факты так называемой неторговой работы.

Все это в конечном итоге произвело впечатление даже на консервативно настроенных делегатов от хозяйских (т. е. зависимых от фабрикантов) организаций. Как отмечал один из них, он только на съезде понял, что вел дело «не по-настоящему». «Наша потребительская лавка, — признавался он, — торгует — и только, а тут, оказывается, целая жизнь особая»³.

Решения съезда о развитии культурной работы дали заметный толчок расширению такой деятельности. Постепенно в большинстве независимых обществ и во многих зависимых члены-«коммерсанты», которых интересовало только получение максимальной прибыли, вынуждены были отступить. Характерен в этом отношении случай, произошедший в Успенском фабрично-заводском кооперативе (Екатеринославская губерния). Руководители общества предложили создать просветительный фонд, куда намеревались отчислять часть прибылей. Против выступили «богатые» пайщики, которые хотели по старинке раздавать весь дивиденд на руки. Журнал «Союз потребителей» сообщал, что на собрании кооператива спорили об этом «до хрипоты». В конце концов прошло предложение правления общества, принятое 52 голосами против 38, из годовой прибыли в образовательный фонд было выделено 1200 р.⁴ В кооперативе Чусовского завода (Пермская губерния) жаркие споры разгорелись вокруг пожертвования 300 р. на библиотеку и на издание журнала «Уральский кооператор». В результате на общем собрании члены-«коммерсанты» потерпели поражение⁵. Такие же столкновения происходили и в других потребительских обществах.

Особенно активно вели культурно-просветительную работу кооперативы Москвы и Центрального промышленного района. Когда в 1907—1910 гг. власти закрыли здесь большинство профсоюзов, которые одновременно являлись культурными центрами, именно кооперативы стали выполнять просветительные функции. Корреспондент из Рождественского потребительского общества (Тверь) писал в московский журнал «Кооперативная жизнь»: «Кооперативы могут и должны взять на себя роль культурных очагов, это необходимо для самого дела кооперации, так как темнота и несознательность массы много тормозит ее развитие и процветание». Автор письма считал, что каждое потребительское общество обязано регулярно проводить лекции, иметь хотя бы небольшую библиотеку, устраивать по возможности любительские спектакли⁶. Подобную просветительную деятельность всячески поощряло руководство Московского союза, координацией ее занимался инструкторский отдел МСПО. Много внимания уделяло ей и возникшее в 1912 г. объединение московских рабочих кооперативов — «Коллектив»⁷.

В отличие от Москвы и ЦПР потребительские общества Петербурга мало занимались просветительной работой. Это объяснялось тем, что здесь даже в 1907—1910 гг. действовали различные образовательные общества, просветительными центрами были и некоторые профсоюзы столицы, в Петербурге репрессии властей против этих организаций были не такими жесткими, как в Москве. Разнообразную работу на культурной ниве вел только один петербургский кооператив — «Грош», где проводились лекции, вечера, спектакли, была выпущена агитационная листовка⁸. Другие столичные потребительские общества — «Труженик», «Польза», Обуховское — занимались такого рода деятельностью лишь эпизодически⁹. Во всех остальных

столичных обществах (а их было в рассматриваемый период около сорока) практически никакой просветительской работы не проводилось.

В ряде рабочих кооперативов культурная деятельность не ограничивалась отдельными мероприятиями, а велась планомерно и систематически. Руководители таких организаций всячески старались разнообразить ее, целью просветительских начинаний обществ потребителей было всестороннее развитие рабочих. Так, московская «Жизнь» регулярно проводила лекции, экскурсии по достопримечательностям Москвы, были устроены коллективные выходы в театры и кинематографы, при кооперативе действовал музыкально-драматический кружок, для членов общества выписывались книги и периодика¹⁰. Такой комплексный подход был характерен прежде всего для независимых организаций. Хозяйские кооперативы, систематически проводившие просветительскую работу, были немногочисленны. Как правило, это были крупные фабрично-заводские и железнодорожные общества с годовыми оборотами в сотни тысяч рублей. Среди них особенно выделялся гигантский путевский кооператив Пермской железной дороги. Он выстроил на свои средства прогимназию, учредил стипендии для детей кооператоров, имел большую библиотеку с филиалами на узловых станциях, проводил спектакли, новогодние елки для детей, издавал кооперативный журнал¹¹.

Одним из важнейших направлений просветительской работы потребительских обществ была кооперативная пропаганда и агитация. Она была нацелена на то, чтобы привлечь в общества возможно большее число трудящихся, познакомить широкие массы с достижениями кооперативного движения в стране и за рубежом, а кооперативных функционеров — с азами хозяйственной деятельности. Основными методами подобной работы были выпуск легальных агитационных листовок и популярной литературы, организация лекций.

Нами выявлено 10 кооперативов, которые в 1907—1914 гг. вели листовую агитацию¹². Типичным примером их агитационных материалов было «Открытое письмо ко всем труженикам», выпущенное в Петербурге в 1907 г. учредителями столичного кооператива «Труженик». Его авторы, обращаясь к рабочим столицы, призывали их объединиться в потребительское общество, чтобы избавиться от притеснений лавочников. Они подчеркивали, что организация будет демократической как по составу, так и по принципам своего построения. Учредители предлагали широкую программу: открыть торговлю, основать собственное производство продовольственных товаров, купить землю, завести ферму, дом отдыха и т. д.¹³

Агитационные материалы выпускали не только учреждавшиеся, но и успешно действовавшие кооперативы, всячески рекламировавшие свои успехи. Бакинский «Труд» печатал листовки 1—2 раза в месяц для распространения в отделениях общества на нефтяных промыслах. Наряду с призывами объединяться в кооператив, в листовках печатались цифровые отчеты об оборотах общества, сравнивались цены у частных лавочников и в «Труде». Эти факты воздействовали на рабочих значительно лучше, чем абстрактные призывы¹⁴.

В 1907—1914 гг. появилась многочисленная литература о кооперации. Основным издательским центром был Московский союз, особенно большой популярностью пользовались кооперативные календари, которые ежегодно выпускал МСПО¹⁵. Кооперативный календарь был построен по принципу крестных календарей, здесь помещались святцы со сведениями о религиозных и гражданских праздниках, статистические данные об экономике страны, рассказывалось о различных видах кооперации, о том, как открыть потреби-

тельское общество. Календари были иллюстрированы фотографиями магазинов, пекарен, складов, народных домов, которые принадлежали Московскому союзу и отдельным организациям. Местные потребительские общества охотно заказывали сотни и тысячи таких календарей в МСПО, бесплатно раздавали их рабочим.

Специально для кооператоров, которые не отличались высоким уровнем образования и широким кругозором, печатались популярные агитационные брошюры, например «Копейка рубль бережет» К. Суздальцева, «Что дает потребительское общество жене рабочего» Г. Давид и др. Они были написаны доходчивым, образным языком, продавались по доступной цене. Для актива издавалась более серьезная литература отечественных и зарубежных авторов, в ней затрагивались среди прочих и теоретические проблемы кооперативного движения.

Целям кооперативной агитации служила и лекционная работа, разворачивавшаяся в потребительских обществах. Автором выявлено 39 рабочих организаций, в которых читались лекции. В подавляющем большинстве случаев их тематика была специальной: «Как организовать потребительское общество», «Кооперативное движение в России» (вариант — «на Западе») и т. п. Случаи чтения общеобразовательных лекций были редкими, нам известны лишь два таких факта: в московской «Жизни» проводились чтения о страховом законе 1912 г., а в ростовской «Экономии» — о творчестве М. Горького¹⁶.

Теория и практика кооперации были достаточно сложной темой, квалифицированно и в доступной форме раскрыть ее мог только профессионально подготовленный человек. Поэтому руководители местных кооперативов приглашали лекторов из Московского союза и других кооперативных центров. Лекции о кооперации читали В. И. Бельцов, Е. О. Ленская, В. Ф. Тотмианц. Большой популярностью пользовались лекции В. А. Поссе, который выступал в Подмосковье, Поволжье, на Урале¹⁷.

Лекции вызывали большой интерес рабочих. Их культурный досуг не отличался разнообразием, поэтому эмоциональные, образные выступления людей, фанатически увлеченных идеями кооперации, производили на аудиторию неизгладимое впечатление. Иногда одна яркая лекция приносила больший результат, чем десятки листовок и брошюр с призывами вступать в кооператив. Летом 1909 г. московская «Жизнь» устроила в народном доме лекцию В. И. Бельцова «Об успехах кооперации в России и на Западе», на которой присутствовало около 400 чел., в большинстве своем рабочие. После нее заметно повысился интерес рабочих к потребительскому обществу, они стали регулярно посещать собрания. Так, осенью того же года на собрании «Жизни» присутствовало 200 чел., хотя членами кооператива числились только 65 чел.¹⁸ Другая московская организация — «Прогресс» — устроила в 1910 г. лекцию о развитии кооперации на Западе, она произвела сильное впечатление на рабочих. После этого в «Прогресс» вступило около 80 чел., численность кооператива к концу 1910 г. достигла 250 чел.¹⁹

Помимо кооперативной агитации, которая преследовала довольно узкие, утилитарные цели, в потребительских обществах велась и общеобразовательная работа. Кооперативы издавали журналы, проводили экскурсии, спектакли, вечера, елки для детей, при этих организациях работали библиотеки и музыкально-драматические кружки, они расходовали значительные средства на нужды школ, просветительных обществ и т. д. Эта деятельность охватыва-

ла не только самих кооператоров, но и членов их семей, которые не входили в какие-либо общественные организации.

Для рассматриваемого периода было характерно появление массовой кооперативной печати. В 1905—1907 гг. в стране издавалось всего два журнала по рабочей кооперации. За 1907—1914 гг. нами выявлены в различных библиотеках страны 18 таких журналов и 1 газета, они полностью или частично посвящены рабочей кооперации. Некоторые из них просуществовали 2—3 года, другие регулярно выходили на протяжении многих лет. Как правило, наименее долговечными были печатные органы, издававшиеся отдельными потребительскими обществами. Это «Трудовой союз» (1912—1914 гг.), выходивший в Казани под опекой одноименного кооператива, «Железнодорожное потребительное дело» (1912—1913 гг.) — орган Пермского путейского общества и др. Для долговременного издания журналов у отдельных организаций не хватало ни средств, ни литературных сил. Большой устойчивостью обладали периодические органы кооперативных союзов, такие как «Южно-русский потребитель», издававшийся в Харькове Товариществом потребительских обществ юга России (ПОЮР), или «Известия потребителей» — орган Северо-Восточного союза потребительских обществ (СВСПО), выходивший в Перми.

Журналы ориентировались на разный круг читателей. Столичный «Вестник кооперации» был наиболее «академичным» изданием, в нем публиковались теоретические статьи, аналитические обзоры кооперативного движения, журнал был рассчитан на довольно узкий слой специалистов. Московский «Союз потребителей» читали в основном активисты кооперации, а «Объединение» — масса рядовых кооператоров. Большинство провинциальных журналов ориентировалось на массового читателя.

В 1907—1914 гг. вместе с ростом интереса к кооперации возросли и тиражи периодики. В 1905 г. печаталось 399 экземпляров «Союза потребителей», в 1908 г. — 886, в 1910 г. — 2021, в 1912 г. — 3808. Еще более значительным был тираж «Объединения», в 1912 г. оно печаталось в 13 930 экземплярах. Тиражи провинциальной периодики были невелики. Так, «Известия Челябинского общества потребителей» выходили в количестве 1,5 тыс. экз.²⁰ Значительная часть журналов распространялась бесплатно.

Содержание кооперативных повременных изданий было разнообразным. На их страницах регулярно появлялись материалы по организации кооперативного дела. Названия статей говорят сами за себя: «Как открыть общество потребителей», «О постановке счетоводства в потребительских обществах»²¹. Большое место в кооперативной прессе занимала рубрика под названием «Хроника». В ней регулярно публиковались заметки об опыте экономической и культурной работы, говорилось о проблемах, с которыми сталкивались местные организации.

В рассматриваемый период потребительские общества стали активно помогать школам, выделять средства в виде стипендий на обучение детей. Нами выявлен 21 такой факт, в том числе 10 организаций учредили соответствующие стипендии, 6 отчисляли часть своих средств на содержание школ, 2 общества выдавали субсидии курсам, организованным МСПО для подготовки кооперативных служащих²².

Особо следует отметить в этом отношении зависимую организацию Обуховского завода в столице. Из ее отчета за 1912 г. явствует, что 500 р. было затрачено на заводскую школу, 170 р. — «на техническое образование

детей». В документе имеется и любопытная статья расходов — «вознаграждение учительницам общества»²³. Через два года в журнале «Кооперативная жизнь» сообщалось, что данная организация содержала школу полностью на свои средства²⁴. Пермское железнодорожное общество за 1896—1913 гг. отпустило на стипендии и содержание школ 140 тыс. р., выстроило на свои средства прогимназию и два высших начальных училища на станциях Нижний Тагил и Мураши²⁵. Кооператив Владикавказской железной дороги построил на свои средства школу в Ростове-на-Дону, потратив на это 20 тыс. р., выдавал стипендии детям членов общества²⁶.

Конечно, далеко не все организации могли отпускать на образовательные цели такие большие средства. Однако и другие, не столь богатые общества старались внести свою лепту в благое дело. Так, «Надежда» из Енакиева определила 16 детей своих членов в коммерческое училище, обеспечив их стипендиями. Таким образом, «Надежда» решала и собственные проблемы, готовя служащих для кооперативных лавок²⁷.

Одной из важных задач просветительной работы кооперации являлась организация библиотечного дела. Потребительские общества учитывали то, что во многих промышленных городах и поселках доступные для рабочих библиотеки были очень бедны или вообще отсутствовали. Пожертвования на библиотеки сделали в 1907—1914 гг. 34 организации, из них 13 обществ имели собственные книжные фонды, остальные оказывали материальную помощь земским, городским и фабричным библиотекам²⁸.

Самая крупная в стране кооперативная библиотека существовала в Пермском железнодорожном обществе. О масштабах ее деятельности красноречиво говорят следующие цифры. За полтора десятилетия путевский кооператив отпустил на содержание библиотеки 60 тыс. р. В 1913 г. в ней было зарегистрировано 12 049 посещений, были взяты 26 254 книги, 1432 из них относились к разделу «Беллетристика», 3395 — к «Детской литературе», 2279 — к «Общественным наукам»²⁹. Как видно из этих цифр, основным в работе библиотеки было просветительное направление, кооперативная пропаганда не играла заметной роли; книги по кооперации, включенные в раздел «Общественные науки», брали не очень часто.

Девяносто шесть потребительских обществ выписывали для рабочих различную литературу³⁰. Однако, как только что было отмечено, лишь немногим организациям удалось создать собственные библиотеки. Большинство кооперативов содержали в помещениях правлений импровизированные читальни или раздавали рабочим книги на руки. Лучше других снабжали рабочих литературой независимые организации. Например, московский «Труд» еще до открытия торговли выделил из своего паевого капитала, собранного учредителями, небольшую сумму на книги «из рабочей жизни» и о кооперации³¹. Все чаще тратили средства на литературу для своих членов и хозяйские организации³².

К сожалению, кооперативы редко решались на торговлю «духовной пищей» — книгами, которые с коммерческой точки зрения были не самым выгодным товаром и не могли принести какого-либо дохода. Кроме того, в бюджете трудящихся оставалось на культурные нужды слишком мало средств, выкроить 1—2 рубля на покупку книг было трудно. Нам известны всего три организации, которые вели книжную торговлю: это рижские кооперативы «Солидарность» и при заводе Кузнецова, а также петербургская «Полезьа»³³. Это было связано с тем, что все указанные организации распола-

гались в Северо-Западном районе, в крупных промышленных центрах. Здесь уровень грамотности и общий культурный уровень рабочих были выше, чем в других регионах, а солидные заработки столичных и рижских рабочих позволяли им уделять средства на покупку литературы.

Некоторые потребительские общества знакомили рабочих с театром, драматическими и музыкальными произведениями. По инициативе энтузиастов в потребительских обществах время от времени ставились любительские спектакли, устраивались концерты. В этих организациях складывался более или менее постоянный состав самодеятельных артистов, возникали музыкально-драматические, хоровые и другие кружки. В рассматриваемый период их насчитывалось 19³⁴.

Первоначально они работали полулегально, поскольку власти требовали, чтобы каждый кружок или народный театр имел официально утвержденный устав. Нормальный устав музыкально-драматического кружка давал артистам возможность ставить пьесы, разрешенные цензурой, при этом афиши спектаклей заблаговременно препровождались в местную полицию. Кружком руководило правление, для создания его материальной базы предусматривались вступительные и членские взносы³⁵.

Один из наиболее известных музыкально-драматических кружков работал в московской «Солидарности». Он возник в марте 1912 г., а в начале 1913 г. первым из таких учреждений легализовался, подав властям на утверждение устав. В течение первого же года своей деятельности кружок устроил 6 спектаклей, 2 тематических вечера, 2 лекции, 2 экскурсии³⁶.

Разнообразным был репертуар кооперативных театров. Особенно охотно ставились пьесы А. Н. Островского: в железнодорожном кооперативе г. Двинска — «Лес», в организации на заводе Беляева (Вологодская губерния) — «Свои люди — сочтемся» и «Бедность не порок» и т. д.³⁷ Игались также комедии Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина, «На дне» М. Горького. В то же время у таких кружков был свой специфический репертуар. В него входили пьесы по рабочей тематике, например «Безработные» С. Белой. Ставились спектакли, в которых в сатирическом свете изображали главных врагов кооперации — лавочников: «Лабазник-спекулянт» в иваново-вознесенском обществе «Единение — сила», «Кулак» — в московской «Солидарности»³⁸.

В заключение можно сделать вывод о том, что в период между первой российской революцией и Первой мировой войной подлинно массовой стала культурно-просветительная деятельность рабочей кооперации. Для независимых организаций она превратилась в неотъемлемую часть их практической деятельности, значительно шире стал круг зависимых обществ, которые активно занимались ею. В культурной работе выделились два основных направления. В рамках первого из них кооперативная пропаганда ставила своей целью вовлечение в потребительские общества широких масс рабочих и воспитание у них сознательного отношения к кооперации. При этом активно пропагандировались успехи, достигнутые кооперацией как за границей, так и внутри страны. Задачей второго направления — общепросветительного — было просвещение и расширение кругозора тех сотен тысяч трудящихся, которые пришли в потребительские общества. Различные массовые мероприятия, кооперативная литература, распространявшаяся многотысячными тиражами, были для них практически единственным источником знаний, так как эти рабочие в подавляющем большинстве не участвовали в просветительных обществах или профсоюзах.

- ¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 167. Л. 17.
- ² Слобожанин М. Смотр кооперативным силам. СПб., 1909. С. 47.
- ³ Там же.
- ⁴ Наша заря. СПб., 1911. № 1; Союз потребителей. М., 1910; Объединение. М., 1911. № 5. 17.
- ⁴ Уральский кооператор. Екатеринбург, 1914. № 7/8, 11/12.
- ⁶ Кооперативная жизнь. М., 1914. № 2.
- ⁷ Союз потребителей. 1912. № 7.
- ⁸ Вестник кооперации. СПб., 1914. № 4; Звезда. СПб., 1912. 11 марта; Объединение. 1912. № 3.
- ⁹ Петербургский государственный исторический архив. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4152. Л. 291, 292, 299; Открытое письмо ко всем труженикам. СПб., 1907. С. 8; Балабанов М. С. История рабочей кооперации в России. М., 1925. С. 140. (Далее: ПГИА).
- ¹⁰ Объединение. 1912. № 4; 1913. № 17, 22; 1914. № 4.
- ¹¹ Железнодорожник-потребитель. Пермь, 1914. № 1, 2.
- ¹² Рабочие потребительские кооперативы в России, 1861 — февраль 1917 г. : перечень организаций : в 2 вып. / сост. К. Е. Балдин. М., 1990.
- ¹³ Открытое письмо ко всем труженикам. С. 1—3, 5, 6, 8.
- ¹⁴ Союз потребителей. 1908. № 37.
- ¹⁵ См., напр.: Кооперативный настольный календарь на 1911 г. М., 1911.
- ¹⁶ Объединение. 1913. № 22; 1914. № 9.
- ¹⁷ Поссэ В. А. По Европе и России. СПб., 1909. С. 429, 430, 445.
- ¹⁸ Союз потребителей. 1909. № 29, 30.
- ¹⁹ Там же. 1910. № 48.
- ²⁰ Известия Челябинского общества потребителей. Челябинск, 1910. № 4.
- ²¹ См., напр.: Трудовой союз. Казань, 1912. № 1; Уральский кооператор. 1911. № 4.
- ²² Рабочие потребительские кооперативы в России.
- ²³ ПГИА. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4152. Л. 291, 292.
- ²⁴ Кооперативная жизнь. 1914. № 3.
- ²⁵ Железнодорожник-потребитель. 1913. № 3/4.
- ²⁶ Железнодорожное потребительное дело. Пермь, 1914. № 2.
- ²⁷ Наше дело. Киев, 1913. № 10.
- ²⁸ Рабочие потребительские кооперативы в России.
- ²⁹ Железнодорожник-потребитель. 1914. № 2, 7—9.
- ³⁰ Рабочие потребительские кооперативы в России.
- ³¹ Рабочее дело. М., 1909. № 5.
- ³² ПГИА. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4152. Л. 127, 278; Государственный архив Ярославской области. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4368. Л. 104 и др.
- ³³ Лифляндские губернские ведомости. Рига, 1913. № 18; 1914. № 18; Балабанов М. С. Указ. соч. С. 140.
- ³⁴ Рабочие потребительские кооперативы в России.
- ³⁵ Государственный исторический архив Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 3.
- ³⁶ Объединение. 1913. № 13.
- ³⁷ Кооперативная жизнь. 1914. № 7; Железнодорожник-потребитель. 1914. № 7; Союз потребителей. 1912. № 2.
- ³⁸ Наш путь. М., 1913. 28 июля; Объединение. 1914. № 9.

ББК 63.3(2)613-2

Ю. А. Ильин

**ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1921—1922 гг.:
ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ ВЛАСТЕЙ И ТРУДЯЩИХСЯ КРАЯ
ГОЛОДАЮЩИМ МАРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ
(По материалам газеты «Рабочий край»)**

Актуальность проблемы несомненна. В России периоды кризисов всегда сопровождаются резким падением и без того низкого уровня жизни населения. Особенно болезненно эта тенденция затрагивает продовольственную составляющую быта людей в моменты разгула природных стихий. Интересно проследить, как в 1920-е гг. власти и общество боролись с этим злом, какие организационные и методические наработки порождала жизнь, точнее, инстинкт национального самосохранения.

Другим обстоятельством, побудившим обратиться к данной проблеме, является ее малая изученность в региональном аспекте. И наконец, конструктивный подход к данному вопросу может приблизить нас к адекватному пониманию причинности и значимости события, потрясшего всю страну: выступления населения Шуйского уезда в марте 1922 г. против кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих.

1921 г. — год засухи и начала всероссийского голода. Бедствие охватило основные зерновые районы республики, в первую очередь Поволжье. Так, в Марийской области на 1 едока уродилось озимого хлеба около 2,5 пудов, ярового хлеба — 3,5 пудов, картофеля — чуть более 0,5 пудов. Фуражный дефицит составил по зерну 1 млн пудов, по селу и соломе — соответственно 11,15 млн пудов и 1,85 млн пудов¹. С помощью центра в Марийской области удалось засеять лишь 55 % озимого клина. Продовольственный дефицит области выразился в размере 2,92 млн пудов, то есть 6,5 пудов на едока. Чем это грозило для местного населения? До конца декабря 1921 г. можно было удержаться на скудном пайке в 20 фунтов на едока (в месяц), после чего наступала голодная смерть.

Центр разверстал бедствующие районы республики по относительно благоприятным в продовольственном отношении губерниям и краям. Иваново-Вознесенская губерния была прикреплена к 10 волостям Марийской области. В них числилось 115 768 голодающих, в том числе до 35 000 детей (к февралю 1922 г. уже насчитывалось 150 000 голодающих). Продовольственный дефицит волостей достиг 750 000 пудов хлеба, более 250 000 пудов фуражного зерна, 2,27 млн пудов сена и 450 000 пудов соломы².

В связи с этим властями нашего края создается губернский комитет по оказанию помощи голодающим Поволжья (губпомгол) во главе с М. Мануильским (июль 1921 г.).

Новообразованная чрезвычайная структура начала свою деятельность с обращения к крестьянству губернии с просьбой помочь пострадавшему от засухи населению Поволжья. Под документом стояли подписи М. Мануильского, председателя губернского исполкома Н. Колотилова и председателя губернского профсоюза текстильщиков К. Фролова³.

© Ильин Ю. А., 2009

Деятельность созданной организации, ее усилия по мобилизации местных ресурсов на борьбу с голодом можно подразделить на этапы: 2-я половина 1921 г., зима 1921/22 г. — весна 1922 г., лето — осень 1922 г. Здесь же мы ограничимся характеристикой начального этапа оказания шефской помощи трудящимся Иваново-Вознесенской губернии голодающим Поволжья.

2-я половина 1921 г. — начальный этап работы губпомгола. В значительной степени он прошел под знаком организации своего рабочего аппарата, налаживания шефских связей с Марийской областью. В эти месяцы вырабатывались конкретный план и методы борьбы с голодом, причем эти моменты соотносились с возможностями края. Этот процесс затянулся до января 1922 г., поглотил собой живую, конкретную работу по спасению умиравшего от голода населения подшефных волостей Марийской области.

Почему так получилось? К этому результату неизбежно вел ряд неблагоприятных факторов. Прежде всего, сама новизна поставленной задачи для губернии, к тому же испытывавшей после гражданской войны нехватку творческих и трудоспособных кадров. А дефицит инициативных работников вел к окостенению разросшегося бюрократического аппарата на местах. Проявилась эта тенденция в борьбе с голодом в первую очередь в медлительности и малой эффективности действий властных структур (крайняя форма ее проявления — бездействие, упование на стихийное разрешение данной проблемы). Местные власти в то время были полны иллюзий насчет сознательности крестьянства, его готовности оказать посильную помощь бедствующим. При этом в учет не брались низкий урожай 1921 г., переход губернии на самообложение, рост числа потребителей и голодающих в текстильном крае. Это время деклараций, обращений, призывов власти к сельскому населению губернии. Их поочередно сменяли обрушивавшиеся на головы крестьян пласты информации об ужасах голода в Поволжье, и в частности в Марийской области.

Инертность власти проявилась и в деле введения системы местных налогов и сборов (единовременных и косвенных) для сбора средств в фонд голодающих. Провинциальная печать до декабря 1921 г. не фиксировала данные на этот счет. Возможная причина такой позиции в увлечении идеей разрешения кризиса через конфискацию церковных имуществ. Аналогичная ситуация складывалась и в деле задействования общественных структур, частных лиц для налаживания действенной шефской помощи населению Марийской области⁴.

Суровым приговором местной администрации были горькие слова, высказанные участниками II съезда Советов Марийской области (февраль 1922 г.): «Довольно, братья, ограничиваться посылкой комиссий, ревизий, — не комиссии нужны, а действенная помощь. Государство может обеспечить лишь 30 тыс. человек, остальные (270 тыс. человек. — Ю. И.) ждут вашей помощи...»⁵

Были и объективные факторы, минимизировавшие шефскую помощь края голодающим Поволжья. Остановимся на них подробнее. Начнем с того, что сама губерния была чрезвычайно бедна в продовольственном отношении. Урожай 1921 г. был ниже среднего, он обеспечивал в среднем 5 пудов хлеба на едока в год, в том числе для сельского населения — 6,8 пудов⁶. И именно в данные месяцы 1921 г. резко сократились поставки продовольствия в губернию. Так, по плану снабжения за период с 1 августа 1921 г. по март 1922 г. в текстильный край должно было поступить 810 283 пудов хлеба, на деле поступило 397 381 пудов. Дефицит составил 412 902 пудов хлеба. Центру при-

шлось подтвердить решение СНК от 12 апреля 1920 г. о приравнивании Иваново-Вознесенской губернии в продовольственном отношении к Москве и Петрограду (постановление СТО от 28 января 1922 г.). А пока местным властям пришлось гасить возникший дефицит усиленной заготовкой продовольствия внутри губернии. Так что акцент в своей деятельности губисполком и губпомгол сделали на смягчение продовольственного кризиса в регионе. Они запасли за счет местных ресурсов 488 700 пудов, что дало возможность уберечь население от голода до 1 марта 1922 г. В случае нехватки хлеба до нормы власти и подчиненные им хозяйственные структуры выплачивали рабочим дотации для покупки продовольствия по рыночным ценам⁷. Позже, в связи с обострением продовольственного кризиса в стране, стали чаще наблюдаться в нашей губернии случаи усиленного вывоза хлеба в другие регионы. Губисполкому пришлось специально поднимать этот вопрос для пресечения на корню данной тенденции. Ведь она грозила губернии статусом «голодающего края»⁸.

Практический итог данного этапа был весьма скромным. Отправка продовольствия, вещей, денег в Поволжье шла ежемесячно, но микроскопическими дозами: за август — сентябрь 1921 г. — 4 вагона вещей и продуктов, 100 млн рублей деньгами⁹, за период до 15 октября 1921 г. — 7608 пудов продовольствия, 15 млн рублей вещами, 25 тыс. аршин мануфактуры, 137,7 млн рублей деньгами¹⁰, на 12 декабря 1921 г. (неполные данные) — 15,8 тыс. пудов продовольствия (более 50 % — картофель), 25 тыс. аршин, 326 млн. рублей деньгами¹¹. Как видим, с середины октября 1921 г. и без того мизерная помощь подшефным волостям Марийской области уменьшается (обесценивающиеся деньги не в счет). По сути, прекратился приток мануфактуры, вещей, хлеба (его заменил картофель) в фонд голодающих. Поставки продовольствия в эти месяцы по очень скромным нормам обеспечивали лишь 1/50 долю требуемого для 10 подшефных волостей Марийской области. С учетом же возрастания числа голодающих (зимой 1921/22 г. со 116 тыс. до 150 тыс. человек) — и того меньше¹². Как заметила газета «Рабочий край» 5 февраля 1922 г., главная помощь бедствующему населению Марийской области идет не от Иваново-Вознесенской области, а от иностранцев.

Однако нельзя считать это время потерянными в борьбе за жизни населения Поволжья. Путем пропаганды и организационных усилий удалось подвигнуть государственные структуры, общественные организации и частных лиц к черте практических мер. В частности, развертывалась система косвенного обложения (по договорам с предприятиями и трестами), практика организации лотерей, кампаний пожертвований по линии юридических и физических лиц в фонд помощи голодающим.

Зима 1921/22 г. — весна 1922 г. — период практической помощи ивановцев голодающим Поволжья. Государство по вертикали стало влиять на финансовые и материальные потоки в стране, переориентируя их направление на помощь бедствующему региону. Так, в казну пошли деньги по общегражданскому налогу с трудового населения (мужчин 17—60 лет, женщин 17—50 лет). К июлю 1922 г. налог дал по губернии более 1 млрд рублей¹³. Это приблизительно 20—25 % всех денежных поступлений в фонд голодающих¹⁴.

Государство, стремясь остановить голод и его разрушительные последствия, пошло на конфликт с РПЦ. Речь идет о кампании по изъятию церковных ценностей. Анализ ее хода и итогов — предмет особого исследования. Здесь лишь приведем обобщающие данные, которые были нами выявлены из

провинциальной печати: к весне 1922 г. по губернии было собрано 300 пудов серебра, золота и драгоценных камней, из них отправлено в ЦК Помгола 260 пудов серебра, некоторое количество золота и драгоценных камней. По свидетельству местных властей, этих ценностей хватало для прокормления до нового урожая 100 000 человек¹⁵.

По линии продовольственного ведомства (Наркомпрод) из губернии было отправлено до 100 000 пудов мерзлого картофеля в 5 голодающих губерний, в частности в Марийскую область — до 8000 пудов продукта¹⁶. А весной 1922 г. по заданию НКП голодающим было направлено 431 вагона (307 051 пудов) семенного картофеля (102,5 % от наряда)¹⁷. Данного успеха удалось добиться благодаря организации «трехнедельника картофеля» (15 апреля — 7 мая): каждое крестьянское хозяйство обязано было сдать по разнарядке не менее 1 пуда продукта¹⁸.

Заработало и косвенное налогообложение. В частности, с 1 января 1922 г. в Юрьеveckом уезде была назначена 25%-ная надбавка к промысловому и патентному сборам, 50%-ная — на сбор за торговлю на базарной площади, 25%-ная надбавка к размеру штрафа, назначаемого отделом общего управления уездного исполкома и народным судом¹⁹.

В 1922 г. властные структуры стали теснее контактировать с текстильными трестами губернии. 1. Заключались договоры с предприятиями о начислении с 30 % их прибыли целевого налога в пользу государства²⁰. Это позволило казне только в феврале 1922 г. получить до 2 млрд рублей. 2. Для пополнения денежных средств в пользу голодающих устраивались лотереи среди населения (в феврале того же года они дали 500 млн рублей)²¹. 3. В связи с резким ухудшением государственного продовольственного снабжения рабочих и крестьян края в феврале 1922 г. (паяк по норме снижался с 80 до 60 фунтов хлеба, на деле было выдано 24 фунта) губернское экономическое совещание приняло нелегкое решение: тресты из своих запасов доводили эту фактическую норму до 1 пуда, т. е. добавляли 16 фунтов продукта на работающего). А с 1 апреля 1922 г. текстильные предприятия полностью снимались с государственного снабжения, должны были перейти на самообеспечение производственного персонала продовольствием и деньгами²². Тресты могли выполнить это решение властных структур края только через изъятие средств из оборотного капитала, что ставило их в тяжелое экономическое положение в условиях рынка.

Далее по инициативе центра в стране началась кампания «сватания» воинских частей муниципальным и губернским властям (т. е. взятия военнослужаших на продовольственное обеспечение). Решением губернского исполкома от 17 января 1922 г. на продовольственное снабжение губернии переходили 27-е Иваново-Вознесенские командирские курсы. Средства на их содержание шли от 5%-ной надбавки к патентному сбору в пользу голодающих²³. Высвобождавшиеся продовольственные «излишки» военное ведомство направляло в бедствующие регионы страны.

Иваново-Вознесенский губпомгол интенсифицировал свою деятельность среди жителей края (военнослужащие, члены профсоюзов, рабочие, служащие, интеллигенция и т. д.). Так, с целью координации усилий военнослужаших по оказанию помощи голодающим была создана губернская военная комиссия помгола, имевшая рабочий аппарат — подкомиссии — во всех уездных городах региона. На собраниях военнослужаших (декабрь 1921 г.) были приняты решения отчислять голодающим 5 % от своего пайка и жало-

ванья. Красноармейцами гарнизонов была выдвинута инициатива: «10 сытых кормят 1 голодающего»²⁴. За период января — июля 1922 г. ими было собрано 147 157 рублей, 750 пудов муки, 77 пудов крупы, 35 пудов хлеба, 1780 пудов картофеля, 32 пуда сахара, 170 пудов рыбы, 30 фунтов чая, 18 пудов растительного масла, 15 пудов мяса, 30 пудов соли, 20 фунтов мыла, 40 коробок спичек. В детский фонд направлено 24 238 рублей, 300 пудов муки, 42 пуда крупы, 55 пудов рыбы, 85 пудов картофеля, 15 пудов сахара, 25 пудов мяса, 1 пуд соли, 15 фунтов чая²⁵. Непосредственно отправлено в голодающие губернии губернской военной комиссией помгола 715 пудов муки, 46 пудов крупы, 1560 пудов картофеля, 8 пудов ржи, 130 пудов рыбы, 33 пуда сахара, 19,5 пудов соли, 9 пудов 23 фунта масла, 15 фунтов чая. Ею было переведено на текущий счет окружного военного помгола 950 млн рублей²⁶.

Развернулось движение за помощь бедствующему населению Поволжья и среди коллективов промышленных предприятий края. Здесь координирующую роль взяли на себя профсоюзы. Газета «Рабочий край» приводила сведения о починах рабочих и служащих Иваново-Вознесенской губернии по локализации голода в стране. В номере за 25 января 1922 г. была помещена информация о решении работников текстильных фабрик г. Шуи и уезда ежегодно отчислять голодающим 1 % с заработанного рубля до нового урожая. При этом особо указывалось, что 25 % этой суммы пойдет на продовольственную поддержку красноармейцев местного гарнизона. Рабочие химического завода (б. Лепешкина) решили отчислять голодающим однодневный заработок 1 раз в месяц в период с 1 января по 1 сентября 1922 г. В связи с обострением ситуации на продовольственном фронте рабочие и служащие г. Шуи вновь вернулись к выработке адекватных мер по оказанию помощи голодающим Поволжья. 21 января 1922 г. ими принимается решение устраивать субботники, отчислять по 2 фунта хлеба с пайка и 1,5 % жалованья ежемесячно в фонд помощи. Лишь за несколько субботников в январе 1922 г. текстильщики г. Шуи перечислили в уездный помгол 150 млн рублей²⁷. В целом по Шуйскому уезду за период с 18 октября по 1 февраля 1922 г. в виде пожертвований было перечислено населением в фонд голодающих деньгами 193 367 167 рублей, 543 пуда 18 фунтов картофеля, 167 пудов 24 фунта ржаного зерна, 160 пудов овса²⁸.

Об активности текстильщиков края в борьбе с голодом свидетельствовал руководитель областного профсоюза текстильщиков Н. Пирожков: начиная с 1 января 1922 г. каждый работник отчислял по 2 фунта муки с пайка. Заметим, что общая численность членов этого профсоюза составила 58 950 человек²⁹. На XII губернском съезде текстильщиков (23 мая 1922 г.) приводилась информация о регулярных отчислениях в фонд голодающих уже с декабря 1921 г. (по 2 фунта с пайка и денежные отчисления). Всего к маю 1922 г. рабочие текстильной промышленности края перечислили губернскому помголу 4,75 млрд рублей, 4557 пудов продуктов, 158 пудов картофеля, 156 000 аршин мануфактуры, 70,5 пудов лоскута, 168 пудов ваты, 5 пудов мыла и др.³⁰ Приведенные статистические данные говорят о том, что в дело преодоления продовольственного кризиса профсоюзы внесли не меньший вклад, чем государственные структуры.

Таким образом, период зимы 1921/22 г. — весны 1922 г. по результатам сбора средств для голодающих Поволжья выглядит более выигрышным, нежели предшествующий (август — ноябрь 1921 г.). Но все же эта помощь была ничтожно мала, чтобы как-то повлиять на общий ход битвы за жизнь

населения бедствующих регионов. Это признавали дружно и официальные власти, и общественность края³¹.

Однако каждая спасенная жизнь бесценна, особенно если это касается детей. Здесь ивановцы сделали максимум для того, чтобы вернуть к жизни умирающих детей, эвакуированных в их край из зон бедствия. Из материалов XI губернского съезда Советов (декабрь 1921 г.), размещенных на полосах провинциальных газет, узнаем, что в губернии были подготовлены места для размещения 1658 голодающих. Из них уже было определено на жительство 585 детей. Беженцев же в крае насчитывалось до 7000 человек, основная их масса дислоцировалась в районе г. Кинешмы³².

В конце февраля в г. Иваново-Вознесенск прибыл поезд с голодающими детьми из г. Бугуруслана (559 детей). Они были распределены по детским домам и детским учреждениям края: 156 человек — в детские дома Шуйского уезда, по 50 человек — в Тейковский и Середской уезды, Иваново-Вознесенский уездный отдел народного образования взял на попечение 142 ребенка, губчека — 40 детей и гарнизон — 35 детей³³. Так что к концу февраля 1922 г. в губернии было устроено более 1100 детей, не считая более 500 детей, живших с семьями в специально оборудованных общежитиях³⁴.

Местные власти планировали довести численность прибывавших из зон бедствия детей до 1 650 человек, не считая детей с родителями³⁵. Рост смертности детского населения в районах, охваченных голодом, заставил губернский исполком вынести радикальное решение (протокол № 28 от 1 апреля 1922 г.): принять из голодающих районов до 5000 детей, из них 4500 детей должны были быть распределены между крестьянами из расчета 1 ребенок на 20 домохозяев. Предполагалась даже такая мера, как разгрузка детских домов за счет распределения детей старше 10 лет по крестьянским семьям³⁶. К сожалению, периодическая печать не дает конечных обобщающих данных о числе детей из голодающих районов, нашедших приют и надежду на жизнь в текстильном крае. Есть косвенные сведения о том, что в губернии за время революции, гражданской войны и 1922 г. число детских домов выросло более чем в 100 раз. В них находилось около 5000 детей. Можно предположить, что с учетом семей беженцев и детей, распределенных среди ведомственных учреждений, церковных приходов и крестьянских обществ края, общая сумма могла составить 7000—7500 человек. Доля же в них детей, прибывших из голодающих районов страны, была не менее 1/3, то есть 2000—2500 человек³⁷.

Лето — осень 1922 г. — переломные месяцы в борьбе с голодом. Хороший урожай 1922 г. вывел борьбу на продовольственном фронте из плоскости выживания на путь преодоления последствий данного бедствия. По постановлению президиума ЦК Помгола от 12 июля 1922 г. теперь определялись два направления помощи: производственная для крестьян (пополнение рабочего скота, ремонт инвентаря, борьба с саранчой, трудовая помощь в уборке урожая и фуража) и продовольственная для лиц, социально незащищенных (бездомные, сироты, возвращающиеся беженцы, инвалиды). Особо указывалось в документе, что сборы и налоги, собираемые в фонд голодающих, сохранялись до реализации урожая³⁸.

Благодаря вышеуказанным обстоятельствам начался отток беженцев и из Иваново-Вознесенской губернии. По данным Иваново-Вознесенского упомгола, за время с начала кампании через него прошло 700 человек, большинство из них отправились на свою «малую родину». Правда, за июнь — начало сентября 1922 г. вновь вернулись в г. Иваново-Вознесенск 342 бежен-

ца. Причины их возвращения: не засеяна земля, условия существования в нашем крае лучше. Часть из них разместили в двух ночлежных домах (40 человек в здании на ул. Всесвятской и 150 человек в бывшей земской больнице). Привлекала беженцев и привилегия внеочередного трудоустройства, что, кстати, вызывало много конфликтов с коренными безработными³⁹.

С 15 октября 1922 г. постановлением президиума ВЦИК ЦК Помгола реорганизовывался в ЦК Последгола. Отменялись обязательные налоговые поступления в фонд помощи голодающим. Акцент теперь делался на добровольные пожертвования, самообложение, доходы со зрелищ и т. д. Принудительный элемент указанной системы заменялся «добровольной» благотворительностью.

Реорганизация шефской помощи Иваново-Вознесенской губернии населению Марийской области началась с конца октября 1922 г. В немалой степени этому способствовала и телеграмма руководителя Марийского областного помгола Петрова следующего содержания: «Со сбором нового урожая острота голода притупилась. Отпала чрезвычайная экстраординарность мер борьбы с голодом. Облегчилось и положение трудящихся Марийской области, которые не забудут тех, кто пришел к нам с помощью в кошмарные дни голода... Областная комиссия помощи голодающим в своем заседании 12 октября, подводя итоги оказания помощи, постановила принести благодарность трудящимся Вашей губернии и рабочим, принявшим участие в борьбе с голодом, оказавшим великую помощь в дни мучений и страданий от костлявой руки голода...»⁴⁰

В нашем крае тенденция свертывания работ по оказанию помощи населению Поволжья наблюдалась осенью 1922 г. — зимой 1922/23 г. В связи с этим на пленуме губернского исполкома был поставлен вопрос о борьбе с последствиями голода (январь 1923 г.). С докладом выступил председатель губпоследгола М. Чернов. Он указал на незначительность объемов работ подведомственной ему структуры. Объяснял это тем, что много сил отвлекла выборная кампания, а также болезненностью самого процесса перестройки, известной инерционностью в методах деятельности (лишь процентные отчисления с зарплаты рабочих и служащих и помощь беженцам) и нежеланием крестьянства края жертвовать средства для борьбы с голодом. Мешали работе губернского последгола и равнодушие отдельных организаций, и мнение ряда ответственных работников о нецелесообразности дальнейшего существования этой структуры. Докладчик особо отметил, что теперь организация ориентируется на социальную поддержку местного крестьянства. Деревня получила осенью 1922 г. 15 000 пудов хлеба и 7500 пудов льняного семени для засева озимых.

М. Чернов выдвинул новую концепцию для активизации, а главное, повышения действенности подотчетной ему структуры. Он считал, что помощь должна быть нацелена на малоимущие слои населения (безработные, инвалиды войны, беженцы и беспризорные дети). Иным должно быть распределение собираемых средств (взносов от добровольного самообложения, благотворительности, зрелищ и т. д.): 50 % направить в фонд ЦК Последгола, 10 % — губернскому последголу и 40 % оставить в уездах. Комиссия губпоследгола должна была лишь координировать эту работу, а контрольные функции по расходованию средств передавались соответствующим структурам: народное образование опекало беспризорных детей, отдел управления — беженцев, отдел труда — безработных, комитеты взаимопомощи — малоимущих крестьян, отдел социального обеспечения — инвалидов. М. Чернов внес предло-

жение организовать 1—15 марта 1923 г. кампанию по сбору средств для преодоления голода⁴¹. К сожалению, периодическая печать не давала сведений, было ли принято это предложение, было ли реализовано и как в целом работал губернский последгол до дня своего роспуска (май 1923 г.). Как нам видится, было несколько причин данного умалчивания:

1. Работа губернского последгола растворилась в деятельности множества ведомственных структур, что, конечно, привело к обезличиванию и последующему роспуску данной организации. Заметим, что председатель губернского исполкома занимал и должность руководителя губпоследгола.

2. На текстильный край нахлынули проблемы экономического и социального порядка (рост безработицы, скачки цен на сырье, топливо, дефицит оборотных средств, «ножницы цен» и проблема сбыта промышленной продукции). И это на фоне весьма скудного продовольственного пайка и низкой зарплаты рабочих и служащих, что накаляло социальную напряженность в крае. В связи с этим внимание периодической печати переключилось на раскрытие и решение данных вопросов.

Итак, периодическая печать 1921—1923 гг. давала обширный и многоплановый исторический фон для раскрытия обозначенной нами проблемы. Ее материал оживлял, конкретизировал, давал в дискуссионном плане обзор ключевых событий борьбы с голодом внутри и вне границ губернии. Зачастую приводимый материал не попадал в отчеты и докладные записки органов местного управления, и этим для нас он весьма ценен, ибо газетная информация лишена схематизма, явного аппаратного «причесывания» данных, энциклопедична по масштабности и глубине показа аспектов проблемы.

Трудность исследования этого ценного материала — в его растворенности на безграничных газетных полосах среди официальных отчетов, передовиц и кратких заметок в многочисленных рубриках номеров. Тут исследователю требуется определенный уровень профессионализма, чтобы не только просеять «горы газетной руды», но и, главное, по выявленным фрагментам материала реконструировать целостную картину изучаемого явления или процесса. Этим объясняется неудача работ историков-краеведов с данным источником, бесценным в раскрытии поднятой нами темы.

¹ Рабочий край : орган Иван.-Вознес. губ. Совета раб., крест. и красноарм. депутатов, гор. Совета раб. и крест. депутатов). 1921. 15 дек.

² Там же. 1922. 26 февр.

³ Там же. 1921. 2 авг.

⁴ Там же. 23 дек.; 1922. 25 февр., 26 февр., 2 марта, 25 мая, 20 июля.

⁵ Там же. 1922. 8 марта.

⁶ Там же. 2 марта.

⁷ Там же. 28 марта.

⁸ Там же. 5 февр.

⁹ Там же. 1921. 25 сент.

¹⁰ Там же. 1922. 2 марта.

¹¹ Там же. 1921. 23 дек.

¹² Там же. 15 дек.; 1922. 26 февр.

¹³ Там же. 1922. 13 июля.

¹⁴ Там же. 12 апр., 13 мая.

¹⁵ Там же. 13 мая.

¹⁶ Там же. 28 янв.

¹⁷ Там же. 1 июня.

- ¹⁸ Там же. 4 апр.
¹⁹ Там же. 28 янв.
²⁰ Там же. 16 февр.
²¹ Там же. 2 марта.
²² Там же. 28 февр., 15 марта.
²³ Там же. 25 янв.
²⁴ Там же. 20 июля.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. 28 янв.
²⁸ Там же. 25 февр.
²⁹ Там же. 26 марта.
³⁰ Там же. 25 мая.
³¹ Там же. 12 апр., 13 мая.
³² Там же. 1921. 23 дек.
³³ Там же. 1922. 25 февр.
³⁴ Там же. 26 февр.
³⁵ Там же. 2 марта.
³⁶ Там же. 5 апр.
³⁷ Там же. 26 февр., 2 марта, 13 мая, 23 мая, 6 сент., 10 дек.
³⁸ Там же. 7 сент.
³⁹ Там же. 6 сент.
⁴⁰ Там же. 28 окт.
⁴¹ Там же. 1923. 25 янв.

ББК (Т) 63.3

Д. В. Кареев

РУФА ФЕСТ, РИМСКИЙ ИСТОРИК IV ВЕКА

Имя Руфа Феста не принадлежит к числу известных имен историков Рима и знакомо лишь узким специалистам в области историографии. Ему принадлежит так называемый «Бревиарий деяний римского народа» («*Breviarium rerum gestarum populi Romani*»), который был создан в 370 г. по поручению императора Валента II Готского. Поэтому Руфа Феста, как правило, ставят в один ряд с такими историками, как Евтропий, Секст Аврелий Виктор и другие авторы IV в., относящиеся к «малой» римской историографии. Особняком среди них стоит фигура Евтропия, который также, как и Фест, адресовал свой «Бревиарий от основания Города» императору Валенту II. По мнению целого ряда зарубежных исследователей, именно приход к власти двух малообразованных паннонских военачальников, каковыми являлись Валент II и его брат Валентиниан I, и заставил двух чиновников Империи, Евтропия и Руфа Феста, создать свои «краткие обзоры».

О самом Руфе Фесте известно еще меньше, чем о Евтропии. По всей видимости, Фест был язычником, как и многие другие «малые» римские историки. На данное обстоятельство намекают заключительные слова его «Бревиария»: «Лишь бы только удачу, [которую] ниспосылают боги и [которая] даруется благосклонной божественностью, в которую ты веришь и которой

© Кареев Д. В., 2009

ты наделен, была милостива [к тебе]...» («Maneat modo concessa dei nutu et ab amico, cui credis et creditus es, numine indulta felicitas»). Выражение «dei nutu» намекает на языческих богов. В свою очередь, словосочетание «amicum numen, cui credis et creditus es» вполне может относиться непосредственно к христианству, которое исповедовал Валент II.

В «Codex Bambergensis» IX в. Руф Фест, как и Евтропий, называет себя «magister memoriae». Это упоминание перекликается с рассказом Аммиана Марцеллина о некоем Фестине из Тридента, который, как и автор «Бревиария деяний римского народа», получил должность «magister memoriae» и сделал свою карьеру в правление императоров Валента и Валентиниана. Из его биографии известно, что он был консуляром в Сирии, а впоследствии стал «магистром канцелярии рескриптов» («magisterioque memoriae peracto»). Аммиан Марцеллин рисует его достаточно жестоким человеком «низкого и неизвестного происхождения» («ultimi sanguinis et ignoti»), преследовавшим философов и предсказателей из желания получить префектуру. В том же историческом контексте, только уже с именем Фест, упоминается он и у Евнапия как человек, который «никогда не испытывал никакого почтения перед богами и казнил своих жертв именно за поклонение богам». На основании этих фактов В. Ден Боер делает вывод о том, что этот Фестин или Фест из Тридента был христианином и, вероятно, автором «Бревиария деяний римского народа». Именно между 365 и 372 г. он занимал должность «magister memoriae», когда и был написан «Бревиарий», завершающийся смертью императора Ювиана.

С ним не соглашается Б. Болдуин, считая, что позиция автора «Бревиария» сугубо языческая, а сам он был выходцем из образованных кругов языческой интеллигенции, на что указывает его положительное описание образа императора Юлиана, используемая на протяжении всего сочинения лексика и заключительные слова, адресованные Валенту II. Действительно, прочтя «Бревиарий», трудно согласиться с тем, что Руф Фест был христианином. Так, описывая поход императора Кара против персов, он считает, что победа ему досталась исключительно по воле богов («Cari imperatoris victoria de Persis nimium potens superno numini visa est»), Гней Помпей Великий назван «испытывавшим счастье в войне» («Gn. Pompeius expertae felicitates ad Mithridaticum bellum missus...»), удачу императору Валенту ниспосылают боги («Maneat modo concessa dei nutu...»). Вероятнее всего, историк принадлежал к тому же интеллектуальному кругу лиц, что и Секст Аврелий Виктор, Евтропий и Либаний.

Поэтому в силу специфики жанра и занимаемых должностей при императоре Валенте наиболее близким Руфу Фесту автором оказывается Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». Между обоими историками прослеживаются не только концептуальные, но и текстуальные параллели. Приведем несколько примеров:

Festus

Traianus **Dacos** sub rege **Decibalo** **vicit** et **Daciam trans Danubium** in solo barbariae provinciam fecit, quae **in circuitu habuit decies centena milia passum.**

Eutropius

Traianus... **Daciam Decibalo victo** subegit, provincial **trans Danubium** facta in his agris quos nunc Taifal, Victohali et Teruingi habent. Ea provincia **decies centena milia passum in circuitu tenuit.**

Traianus, qui post Augustum Romanae rei publicae movit lacertos, **Armeniam recepit a Parthis**, sublato diademate Armeniae maioris regnum ademit. **Albanis regem dedit; Hiberos, Bosphorianos, Colchos in fidem Romanae dicionis recepit; Osrhoenorum loca et Arabum** occupavit; **Carduenos, Marcomedos** obtinuit, **Anthemusium**, optimam **Persidis regionem, Selevciam, Ctesiphontem, Babyloniam** accepit ac tenuit. **Usque ad Indiae fines** post Alexandrum accessit. **In mari rubro classem instituit. Provincias fecit Armeniam, Mesopotamiam, Assyriam**, quae inter Tigridem atque Euphratem sita inrguis amnibus instar Aegypti fecundatur.

Hadrianum **gloriae Traiani** certum est **invidisse**. Qui ei successor in imperio sponte propria **revocatis exercitibus Armeniam, Mesopotamiam, Assyriam** concessit et inter Romanos ac Persas **Euphraten** medium esse voluit.

Severus natione Afer, acerrimus imperator **Parthos** strenue **vicit, Aziabenos** delevit, **Arabas interiores** obtinuit et Arabiam provinciam fecit. Huic cognomina ex victoriis quaesita sunt; nam **Aziabenicus, Parthicus, Arabicus** cognominatus.

Antoninus, cognomento Caracalla, filius Severi imperatoris, **expeditionem in Persas parans, in Osrhoena apud Edessam** propria morte obit et ibidem sepultus est.

Traianus... **Armeniam** quam occupaverant **Parthi recepit**, Parthomasiri occiso, qui eam tenebat. **Albanis regem dedit. Hiberorum regem** et Sauromatarum et **Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit. Carduenos, Marcomedos** occupavit et **Anthemusium**, magnam **Persidis regionem, Seleuciam, Ctesiphontem, Babylonem**; Messenius vicit ac tenuit. **Usque ad Indiae fines** et mare Rubrum accessit atque ibi tres **provincias fecit, Armeniam, Assyriam, Mesopotamiam**, cum his gentibus quae Madenam attingunt. Arabiam postea in provinciae formam redegit. **In mari Rubro classem instituit**, ut per eam Indiae fines vastaret.

Hadrianus... **Traiani gloriae invidens** statim provincias tres reliquit, quas Traianus addiderat. et **de Assyria, Mesopotamia, Armenia** revocavit exercitus ac finem imperii esse voluit **Euphraten**.

...Septimius Severus... **oriundus ex Africa... Parthos vicit et Arabas interiores et Adiabenos**. Arabas eo usque superavit, ut etiam provinciam ibi faceret. idcirco **Parthicus, Arabicus, Aziabenicus** dictus est.

Aurelius Antoninus Bassianus, idemque Caracalla... defunctus est **in Osdroena apud Edessam, moliens adversum Parthos expeditionem...**

Это лишь часть заимствований из «Бревиария» Евтропия, поскольку на всем протяжении своего сочинения Фест постоянно обращается к своему предшественнику.

Обнаруживаются совпадения между текстом Феста и «Периогами» Тита Ливия:

Festus

Parthi Labieno, qui Pompeianarum partium fuerat ac victus ad Persas refugerat, duce in Syriam inruperunt ac totam provinciam occuparunt.

Titus Livius

Parthi Labieno, qui Pompeianarum partium fuerat, duce in Syriam inruperunt... totam eam provinciam occuparent.

M. Antonius **Mediam ingressus... bellum Parthis intulit**, et primis eos proeliis vicit. Post **duabus legionibus amissis...** M. Antonius... **Mediam ingressus bellum... Parthis intulit...** et cum **duabus legionibus amissis...**

Проблема идентификации источниковой базы сочинения Руфа Феста затрудняется весьма лаконичным изложением фактов. Однако в тексте постоянно обнаруживаются признаки эрудированности и начитанности автора. Об этом свидетельствуют немногочисленные авторские ремарки, присутствующие в «Бревиарии». Так, характеризуя императора Траяна, Фест пишет, что тот «после Августа напряг мускулы Римского государства...». Подобную фразу, но смещенную в смысловом плане, можно обнаружить у Луция Аннея Флора: «...при Траяне-принцепсе [римский народ] вновь напряг свои мускулы...» Описывая территориальные потери императора Нерона, историк отмечает, что тот «был самым недостойным императором, измучив Римское государство, оставил Армению. После этого персы, два римских легиона проведя под ярмом, в конце концов обеславили римское войско позорной присягой». Этот же эпизод есть и у Светония в биографии Нерона: «...к злоключениям и бедствиям, виновником которых был Нерон, судьба прибавила и другие: поражение в Британии, где два города были разорены и множество граждан и союзников перебито; бесславные дела на Востоке, где в Армении легионы прошли под ярмом». Обнаруживаются параллели и с таким историческим источником, как «Scriptores Historiae Augustae». Рассказывая о совместном правлении Марка Антония и Луция Вера, Фест отмечает, что «два Антонина, Марк и Вер, это были тесть и зять, и равным образом [оба были] Августами, распространив [Римское] государство [по всему] миру, первыми [одинаково] владели властью». В свою очередь, у биографа Адриана Элия Спартиана мы находим, что Марк Антоний и Луций Вер «были те, которые впоследствии вдвоем в качестве Августов впервые управляли государством совместно». И это еще один дополнительный довод в пользу языческого происхождения нашего историка.

Интересны и оригинальные авторские вставки в тексте, которые во многом выдают в историке ритор. В начале «Бревиария» Руф Фест заявляет о цели своего сочинения, а именно о необходимости составить краткий обзор римской истории по поручению императора Валента II Готского, «а также беспрепятственно и окончательно рассказать [о дальнейших событиях], которые описаны в замечательных [и] совершенных бревиариях» («Brevem fieri clementia tua praecipit: parebo libens praecipito, quippe cui desit facultas latius eloquendi, ac morem secutus calculonum qui ingentes summas aeris brevioribus exprimunt, res gestas signabo, non eloquar»). Фест на протяжении своего труда постоянно напоминает Валенту о тех промежуточных задачах, которые он ставит, среди которых рассказ о территориальном росте Рима при трех основных формах правления («Sub his igitur tribus imperandi generibus, hoc est regio consulari imperatorio, quantum Roma profecerit, breviter intimabo»), история образования каждой провинции («Quo ordine autem singulas provincias Romana res publica adsecuta sit, infra ostenditur»), рассказ о римско-парфянском конфликте и пропаганда наступательных действий императора Валента на Востоке («Nunc Eoas partes totumque Orientem ac positas sub vicino sole provincias, qui auctores sceptris tuis paraverint, explicabo, quo studium clementiae tuae, quod in isdem propagandis habes, amplius incitetur»).

В конце «Бревиария» Фест высказывает надежду на продолжение своего труда («*Quam mango deinceps ore tua, princeps invicte, facta sunt personanda! Quibus me licet inparem dicendi nisu et aevo graviorem parabo*»), что, в свою очередь, является общим риторическим приемом у многих римских историков, таких как Веллей Патеркул («*iusto servemus operi*»), Корнелий Тацит («*principatum divi Nervae et imperium Traiani, uberiolem securiolem-que materiam senectuti seposui*»), Аммиан Марцеллин («*scribant reliqua potiores... quos id (si libuerit) adgressuros procudere linguas ad maiores moneo stilos*»), Евтропий («*quia autem ad inclitos principes venerandosque perventum est, interim operi modum dabimus. nam reliqua stilo maiore dicenda sunt. quae nunc non tam praetermittimus quam ad maiorem scribendi diligentiam reservamus*»), авторы жизнеописаний Августов («*nam Diocletianus et qui secun- tor stilo maiore dicendi sunt*»).

«Бревиарий» Феста в большей степени, чем «Бревиарий» Евтропия, подвержен хронологическому принципу изложения материала, однако также имеет свою специфику описания исторических фактов. Его основная идея, как и у Евтропия, заключается в описании постоянного территориального расширения Римского государства. В первой части Руф Фест излагает формирование территории Римского государства при «трех разновидностях властвования, царском, консульском и императорском» («*Sub his igitur tribus imperandi generibus, hoc est regio consulari imperatorio, quantum Roma profecerit, breviter intimabo*»), предварительно считая нужным упомянуть, что царский период римской истории продолжался 243 года, консульский — 467 лет, а императорский — 407 лет, и кратко сообщая, какие провинции были созданы при каждом из этих способов правления. Далее идет подробное перечисление образования каждой провинции («*Quo ordine autem singulas provincias Romana res publica adsecuta sit, infra ostenditur*»). Вторая часть «Бревиария» посвящена актуальной для IV в. проблеме взаимоотношений Рима с его восточными соседями, и прежде всего с Парфией, начиная с похода Луция Лукулла в Месопотамию и заканчивая мирным договором императора Иовиана 363 г.

Все авторы IV в., в том числе и Руф Фест, которые писали о внешней политике Рима, исходили из идеи абсолютной уверенности в главенстве Римской империи над всем миром. Причины, по которым Рим захватывает все новые и новые области и государства, не требуют какого-либо подробного объяснения — это просто способ его существования и выживания среди других народов. Наиболее ярко данный факт иллюстрирует пример с действиями Луция Лукулла на Востоке. Парфянские цари искали себе сильных союзников в борьбе против Армении. Однако первый контакт двух держав закончился унижением Парфии. Фест пишет в соответствующем месте, что «Арсак, царь Парфии, первым отправил посла проконсулу Луцию Сулле, чтобы [тот] просил дружбы у римского народа и был её удостоен». Позже Лукулл в обход договора о дружбе захватывает Месопотамию вместе с городом Нисибис. Поэтому наиболее часто упоминаемые причины войн — расширение территории Римского государства и угроза его безопасности. В глазах римских историков IV в. потеря или уступка собственной территории абсолютно недопустимы. Этот принцип также является основополагающим на протяжении всего «Бревиария» Феста. И самый тяжелый упрек адресуется императору Иовиану, лишившему Римскую империю многих областей и даже передавшему парфянам по условиям договора 363 г. часть территории Римского государства. Руф Фест пишет по этому поводу: «...нам предоставили условия

(которые прежде никогда не предоставлялись), вредные для Римского государства», а самого императора характеризует как неискусного в управлении государством («in imperio rudis adqueievit»).

Перспективы второй молодости римского народа историки связывали с деятельностью Марка Ульпия Траяна. При этом восхвалялась именно завоевательная политика Траяна, особенно его действия на Востоке, и император был примером полководца, способного утвердить окончательное главенство Рима в восточных провинциях, что было весьма актуально для IV в. Производство Феста несло определенную политическую и пропагандистскую нагрузку, особо подчеркивая патриотическую тенденцию в официальной историографии того времени, которая была весьма значима в эпоху общей дезинтеграции Империи. Согласно этой тенденции удаchi во внешнеполитической деятельности способны достичь только те правители, которые лично ведут военные действия. Без сомнения, историк учитывал эти обстоятельства и своим описанием многочисленных успешных примеров завоеваний из прошлого Рима приглашал современных ему императоров к более агрессивной внешней политике на Востоке.

Библиографический список

1. *Флор Луций Анней*. Две книги эпитом римской истории обо всех войнах за 700 лет // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк Древнего Рима. Воронеж, 1977.
2. *Baldwin B. Festus the Historian* // *Historia*. 1978. № 27.
3. *Boer W. den. Some minor Roman Historians*. Leiden, 1972.
4. *Eutropii Breviarium ab Urbe condita* / ed. by C. Santini. Stutgardiae, 1992.
5. *Festus Rufius*. Abrege des hauts faits du peuple romain // *Festus : texte etabli et trad. par M.-P. Arnaud-Lindet*. Paris, 1994.
6. *Historiae Augustae*. Paris, 1992.
7. *Suetonius Tranquillius Caius*. Vies des douze Cesars // *Suetone : texte etabli et trad. par Henri Ailloud*. Paris, 1989—1993.
8. *Livius Titus*. Histoire romaine // *Tite-Live : texte etabli par Jean Bayet et trad. par Gaston Baillet*. Paris, 1993.

ББК 63.212

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ЗЕМЛЯНОГО ВАЛА ЛУХСКОЙ КРЕПОСТИ ОСЕНЬЮ 2008 ГОДА

Поселок Лух, имевший до 1925 г. статус города, является одним из старейших населенных пунктов на территории Ивановской области. Впервые он упомянут в летописи под 1429 годом [6, с. 8]. В этом году в середине января городок на р. Лух был неожиданно атакован и разорен казанскими татарами. Целью набега был, скорее всего, не сам городок, тогда не представлявший для налетчиков никакой материальной ценности, а крепость. Остатки ее, а именно земляные валы, сохранились до наших дней и ныне являются памятником истории и культуры федерального значения.

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2009

• Серия «Гуманитарные науки»

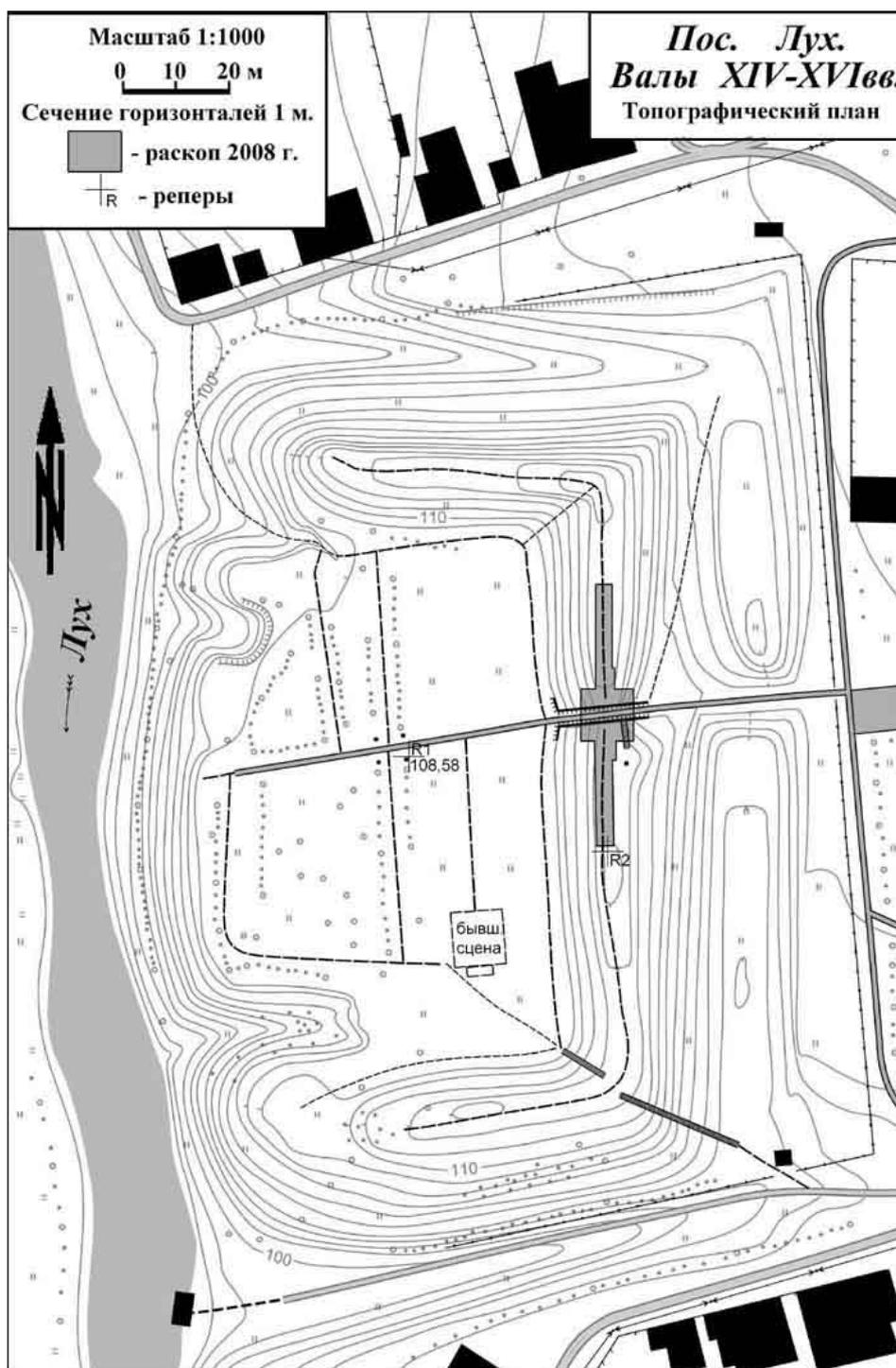

Рис. 1. Городище Лух. Валы. Топографический план памятника (рис. И. Климашова)

Валы расположены в центральной части современного пос. Лух. Они огораживают древнее городище, которое находится на краю террасы левого берега р. Лух (левый приток р. Клязьмы). Высота террасы от летнего уровня воды в реке составляет 12 м. В плане городище имеет вид прямоугольника

размерами 115×66 м (рис. 1). Валы защищают городище с трех сторон — северной, южной и восточной. Их общая протяженность — 295 м. В поперечном сечении они трапециевидные, ширина основания 20—30 м, по гребню — 5—8 м, высота — 4—5 м, глубина прилегающего рва — 4—5 м при ширине 20—25 м. В восточном валу устроен проем для въездных ворот шириной в 10 м.

В 2006—2007 гг. в Ивановской области развернулась широкая кампания по развитию туризма. В связи с этим был разработан и представлен в областную администрацию архитектурно-строительный проект воссоздания на валах деревянной крепости.

Перед началом строительства согласно законодательству Российской Федерации в обязательном порядке необходимо было провести научно-изыскательские охранные археологические раскопки участка, отведенного под возведение макета древних оборонительных сооружений. Эти работы выполнялись археологической экспедицией ИвГУ поздней осенью 2008 г. под руководством одного из авторов статьи.

1. Краткая характеристика итогов археологических раскопок памятника

До наших раскопок Лухское городище (и, в частности, валы) в археологическом плане фактически не было исследовано. Впервые оно было кратко описано И. К. Херсонским в 1890 г. [9]. И... забыто специалистами почти на сотню лет¹. Лишь в 1984 г. в рамках программы по составлению археологической карты России К. И. Комаровым было проведено визуальное обследование городища, дано его подробное описание и выполнена инструментальная съемка плана памятника [3]. В 1986 г. небольшие работы здесь провел П. Н. Травкин [8]. Им было заложено два шурфа размерами 2×2 и 1×1 м в северной и южной частях городища. Наконец, летом 2003 г. И. В. Купцов на городищенской площадке вскрыл еще 4 кв. м [4]. Во всех шурфах было встречено очень много кованых строительно-крепёжных гвоздей и битой керамической посуды, в основном достаточно позднего облика (XVII—XVIII вв.). Но по мнению исследователей, из всей массы этого керамического хлама визуально выделяются и отдельные черепки конца XIV в. Хотя самого слоя антропогенных отложений этого столетия (да и XV—XVI веков) на памятнике не выявлено.

К моменту начала раскопок 2008 г. поверхность валов была очищена от кустарниковой и древесной растительности. Дело в том, что на территории городища еще в конце XIX в. был разбит регулярный парк, вдоль валов с внутренней стороны высажены липы, на гребне — кусты акации и сирени. Видимых внешних нарушений памятника отмечено не было. Лишь в центре восточного вала (очевидно, тогда же, в конце XIX в.) был заново расчищен оплывший со временем первоначальный проём для въезда на городище. Его края во избежание повторных осыпаний грунта были укреплены деревянной столбовой конструкцией, позднее замененной подпорными стенками из красного, а затем из силикатного кирпича. В юго-восточной части проезда имелась лестница из бетона, ведущая на вершину вала. Она завершалась бетони-

¹ Даже такой авторитет в области древнерусского зодчества, как П. А. Раппопорт, в своей обобщающей работе 1961 г. по истории военного зодчества Руси (кстати, в ней подробно описаны Плесские оборонительные сооружения) о лухской крепости не обмолвился ни словом [7].

рованной площадкой, на которой до 2007 г. находился памятник Герою Советского Союза Н. Боброву.

Раскоп был разбит на поверхности вала почти в строго меридианальном направлении, в соответствии с конфигурацией и глубиной фундаментов под модель центральной проездовой башни и примыкающих к ней шести прясел — по три с каждой стороны. Общая его площадь составила 246,5 кв. м и была условно разделена на три участка — северный, южный и центральный, который посередине прорезала дорога, ведущая на территорию парка.

По краям гребня южного участка вала, после снятия дерна и подернового слоя, были выявлены две параллельные канавки шириной и глубиной 30—35 см на расстоянии 2,8 м друг от друга. Они, в свою очередь, были прорезаны неглубокими (40—45 см) ямами диаметром 70—80 см. Заполнение и канавок, и ям состояло из темной супеси, которая достаточно четко выделялась на фоне светлой осуглиненной супеси тела вала. Она явно привозная и изначально являлась удобрением для цветов и декоративных кустарников, которые высаживались в канавки и в ямы. На это указывают собранные в этой темной супеси артефакты конца XVIII — третьей четверти XIX в. Хотя не исключена трактовка канавок как следов от сгнивших нижних венцов крепостных сооружений. На северном участке канавки отсутствовали, ямы же для древесно-кустарниковой растительности были выражены слабее.

По краям въезда на городище зафиксированы опорные столбы, а в южной части центрального участка — остатки рухнувшей конструкции, связанной, видимо, с оформлением входа в парк в XIX в. В середине XX в. на месте сгнившей постройки соорудили новую — с деревянным перекрытием над въездом и беседкой на нём, разобрannую в связи с наметившимся строительством модели крепости и, возможно, аналогичную той, которая существовала здесь в XIX в.

В основании вала обнаружены шесть плохо сохранившихся каркасов деревянных клеток (рис. 2). Они напоминают ящики, сложенные из жердей, рубленных «в лапу». Северная стенка третьей клетки, кроме того, была скреплена четырьмя железными коваными гвоздями. Точные размеры удалось определить только у двух клеток, четвертой и пятой: 2,8×2 м и 2,8×2,2 м соответственно. Торцовые стенки прочих «коробов» остались за пределами раскопа, однако можно уверенно полагать, что размеры их были подобны вышеупомянутым. Высота клеток в сохранившейся их части достигала 90—100 см. Если же судить по тонким линиям тлена, фиксировавшимся в стенках раскопа, и учитывать, что раскоп не был пройден до основания вала, она могла достигать и более 200 см. Заполнение клеток состояло из светло-желтой супеси, ярко-розовой осуглиненной супеси и суглинка без примесей вяжущих материалов типа извести. Вообще-то такое крепление подошвы лухского вала было ожидаемо. Подобный элемент военного зодчества отмечался при исследованиях практических всех земляных оборонительных укреплений Древней Руси, с той лишь разницей, что в домонгольский период (до начала второй трети XIII в.) клетки рубились «в обло́» из стволов деревьев почти полустолетнего возраста, а в послемонгольский — главным образом из стволов подлеска (жердей).

С северной и восточной сторон к клетям вплотную примыкала проездовая башня, часть площадки которой четко очерчивалась по гидроизоляционной подушке из серо-голубого суглинка и глины (рис. 2).

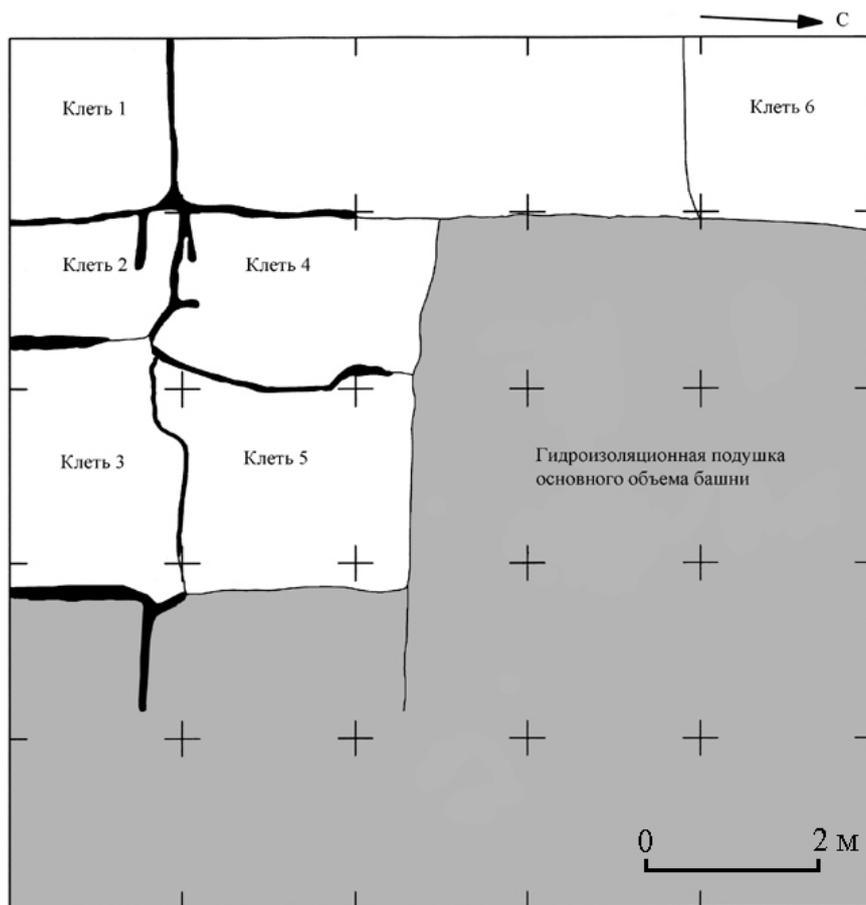

Рис. 2. Городище Лух. Валу. Остатки деревянных клеток и глиняная «подушка» основания проездной башни на центральном участке раскопа (рис. Н. Цветковой, Е. Костылёвой)

К конструктивным особенностям крепости относятся также остатки дренажной системы в виде двух выдолбленных бревен, положенных друг на друга, уходящих в глубину восточного вала в юго-восточном углу раскопа.

Само тело вала — от основания до вершины — сложено из супеси, осуглиненной супеси и глины. И судя по стратиграфическим разрезам, сложено оно было в один прием, — по крайней мере, следов повторной подсыпки скатов или дополнительной насыпки гребня не отмечено. Вместе с тем, отсутствовали и следы основания крепостной стены поверх вала, а под его подошвой — антропогенные отложения (культурный слой).

Другими словами, по результатам раскопок 2008 г. напрашиваются два основных вывода: 1) лухская крепость представляла собой насыпанный на голом месте земляной вал, ограждавший с трех сторон крепостную площадку (с четвертой, западной стороны оборонительной преградой был крутой обрыв берега реки); 2) по гребню вала на всем его протяжении, возможно, не существовало никаких дополнительных укреплений в виде частокола или стен с боевыми башнями, кроме, по-видимому, башенки над въездными воротами.

2. Краткая характеристика археологических находок

Всего при раскопках памятника было найдено 1268 археологических предметов и 25 костей млекопитающих. Собранные артефакты делятся на две хронологические, но численно неравные (на несколько порядков!) группы.

2. 1. Первая (поздняя) хронологическая группа находок

К первой хронологической группе относится 1260 находок, среди которых в коллекции абсолютным доминантом является керамика (1182 единицы). Подавляющая масса ее приходится на обломки глиняной посуды разной степени измельченности. Количество целых форм и крупных фрагментов, по которым можно вычислить метрические параметры емкостей, ничтожно.

Посуда была изготовлена на тяжелом гончарном круге, некоторая — методом штамповки. Обжиг окислительный. По формальным признакам она распадается на четыре типа: поливную, серо- и красноглиняную («серую» и красную») и чернолощеную.

Полвиная посуда. Крайне малочисленна (16 экз., или 1,4 % к общему количеству керамики). Фрагменты мелкие, чаще в виде крошки, роспись не отмечена. Единственная полностью сохранившаяся емкость — это небольшая, изящная, штампованная в промышленных условиях пиала (рис. 4: 2). Она имеет низкий поддон, отогнутый наружу Г-образный край, внешняя плоскость которого украшена ритмичными косыми насечками. Внутренняя поверхность залита тонким, ровным слоем светло-коричневой поливы.

Чернолощенная посуда. Более представительна (240 экз. / 20,3 %). Целых форм нет. О них можно судить только по наиболее информативным черепкам, по которым угадываются крупные горшки (рис. 3: 1, 7; 4: 23), салатницы, крышка (рис. 4: 30) и два-три высокошейных кувшина (рис. 3: 14; 5: 1); от одного сохранилась массивная ручка. Они очень изящны, относительно тонкостенны, легкие и хрупкие. Глиняное тесто не имеет посторонних примесей. Посуда обжигалась сосновыми смолистыми дровами, от копоти дыма становилась черной и после тщательного лощения начинала «играть» блеском, напоминаям чернo-серый металл с отливом синевы. Внешняя поверхность некоторых емкостей украшена незатейливой темно-серебристой «росписью»: косо вертикальными полосами (рис. 4: 23; 5: 1) или горизонтальным одиночным зигзагом (рис. 3: 14).

Серо- и красноглиняная посуда. В керамической коллекции доминирует (926 [336+584] экз. / 78,3 %). По технико-морфологическим признакам она однородна. Различия состоят главным образом в цветности, да в ряде случаев в более тщательной формовке «красных» емкостей. Для них характерно хорошо промешанное тесто с добавкой мелкого промытого (без эловых примесей) песка, реже измельченной, практически в пыль, гранито-гнейсовой дресвы. Функционально выделяются горшки, плошки, тарелки, крышки и светильники. Возможно, были и кувшины, на что указывают находки трех небольших ручек, две из которых, возможно, парные, от одного сосуда.

Все горшки представлены в обломках. По ним выделяются две основных формы: бесшейные, так называемые чугунковидные, и короткошейные. Для первых характерны заваленные наружу округлые венчики, сразу же переходящие в раздутое тулово, которое резко сужается к днищу малого диаметра (рис. 3: 2, 5, 8, 9, 13, 16, 17, 19—22, 26, 29—31, 33; 4: 6—8, 15, 16, 21,

25, 39). У вторых четко выделена шейка, образующая на стыке с туловом «плечо» (рис. 3: 3, 4, 6, 11, 12, 18, 19, 23—25, 27, 28, 32; 4: 1, 9, 11—14, 18—20, 22, 35—38). Само тулово коническое, усечено плоским дном (рис. 4: 1; 3: 34, 35). Венчики отогнуты наружу, срезы закруглены, иногда оформлены в виде «собачей морды» (рис. 3: 3, 5, 20, 23, 25; 4: 20, 38). Обе разновидности горшков средних размеров; высота примерно на треть превышает диаметр устья и приблизительно в два раза — внешний диаметр дна. Орнамент отсутствует. Но следует отметить, что на некоторых горшках по шейкам сформованы одиночные валики (на одном — двойные), опоясывающие сосуды по горизонтали и выполнявшие, вероятно, роль некоего декора (рис. 3: 21, 27; 4: 11, 14, 16, 18, 36).

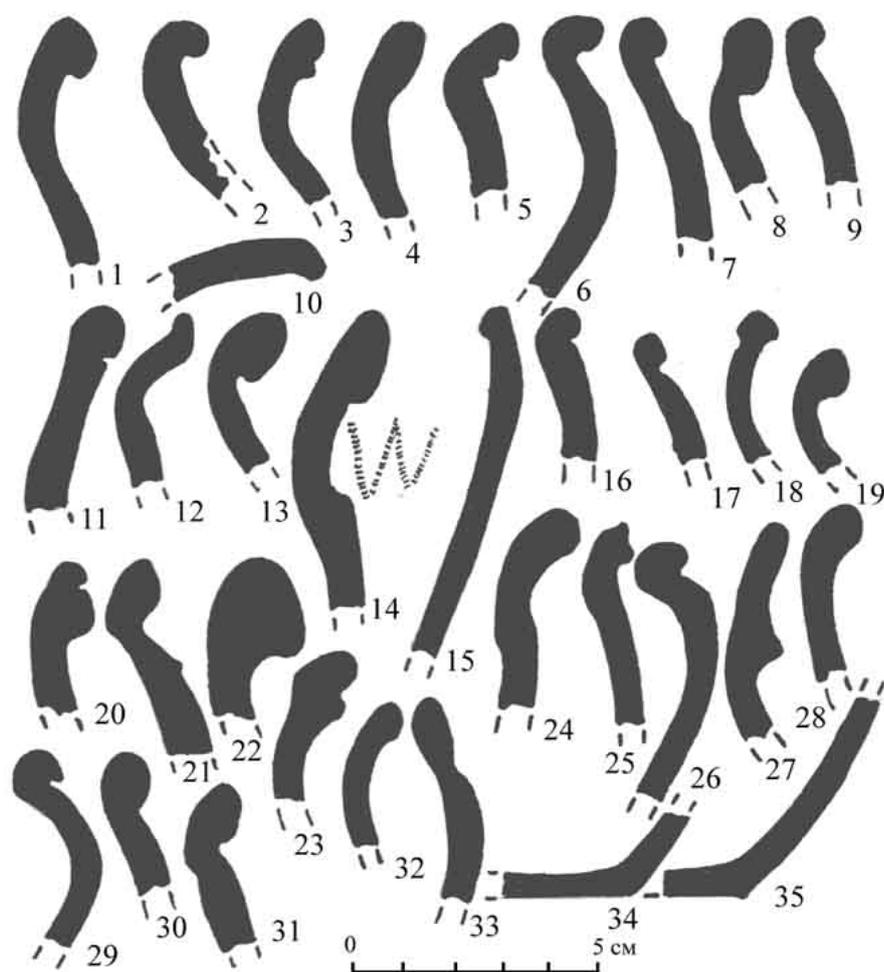

Рис. 3. Городище Лух. Валу. Керамика Нового и Новейшего времени: чернolощеная (1, 7, 14), серо- и красноглиняная (2—6, 8—13, 15—35). Обломки венчиков (1—9, 11—14, 16—33), днищ (34, 35) и крышек (10, 15) (рис. А. Уткина)

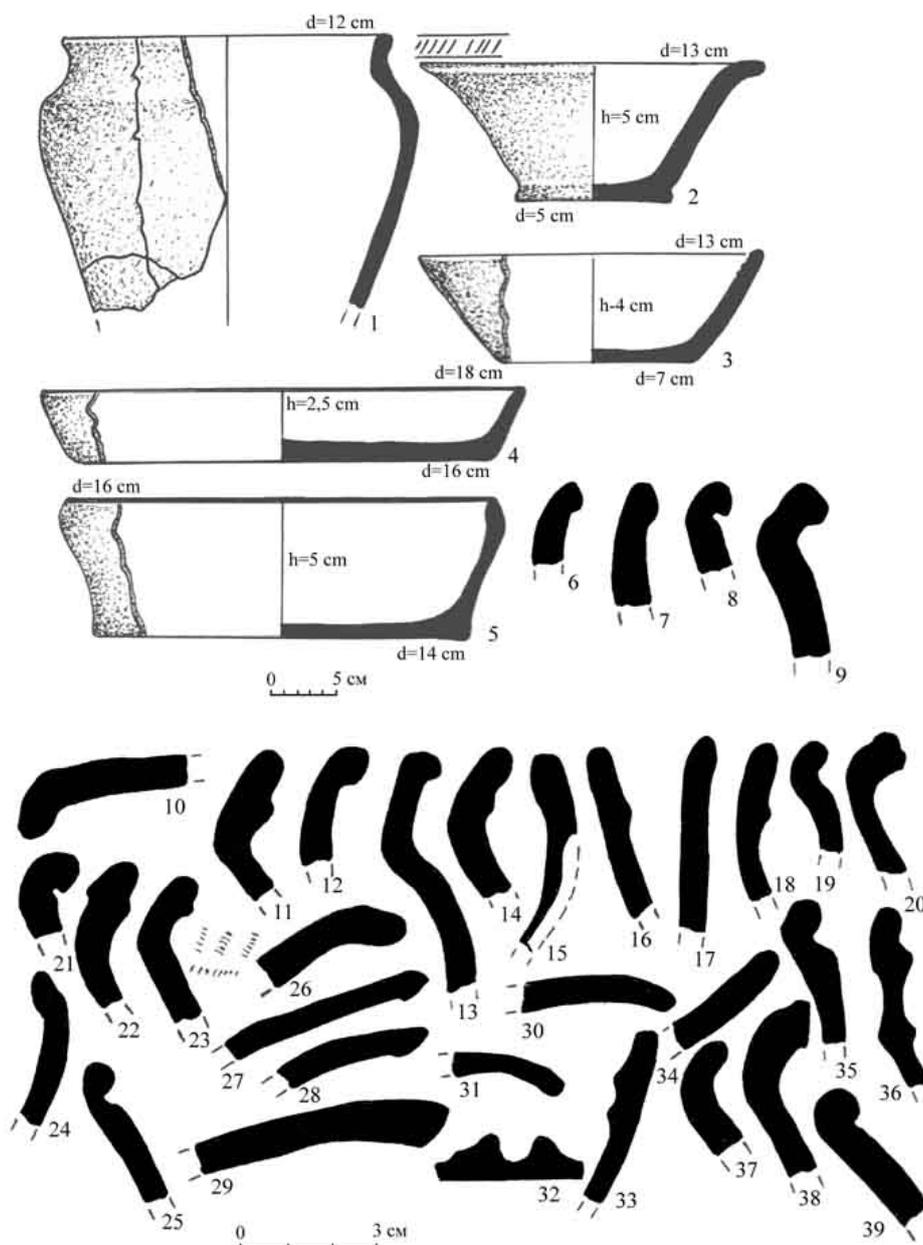

Рис. 4. Городище Лух. Валу. Керамика Нового и Новейшего времени: чернolощенная (23, 30), поливная (2), серо- и красноглиняная (1, 3–22, 24–29, 31–39). Обломки горшка (1), плошек (3, 5), сковородки (4); пиала (2); обломки венчиков (11–25, 33–39), днища (32) и крышек (10, 26–31) (рис. А. Уткина)

От плошек сохранились также только обломки (рис. 4: 3, 5, 24, 33, 34; 5: 2, 3). По четырем из них графически точно восстановлены объемы. Они невысокие (диаметр горла превышает высоту в два — четыре с половиной раза). Формы простые. Три в виде усеченного конуса-раструба с округлыми венчиками или со слегка завернутыми вовнутрь черновыми краями (рис. 4: 3; 5: 2, 3). Четвертый является овалом — верхняя треть сосуда чуть расши-

рена, срез венчика закруглен и наклонен внутрь (рис. 4: 5). Две плоски орнаментированы корявыми врезными линиями (рис. 5: 2, 3). Кстати, обе изготовлены достаточно грубо и непрофессионально. Возможно, они вышли из-под руки местного умельца.

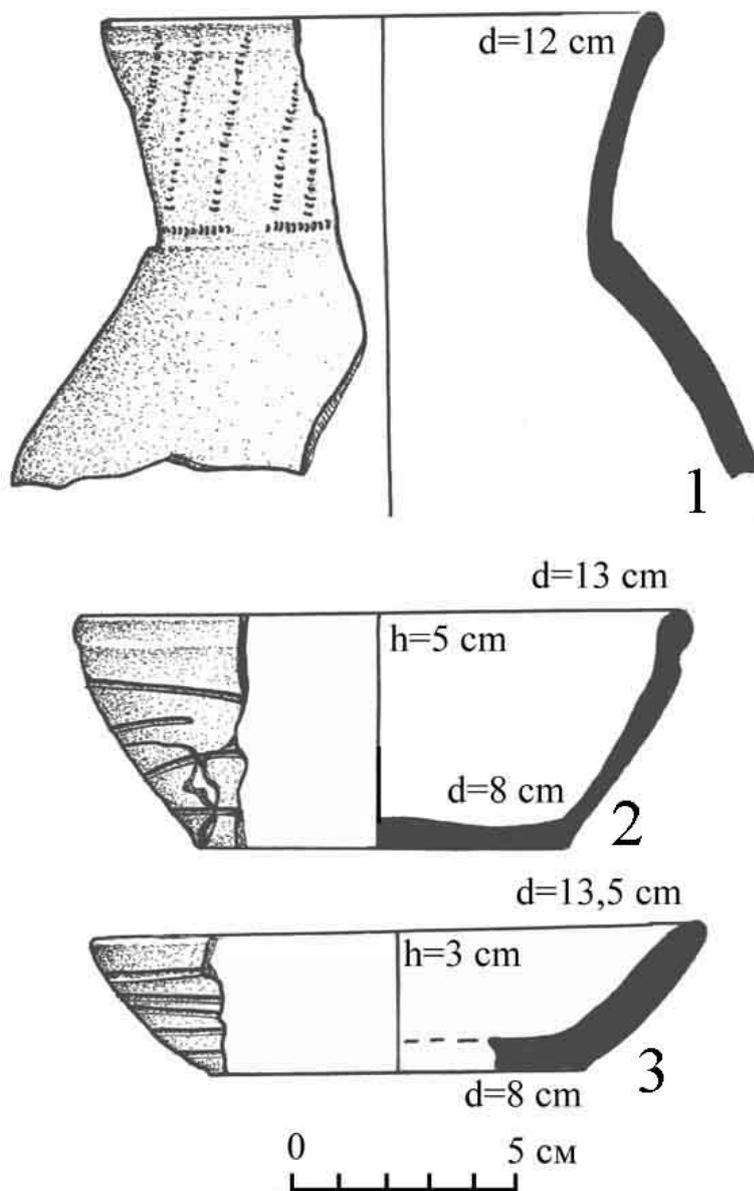

Рис. 5. Городище Лух. Валы. Керамика Новейшего времени: чернолощенная (1), серо- и красноглиняная (2, 3). Обломки кувшина (1) и плоск (2, 3) (рис. А. Уткина)

Тарелки в коллекции представлены фактически одним достоверным фрагментом. Реконструируемая по нему тара внешне напоминает усеченно-конические плоски (рис. 4: 4). Однако она как минимум в полтора раза ниже их и на два — пять сантиметров больше в диаметре края.

Крышек, точнее их обломков, собрано почти полтора десятка (рис. 3: 10, 15; 4: 10, 26—29. 31). Они просты и однообразны: плоскость сформована в

виде низкого шатра, края чуть (или резко) завалены вниз (у некоторых с внутренней стороны имеется наплыв для более устойчивого скрепления крышки с устьем емкости).

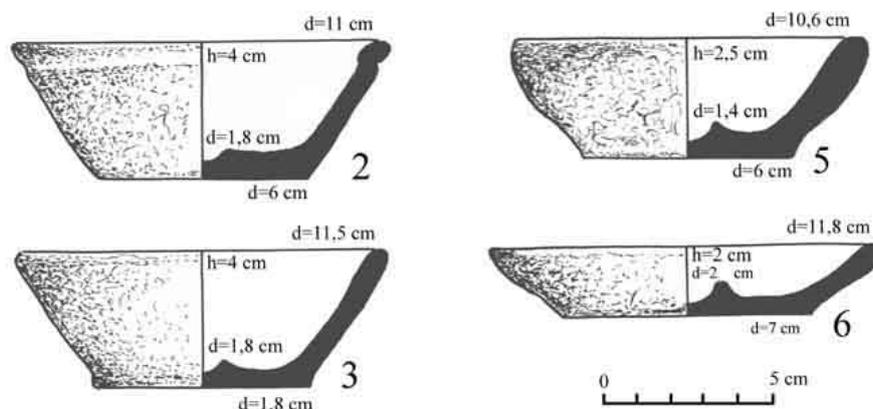

Рис. 6. Городище Лух. Валы. Керамика Новейшего времени: сероглиняная (1—3) и красноглиняная (4—6). Святильники (рис. А. Уткина)

Наконец, особо следует отметить комплекс находок из шести целых керамических святильников и трех обломков (рис. 4: 32; 6: 1—6). Это небольшие низкие плошки диаметром по верху в 10—11,8 см. Их отличительная особенность: на дне по центру имеется округлое вдавление диаметром до 2 см. В пяти случаях оно окаймлено невысоким бордюром, напоминающим жерло вулкана.

Прочие артефакты первой хронологической группы находок. Их всего 78 единиц. Это часть печного изразца, расписанного голубой, синей и желтой глазурью; кусок плиточного кирпича малых размеров; пара мелких фрагментов от фаянсовой чайной чашки и столовой тарелки; горлышко аптекарского пузырька; около двух десятков осколков от вино-водочной тары (бутылок) густо-зеленого цвета и примерно столько же от оконных стекол; сломанный дверной пробой и массивная дверная накладка из железа; ухналь — короткий гвоздь для конских подков; известково-кремнистая конкреция (округлая в плане диаметром 9 см и трапециевидная в профиль высотой 3,5 см), возможно служившая легким гнетом при засолке овощей или грибов².

Строительно-крепёжных гвоздей (в просторечии костылей) собрано 22 экз. Они однообразны: все кованые, в сечении четырехгранные, шляпки грибовидные. Длина колеблется от 12 до 17 см.

Отдельно следует отметить медные монетные находки. Две монеты советской чеканки: достоинством 3 копейки 1953 г. и 2 копейки 1973 г. Прочие (4 экз.) были отчеканены на монетных дворах Российской Империи. Три из них номиналом одна копейка: 1759, 1870 и 1879 годов. Одна, крайне плохой сохранности, с нечитаемыми легендами, может быть (если судить по ее диаметру) условно атрибутирована как 1/4 копейки второй половины XIX — начала XX в.

² Этот камень, по мнению А. Повелихина, является частью расколотого пушечного ядра. По мнению А. Юршевича и И. Лисенкова (Ивановский государственный областной историко-краеведческий музей), данная находка представляет собой гальку естественного происхождения, т. к. искусственная обработка поверхности отсутствует, не фиксируются и следы механического раскола «ядра».

И последняя, пожалуй самая эффектная находка — бронзовый перстень. Он мужской, внутренний диаметр кольца — 25 мм. По типологии относится к овальнощитковым с заостренными краями овала. На щитке размерами 20×19 мм — сложный рисунок, выполненный в технике глубокой гравировки. Рисунок четкий, все детали проработаны до мелочей. По определению профессора А. А. Корникова, изображение относится к геральдическим и связано с родом дворян Ярцовых³.

Герб на перстне представляет собой овальный (так называемый итальянский) щит, поверх которого расположено перекрестие из двух стрел, боевыми концами нацеленных вверх. Над щитом вырезан четырехконечный крест, а с двух сторон от основания его обрамляют процветшие ветви растительного узора. Эти ветви как бы прорастают из ниже расположенной державной короны. Корона перевернута и, возможно, символизирует чашу благодати (рис. 7, *вверху*).

Рис. 7. Городище Лух. Валы. Бронзовый перстень-печатка (*вверху*) и герб рода Ярцовых (*слева*) (фото Е. Костылёвой)

Смысл декора вокруг щита можно толковать по-разному. Мы предлагаем свою версию: «род наш дворянский (герб) процветает милостью монаршей (ветви и корона), но над нами всеми Бог (крест)».

Когда появился герб рода Ярцовых, точно не известно, но скорее всего где-то в XVIII в., вместе с большей частью гербов русского дворянства. По крайней мере, уже в конце этого столетия у него была заменена форма щита — с «итальянской» на «французскую», более удобную с точки зрения расположения гербовой эмблематики, и составлено новое обрамление [5] (рис. 7, *внизу слева*).

* * *

Рассмотренные артефакты можно разделить на два автономных комплекса.

³ Авторы выражают искреннюю признательность проф. А. А. Корникову за атрибуцию изображения на перстне.

• Серия «Гуманитарные науки»

К первому относятся находки, собранные на центральном участке и связанные с рухнувшими перекрытием проезда в парк и беседкой. Это все целые площадки-светильники и два их фрагмента; дверные пробой и накладка; практически все строительные гвозди, которыми крепились деревянный каркас помещения, его обшивка и перекрытие; немногочисленные обломки керамики; две монеты 1759 и 1879 гг., а также мелкая крошка красного кирпича.

Второй комплекс составляют артефакты с гребня вала: обломки керамической, фаянсовой и стеклянной посуды, осколки оконного стекла, несколько костылей, кости коровы и других животных, монета XIX в. и перстень. Подавляющая масса их была собрана в поддерновом слое, в канавках и ямках, заполненных привезенным со стороны темным гумусом для посадки цветов и кустов. Типологически керамика датируется самым концом XVIII — третьей четвертью XIX в., что подтверждается двумя нумизматическими находками. Не противоречит этой датировке и находка перстня, невесть как оказавшегося в Лухе и утерянного здесь.

Однако все они на вал попали гораздо позднее, уже в конце XIX в. А где конкретно они первоначально выпали в культурный слой (а темный гумус и есть собственно культурный слой), установить не представляется возможным. Можно только предположить, что землю для удобрения парковых насаждений брали где-то рядом, в городской черте. Просеять ее поленились, и таким образом городской бытовой мусор оказался на макушке вала. А часть находок выпала в дерн и поддерновый слой, видимо, во время праздничных гуляний на валах жителей г. Луха.

В коллекции есть еще несколько вещей, не соотносящихся с этими комплексами: осколки винно-водочной тары и две советские монеты, обнаруженные при снятии дерна. Первые были брошены, вторые утеряны уже в наше время, также во время эпизодических летних гулянок «на валах».

2. 2. Вторая (ранняя) хронологическая группа находок

Группа состоит всего из восьми предметов: четырех коротких, сильно коррозированных кованых гвоздя и столько же обломков керамической посуды. Последние представлены парой крохотных черепков стенок и двумя небольшими фрагментами венчиков. Внешне они неотличимы от собственно «серой» посуды Новейшего времени. Но при внимательном изучении разница ощущается четко. В тесте в качестве отощителя использован не просто мелкий промытый песок, а перетертые фракции крупных кристаллов песка. Это первое. Второе: обжиг восстановительный, черепки в изломе трехслойные. Третье: венчики отогнуты наружу, плавно (без выраженного ребра) переходят в слабо раздутое тулово, край которого по вертикали, по-видимому, располагался на одной линии с внешним краем округлого среза устья. Эти черепки (точнее, достоверно лишь венчики) удивительно близко напоминают один из типов средневековой посуды, широко бытовавшей в XV—XVI вв. к северу и востоку от Москвы.

Они, в отличие от прочей керамики, обнаружены при расчистке внутренней третьей клетки на глубине 480 см от вершины вала. Данная ситуация однозначно указывает на то, что внутрь клетки они могли попасть только при ее устройстве, а скорее при забутовке последней. То есть эти невзрачные фрагменты точно маркируют начало возведения земляной насыпи крепостного вала.

* * *

Подведем предварительные итоги результатов раскопок 2008 г. Основываясь на наличии в основании вала остатков системы деревянных клетей, по конструкции характерных для древнерусского военного зодчества послемонгольского периода, и находок в них обломков керамической посуды (пусть даже и ничтожных по количеству), которые можно с уверенностью датировать XV в., а также памятуя о том, что лухская крепость к 1429 г. уже существовала, сооружение насыпи можно отнести к рубежу первого-второго десятилетий XV в.

Причиной, точнее следствием, побудившим московское правительство возвести крепость в глухомани, на восточной окраине княжества, стали, с одной стороны, трагические последствия ордынского нашествия под командованием эмира Эдигея в 1408 г., разорившего всю центральную и восточную части Волго-Клязьминского междуречья, а с другой — участвовавшие набеги казанских татар на русские земли.

Крепость на р. Лух закладывалась основательно (высокий вал, широкий и глубокий ров), но, возможно, до конца не была достроена. В процессе раскопок на гребне вала не было выявлено четких следов верхнего оборонительного эшелона (частокола или крепостных стен).

Скорее всего, лухская крепость являла собой некий прообраз оружейной базы-арсенала с минимальным количеством воинов. Наличие таких баз, разбросанных вблизи границ княжества, позволяло центральным войскам оперативно выходить навстречу противнику налегке (без груза тяжелого вооружения) и экипироваться по-боевому уже на месте.

Именно это — завладеть складированным вооружением — притягивало в Лух мобильные и дерзкие отряды казанцев, опережавших московские рати «на шаг». Им неоднократно, в 1429 и особенно в первой половине 1440-х гг., удавалось разграбить лухскую крепость [1]. Захватить ее «с марша» не составляло труда не только опытному военному подразделению, но и простым крестьянам с топорами и вилами. Последний эпизод произошел в Смутное время, когда восставшие селяне поздней осенью 1608 г. штурмом взяли крепость и пленили польских шляхтичей, оборонявших ее [2].

Лухская крепость не снискала в истории героической славы в отражении неприятеля, но, сохранившись до наших дней фактически в первоизданном виде, является прекрасным памятником русской военной фортификации позднего Средневековья.

Библиографический список

1. *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
2. *Кабанов А. Ю.* Страницы истории Лухского края // Лухский край. Земля заповедная. Иваново, 2003.
3. *Комаров К. И.* Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
4. *Купцов И. В.* Отчет о проведении археологических изысканий на территории пос. Лух Ивановской обл. 11—13 июля 2003 г. // Архив Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области.
5. *Общий гербовик дворянских родов Всероссийской Империи.* СПб., 1800. Ч. 4. № 97.
6. *Полное собрание русских летописей.* М., 1965. Т. 12.
7. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. № 105.
8. *Травкин П. Н.* Отчет Ивановского разведывательного отряда Верхневолжской экспедиции о раскопках Петровского древнерусского селища и разведках в При-

волжском, Заволжском и Лухском районах Ивановской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН. № 11498. Л. 10—11.

9. Херсонский И. К. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленных в Костромскую ученую архивную комиссию от церковей Костромской епархии // Костромская старина. Кострома, 1890. Вып. 1.

ББК 63.01-8

Д. А. Смирнов

«ОБЩЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКИЙ» ВЗГЛЯД НА ПОЭТА: ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ БОДЛЕРА

Интерес Вальтера Беньямина к творчеству Шарля Бодлера нельзя ограничить рамками тех или иных специальных научных дисциплин. Для понимания стихотворных и прозаических конструкций французского мастера немецкий мыслитель формировал собственный подход, используя возможности широкого круга научных концепций, соседство которых в рамках одного исследования и у коллег, и у оппонентов Беньямина порой вызывало недоумение. Чаще всего оно свидетельствовало о незнании истоков интереса мыслителя к творениям поэта и нежелании выйти за пределы собственных взглядов на мир.

Первым текстом Беньямина, посвященным творчеству Бодлера, стала не специальная научная работа, а предисловие к его переводу «Парижских картин» поэта, написанное в начале 1920-х гг. и названное «Задача переводчика». Собственно Бодлеру в этом тексте уделено мало внимания и в контексте работы над переводом его стихов проанализирована именно позиция переводчика. Но очевидно, что знакомство со стихами и связанные с их трансляцией трудности стали для мыслителя началом глубоких размышлений по поводу личности и произведений поэта.

Вернувшись в начале 30-х гг. к изучению Бодлера, Беньямин заинтересовался им не только как автором поэтических шедевров, но и как представителем определенной исторической эпохи, в произведениях которого он увидел ее глубокое и масштабное отражение. Идея изучения Бодлера — его жизни и творений — в такой плоскости пришла к Беньямину в период работы над «Пассажами», исследованием, которое было посвящено ярчайшему феномену истории Парижа XIX в.

Первоначально тексты поэта были лишь одним из источников для этой самой крупной исторической работы немецкого мыслителя, но впоследствии Беньямин пришел к выводу, что масштабность произведений Бодлера не позволяет рассматривать их наряду с другими. Размышления над ними легли в основу отдельной работы о Бодлере, теоретически близкой к исследованию парижских пассажей. В отношении самого исследования, не опубликованно-

© Смирнов Д. А., 2009

го при жизни, можно сказать, что мысли, касавшиеся поэта, нашли наиболее полное отражение в одной из частей проспекта к «Пассадам», написанного в 1935 г. под названием «Париж, столица XIX столетия», которая именовалась «Бодлер, или Улицы Парижа».

Анализ творчества поэта в историческом исследовании был новацией и подразумевал не только выработку теоретического обоснования концепции научной работы, но и создание модели ее практической реализации. Поэтому философско-исторические размышления на эту тему были тесно переплетены у Беньямина с размышлениями по поводу методологии изучения творчества Бодлера. Очевидно, что в начале пути Беньямин не имел ясного представления о том, как изучать творчество Бодлера, чтобы не столько увидеть в нем оригинального поэта и даже историческую личность, сколько сформировать целостный образ пространства и времени, где и когда он жил.

Еще в «Задаче переводчика» Беньямин выступил сторонником дословного перевода и абсолютного сохранения формы¹. Только это позволяло сохранить в переводе глубину поэтических образов. Возможно, поэтому в изучении Бодлера Беньямин столь большое внимание уделил аллегориям, образным формам, скрывающим от нас по воле автора его настоящие мысли. Однако попытка их «разгадать» и подмена тех или иных образов удобными для перевода конструкциями ведет, по мысли Беньямина, к утрате глубины образов, созданных Бодлером, а некоторые значимые для него смыслы вообще становятся непонятными. В исторической работе стремление изучить источник в процессе критической интерпретации условий его создания ставит перед исследователем еще более сложную задачу «дословного перевода»: избежать влияния последовавших событий, а также образов, рожденных временем, в котором живет сам исследователь.

Беньямин исследовал Бодлера, «лирика высокого капитализма», не столько как литературовед или филолог, но прежде всего как историк. Он словно развивал мысли, высказанные десятью годами ранее, о том, что задача переводчика «состоит в нахождении той интенции в отношении языка перевода, которая будит в нем эхо оригинала...»². В качестве историка Беньямин намеревался найти интенцию изучения творчества поэта как исторического источника, поместив его в контекст целой исторической эпохи. Образ оригинального поэта должен был стать частью образа оригинального времени, при этом раскрыть этот образ с использованием господствовавшей методологии было невозможно: позитивизм с его верой в прогресс не соответствовал поставленным задачам, поскольку изначально утверждал ущербность времени и места, в которых творил поэт, по отношению к современности.

Для оппонентов позитивизма, идейно близких Беньямину, исследование творчества поэта во взаимосвязи с общественными процессами должно было иметь материалистическую основу. Еще в 1935 г. Макс Хоркхаймер по поводу проспекта Беньямина высказал мысль, что «метод, заключающийся в проникновении в суть эпохи через малые поверхностные симптомы, кажется, проявил себя в полной мере. Вы далеко обходите все прежние попытки материалистического объяснения эстетических феноменов»³. В 1937 г. он одобрил желание мыслителя написать именно «материалистическую статью о Бодлере»⁴ и предложил опубликовать ее в «Журнале социальных исследований», издававшемся им вместе с Теодором Адорно в качестве печатного органа Института социальных исследований. Такая «предопределенность» в судьбе статьи обусловила то, что Адорно и Хоркхаймер стали наиболее ост-

рыми критиками бодлеровских штудий Беньямина, но в то же время дискуссия с ними помогла ему яснее сформулировать положения своей концепции и реализовать ее. Переписка с Адорно и Хоркхаймером в 1937—1938 гг., наряду с текстами исследований о Бодлере и архивными материалами, связанными с ними, представляет интереснейший источник для изучения процесса и контекста формирования философско-исторических идей Беньямина и развития методологии их реализации.

Для Беньямина, в отличие от Хоркхаймера, новый взгляд на Бодлера не был столь определенным в философском плане. Ему были интересны методологии, рожденные другими концепциями. Поэтому в ответном письме он отметил: «...значение результатов психоаналитических исследований для материалистического изображения истории ставит передо мной на каждом шагу свои проблемы»⁵. Сочетание революционных для его времени методологий материализма и психоанализа могло дать тот самый «трудно постижимый» метод, о котором Беньямин спустя год писал другу и коллеге Гершому Шолему, рассказывая о намерении «поместить» Бодлера в XIX в., т. е. показать его творчество во взаимосвязи с общественными процессами⁶. Тогда же он уверял Хоркхаймера в «методологической связи работы с диалектическим материализмом»⁷ даже при наличии противоречий в создаваемом образе времени и пространства. Стараясь прояснить те или иные фрагменты, Беньямин вновь повторял описание работы, ставшей для него скорее анализом метафор, наполнявших творения Бодлера, но имевших материалистическое происхождение и связанных с конкретными явлениями и процессами, окружавшими поэта. Беньямин приводил большое количество литературных примеров, порой удививших его, по мнению коллег, в сторону от главной линии.

Адорно, безусловно поддерживавший Беньямина в его изучении Бодлера, требовал от мыслителя большей конкретики и последовательности в изложении. Стремясь помочь соединению создаваемых Беньямином исторических картин с положениями марксистской теории, он предлагал концепцию «архаичного образа»⁸ поэта для объяснения трудностей понимания и интерпретации произведений Бодлера. Но мыслитель постепенно преодолевал методологические трудности, и у него складывался свой цельный философско-исторический образ времени и места, когда и где жил Бодлер.

Беньямин выдвигал концепцию диалектического образа, с которой Адорно не был согласен, предлагая в ответ свою. Суть его незаконченной концепции выражает следующий отрывок из «Пассажей»: «Любая современность определяется через те образы, которые синхронистичны с ней: любое настоящее время является настоящим временем определенной познаваемости. В нем со временем накапливается правда до момента разрыва. Не так, что прошлое бросает свой свет на настоящее или настоящее свой свет на прошлое, но так, что образ является тем, в чем прошедшее по стечению обстоятельств молниеносно встречается с настоящим. Другими словами: образ является диалектикой в состоянии покоя. Так как, несмотря на то что взаимосвязь современности и прошлого чисто временная, взаимосвязь минувшего и настоящего является диалектической: не временной, но образной природы. Только диалектические образы являются подлинно историческими, тем самым не архаические образы. Прочитанный образ, хочется сказать образ в настоящем (моменте. — Д. С.) познаваемости, несет в высшей степени печать критического, опасного момента, который лежит в основе всего прочитанного»⁹. Концепция диалектического образа должна была получить масштабное воплоще-

ние и окончательное оформление при исследовании именно парижских пассажей. Изучение Бодлера позволяло рассмотреть ее отдельные стороны.

Значительную проблему для понимания методологии Бенямина создает незавершенность его работы над созданием исторического образа Бодлера как представителя своего времени. Тексты мыслителя, известные исследователям, представляют лишь варианты частей работы о поэте, при этом, учитывая специфику интеллектуальной деятельности Бенямина, скорее всего не окончательные. Мы вынуждены реконструировать процесс исследования Бенямина, не имея возможности сравнить свои предположения с его результатом.

Первая часть исследования о Бодлере призвана была раскрыть особенности творчества поэта через анализ активно используемых им в своих произведениях аллегорий. Она должна была поставить вопрос ко всему исследованию о Бодлере. Эта часть не была написана, но созданные в 1937 г. аннотации к отдельным стихотворениям цикла «Цветы зла» позволяют проанализировать успехи Бенямина в этом направлении. Аннотации выражают его стремление взглянуть на создаваемые поэтом образы шире и глубже, чем обычно был взгляд литературного критика или филолога. В каждом из привлеченных его внимание стихотворений он видел отражение определенного социального явления или, точнее, значения этого явления для Бодлера. Так, в первом «Сплине», где «Февраль, седой ворчун и враг всего живого, / Насвистывая марш зловещий похорон, / В предместьях сеет смерть и льет холодный сон / На бледных жителей кладбища городского» (пер. П. Якубовича), Бенямин увидел «обездушенную массу города и безнадежно обездушенное бытие отдельного человека», традиционную для Бодлера «безнадежную ветхость большого города»¹⁰.

Само чувство сплина, «квинтэссенцию исторического опыта»¹¹, ярче всего, по мнению Бенямина, характеризует четвертое стихотворение под этим названием, где сплин представлен «перманентной катастрофой». Но для мыслителя катастрофой является именно продолжение бытия существующего порядка, а не чувство сплина, которое выражает лишь кризис этого порядка, впрочем, не ведущий к его полному краху: «Ход истории, представленный Бодлером под властью кризисов, является вращением, подобно вращению калейдоскопа, где при каждом обороте все упорядоченное рушится, образуя новый порядок». Однако поэт, подчеркнул Бенямин, «не знает, что точки зрения правителей каждый раз являются зеркалом, устанавливающим образ “порядка”»¹². В «Центральном парке» он дополнил эти мысли, указав, что такой «калейдоскоп должен быть разрушен»¹³. Итог «дешифровки» аллегорий Бодлера Бенямин подвел в аннотации к «Плаванию», где, по сути, наметил перспективу дальнейшей работы: «Бодлер — меланхолик, путь которого указывает звезда на горизонте. Но он не следует к ней. Его образы кажутся в его стихах только островами, появляющимися из моря давнопрошедшего времени или парижского тумана. Впрочем, это является телом обесчещенной негритянки, в облике которого этот горизонт улегся к ногам того, что было ближе Бодлеру: Парижа Второй империи»¹⁴.

Собственно историческим исследованием Бенямин считал вторую часть своей работы о Бодлере, известную как «Париж Второй империи у Бодлера» и законченную в 1938 г. Он посвятил ее феномену массы в крупном городе и человека в ней, рассмотренному через призму литературы XIX в. Она должна была стать антитезисом к первой части, «антитезисом того самого, в чем заключена критика в узком смысле, именно как критика Бодлера». Для разреше-

ния общей проблемы исследования эта часть предоставляла необходимые материалы и предлагала, как отметил Бенъямин в одном из писем Хоркхаймеру, «общественно-критическую интерпретацию поэта»: «Она является предпосылкой марксистского понимания»¹⁵. Опубликованная в 1940 г. статья Бенъямина «О некоторых мотивах у Бодлера» методологически дополняла эту часть. В статье значительное место уделено сохранению социального знания в условиях большого города усилиями фланера. Третий известный на сегодня текст Бенъямина о Бодлере представляет собой фрагменты 1939—1940 гг., объединенные общим названием «Центральный парк» и также связанные с «Парижем...». Отдельные из них в измененном виде вошли в него.

«Марксистское понимание» и решение общей проблемы становилось задачей третьей части с предполагаемым названием «Товар как предмет поэзии», которую Бенъямин видел скорее в качестве философского осмысления сказанного ранее. С историей ее объединяло то, что в центре размышлений было влияние Бодлера на идеи вечного возвращения и модерна. Такую структуру работы о Бодлере Бенъямин представлял в письмах Адорно¹⁶ и Хоркхаймеру¹⁷.

Три части «Парижа...» — «Богема», «Фланер», «Модерн» — словно давали ответы на вопросы о герое Бенъямина, человеке в массе большого города: откуда он пришел? кто он был? что думал о времени, в котором жил, и как видел будущее? Источниковую базу для исследования составили работы широкого круга авторов от Гюго до Маркса, но в центре размышлений Бенъямина находились именно бодлеровские образы, позволявшие воссоздать пространство и время его жизни. Анализируя трудности поиска ответов на вопросы, Бенъямин отмечал: «Имеются две легенды о Бодлере. Одну распространял он сам, и в ней он оказывается извергом и ужасом бюргеров. Другая возникла после его смерти и способствовала его славе. В ней он оказывается мучеником. Этот фальшивый теологический нимб можно разрушить по всей линии». Несмотря на то что, по его мнению, «нельзя привести ни одного основательно вникающего в предмет исследования о Бодлере, которое не разбирает критически образ его жизни»¹⁸, Бенъямин намеревался сломать легенды и предложить альтернативный взгляд на поэта.

«Париж...» Бенъямин не только демонстрировал возможность иного, критического взгляда на Бодлера. Автор наполнял этот критический взгляд содержанием, являвшимся результатом его собственного осмысления источникового материала. Бенъямин показывал практическую состоятельность своей методологии. Бодлер выступал здесь как автор образа человека, не растворившегося в массе, а получившего возможность продемонстрировать на ее фоне свою уникальность. Бенъямин не только провел анализ образа, но и выдвинул гипотезу о его историчности и характерности для своего времени и конкретно для Парижа середины XIX в. Бенъямин увидел этот образ во фланере, ставшем центральным и в его исследовании парижских пассажей.

Уже рассуждая о богеме, Бенъямин обособил поэта от революционной истории XIX в.: «Политическое сознание Бодлера в принципе не исходит из существа этих профессиональных заговорщиков»¹⁹. В «Центральном парке» Бенъямин отметил: «Резкие выпады, таинственность, ошарашивающие решения принадлежат государственному интересу Второй империи и были характерными для Наполеона III. Они формируют решающее направление в теоретических заявлениях Бодлера»²⁰. Вместе с тем Бенъямин, наряду с представителями богемы, обратил внимание на такого столь неожиданного персонажа, как старьевщик.

Изначально интерес мыслителя к нему объяснялся скорее всего особым очарованием “Вина тряпичников” Бодлера, где как раз, по сути, и представлен старьевщик, впоследствии, однако, оцененный с точки зрения политического влияния на Бодлера: «От литераторов до профессиональных заговорщиков каждый, кто принадлежал к богеме, мог найти в старьевщике кусочек себя... Каждый стоял в более или менее смутном протесте против общества»²¹. Впрочем, для Адорно, требовавшего от Бенямина философской проработки буквально каждого образа, марксистская обоснованность образа старьевщика (*Lumpensammler*) не была убедительна и без лингвистического анализа слова не иллюстрировала то, что «капиталистической функцией старьевщика» является «именно подчинение нищенства меновой стоимости»²².

Однако Бенямин не сомневался в историчности воссоздаваемых образов, а произведения Маркса и Энгельса порой использовал в качестве равнозначного исторического материала для анализа образов и идей Бодлера: «Для Энгельса толпа есть нечто озадачивающее... Что касается Бодлера, то для него масса являет нечто настолько мало постороннее, что он в своих произведениях позволяет ей следовать за собой, защищаясь ею, будучи очарованным ею и симпатизирующим ей». И далее: «Масса для Бодлера столь внутренняя, что искать ее изображение у него напрасно... Бодлер изображает не жителей, не город. Этот отказ утверждён в стремлении вызывать один образ через другой. Его толпа — всегда толпа большого города; его Париж всегда перенесён... В “Парижских картинах” почти везде скрытая современность массы является доказуемой». Благодаря такому сравнению он делал вывод, что «масса была подвижным покрывалом; через него Бодлер насквозь видел Париж»²³. Позднее в одном из писем Бенямин, используя марксистскую схему исторического процесса, охарактеризовал исследование о Бодлере как книгу, «которая должна затрагивать спектр празднования в буржуазном обществе... четко отличающийся от празднования в феодальном обществе»²⁴.

По происхождению — мелкий буржуа, по поведению — старьевщик, но как Бодлер, по мысли Бенямина, реализовывал себя? Ответ был найден при анализе перемен, последовавших за революционными событиями середины XIX в., и в частности перемен роли прессы: «Газету можно было получать только в качестве абонента. Кто не мог оплатить большую стоимость годового абонемента в 80 франков, направлялся в кафе, в которых часто очень много людей окружало один номер». Внимание к прессе обусловило обращение Бодлера к журналистской деятельности и прежде всего к написанию фельетонов: «Ассимиляция литератора в общество... осуществлялась... на бульваре. На бульваре он имел в распоряжении любое первое попавшееся происшествие, шутку или слух. На бульваре он развертывал драпировку своих связей с коллегами и прожигателями жизни... На бульваре он проводил свободное время, которое он представлял людям как часть своего рабочего времени. Он вел себя, как если бы научился от Маркса, что ценность каждого товара определена через рабочее время, общественно необходимое для его производства... Высокое вознаграждение прежнего фельетона показывает, что оно основывалось на общественных отношениях. В действительности в этом состоит взаимосвязь между снижением абонентской платы, ростом важности объявлений и растущим значением фельетона»²⁵.

Бодлер, по мнению Бенямина, мало отличался от других литераторов своего времени, которые приобретали общественный авторитет и политиче-

ское влияние, затрагивая в фельетонах темы, актуальные для политической жизни, и это становилось источником коррупции, поскольку работы выполнялись на заказ: «Как фланер он отправляется на рынок, предполагая осмотреть его, а на самом деле все же еще находясь в поисках покупателя». Это было и выводом о связи поэта с богемой: свойства буржуа, старьевщика и фельетониста, обнаруженные Беньямином у Бодлера, органично сплелись в образе фланера, черты которого он прочитал именно в творениях поэта. То, что Бодлер сам достаточно мало практиковал написание фельетонов, Беньямин объяснил тем, что «он рано встал на собственный путь»²⁶. Фланирование, важный элемент творческого метода «физиологов», было освоено Бодлером помимо литературной деятельности, и «его стихи содержали особые меры для вытеснения конкурирующих с ними»²⁷.

Метод фланирования на основе материала, обнаруженного у Бодлера и в других источниках, Беньямин описывал во взаимосвязи с уличной средой: «Улица стала жилищем для фланера, который между фронтонами домов был дома, как горожанин в своих четырех стенах». При этом Бодлер, по мнению Беньямина, был гораздо ближе не к физиологам, создающим «своего рода фантазмагорию парижской жизни», но к детективной литературе, также имевшей дело с массой, но описывавшей ее иначе: «Она мало задерживается на определении типов; она занимается в большей мере функциями, характерными для массы в городе... Здесь масса оказывается убежищем, которое защищает асоциальные элементы от преследователей. Среди ее угрожающих сторон эта всех раньше заявила о себе. Она стоит у истоков детективной истории». Чтобы подчеркнуть особенное в манере Бодлера, Беньямин сравнил ее с мастерством других писателей, в частности Эдгара По, «одного из великих техников новой литературы». По мнению мыслителя, восприняв технику По, Бодлер не стал автором детективных историй, «так как идентификация с детективом для него в силу его культуры поведения была невозможна»; он остался «на стороне асоциального»²⁸. В «Некоторых мотивах...», сравнивая образы По и Бодлера, Беньямин отметил: «Человек толпы — не фланер... Поэтому из него скорее можно вывести то, чем фланер должен стать, если его заберет среда, в которой он находится. Частное лицо может фланировать, в принципе, только если оно как таковое еще выпадает из рамок. Там, где приватизирование задает тон, для фланера так же мало места, как в болезненном движении Сити. Лондон имеет своего человека толпы»²⁹.

Продвигаясь в своем «общественно-критическом» анализе, Беньямин отмечал, что толпа у Бодлера не убежище преступников, но место обитания поэта. Его образ большого города вызывает не отвращение, но отражает любовь поэта. Бодлер свободен в мыслях и желаниях. Его гнетет желание буржуазии в ответ на политический террор скрыться в четырех стенах квартиры, чтобы построить свой маленький мир, наполненный предметами домашнего обихода, в соответствии, например, как отметил Беньямин, со стилем «макарт»: «Квартира представляется родом скорлупы. Он понимает ее как футляр человека и укладывает его в нее со всеми его принадлежностями, заботясь о его следе так, как природа в граните о мертвой фауне»³⁰.

Сам Бодлер, по мысли Беньямина, оказался вовлечен в это бегство от реальности «как какой-то криминальный элемент». Но скрывался он не в своей квартире, а там, где его вряд ли ждали, в массе большого города: «В бегстве от кредиторов он забивался в кафе или читальные кружки. Он слонялся по городу, который фланеру давно больше не был родиной». Этим

восприятие фланера у Бодлера отличалось от восприятия фланера-незнакомца у По: «Фланер для По прежде всего тот, кому неуютно в его собственном обществе. Поэтому он ищет толпу... Различие между асоциальным человеком и фланером По намеренно стирает. Человека все более подозревают по мере того, как ему все тяжелее подниматься». Беньямин подчеркивал: «Бодлер любил одиночество, но он хотел его в толпе». Это было, в том числе, потому, что толпа всегда была на виду и покрывала все возможное пространство: получить одиночество где-либо кроме нее было невозможно. Также невозможна и небезопасна жизнь фланера в темном городе: «В течение рассказа у По становится темно. Появление улицы как интерьера, в котором фантазмагория фланера обобщается, лишь с трудом можно отделить от газового освещения. Первый газовый свет загорелся в пассажах... При Наполеоне III число парижских газовых светильников растет быстрым темпом. Это повышало безопасность в городе. Это делало толпу на открытой улице и ночью как у себя дома; это вытесняло звездное небо из образа большого города увереннее, чем при помощи высоких домов»³¹. Бодлеру, чтобы сохранять и самому возможность «общественно-критического» взгляда, нужно было оставаться на виду и видеть то, что происходит вокруг.

В своем стремлении тщательно рассмотреть феномен массы, толпы и особенности положения человека в такой социальной среде, представленные Бодлером, путем сопоставления с взглядами других авторов Беньямин не ограничился лишь рассмотренными выше сравнениями. Масса у Бодлера, по мысли Беньямина, имела явные отличия от толпы у Гюго, оцениваемой им в качестве «конкретных скоплений, но общественно все же остающихся абстрактными, именно в своих изолированных частных интересах» и потому существующей «только статистически»: «Если эти скопления все же попадают на глаза — и об этом заботятся тоталитарные государства тем, что они делают сосредоточение своих клиентов перманентным и обязательным для всех намерений, — то ясно проявляется их двойной характер». Для Беньямина толпа Гюго была «толпой почти в античном стиле, толпой клиентов — это была его масса читателей и выборщиков»: «Одним словом, Гюго не был фланером»³².

Потому и мир, воссоздаваемый им, имел мало общего с миром Бодлера: «Космический ливень у Виктора Гюго никогда не имел характера открытого ужаса, который Бодлер испытал в spleen. Он пришел к поэту из пространства миров, пригодного интерьеру, где он чувствовал себя как дома. Он чувствовал себя в этом духовном мире действительно как дома. Этот мир — дополнение уюта его домашнего очага, где также не обошлось без ужаса». В «Центральном парке» Беньямин, касаясь «шаткости и хрупкости большого города», воссоздаваемого Бодлером, ясно характеризует социальную основу популярных у буржуазии занятий: «Азартная игра, фланирование, коллекционирование — занятия, которые предназначены против spleen»³³.

По мнению Адорно, такие игры Беньямина с литературными образами при сравнении взглядов Бодлера и других авторов были излишни и необоснованны, а потому и тезис о превращении города в интерьер для фланера вызывал у него «чувство искусственности», хотя он признавал исследовательскую дерзость коллеги. Адорно подчеркивал: «Материалистическая детерминация культурных характеров возможна только опосредованно через общий процесс... как через общие социальные и экономические тенденции своего времени... Тем самым в смысле постановки вопроса в Вашей работе — через анализ формы товара в эпоху Бодлера». Адорно указывал в связи с этим

именно на отсутствие теоретической базы в работе Беньямина, прикрытое многочисленными фактами, создававшими «аффицирующий» эффект³⁴.

Беньямину, для которого «Бодлер был плохим философом, хорошим теоретиком, но бесподобным мечтателем», раскрывать социальную природу его образов, опираясь только на материалистическую основу, было бы довольно странно, поскольку «от мечтателя он имеет стереотипию мотивов, непоколебимость в отклонении всего мешающего, готовность в любое время поставить образ на службу мысли»: «Мечтатель, как исторически определенный тип мыслителя, является тем, кто чувствует себя среди аллегорий как дома». И далее в продолжение ответных размышлений на замечание Адорно о возможной «материалистической детерминации» поэтических образов Бодлера Беньямин констатирует: «Он получил в путь в качестве суточных одну ценную старинную монету из накопленного богатства этого европейского общества. Она имела на “решке” костлявую смерть, на “орле” — погруженную в мечтания меланхолию. Эта монета была аллегорией»³⁵. Однако это обстоятельство не мешало Беньямину осуществлять «общественно-критическое» исследование с опорой на материализм.

Он совершенно естественно соединял поэтические аллегории и товарные отношения эпохи капитализма: «Специфическое обесценивание мира вещей, которое предложено в товаре, является фундаментом аллегорической интенции у Бодлера. Как воплощение товара центральное место в поэзии Бодлера занимает проститутка. С другой стороны, проститутка является очеловеченной аллегорией»³⁶. В «Центральном парке» Беньямин высказался более конкретно о взаимосвязи образа проститутки и фланера и их месте в творчестве Бодлера: «С возникновением больших городов проституция овладевает новыми таинственными сущностями. Одна из них — это, прежде всего, лабиринтный характер самого города. Лабиринт, образ которого вошел фланеру в кровь и плоть, выглядит через проституцию словно пестро окаймленным. Итак, первая таинственная сущность, которой она распоряжается, является мифическим аспектом большого города как лабиринта»³⁷.

Беньямин был уверен, что сам Бодлер был не фланером, а скорее «собственным импресарио», создавшим вместе с образом фланера свою «мифоманию»³⁸: «Если представить этот ритм и следовать этим образом работы, то это покажет, что фланер Бодлера ни в коей мере не является автопортретом поэта, как об этом можно было подумать. Важная черта реального Бодлера — именно предписанного его произведением — не включена в эту картину. Это рассеянность. — Во фланере желание смотреть празднует свой триумф. Он может концентрироваться в наблюдении — это дает в итоге детектив-непрофессионала; он может стагнировать в разине. Тогда фланер становится badaud. Подробнейшие представления большого города не исходят ни от одного, ни от другого. Они исходят от тех, кто пересекает город, как будто покидая его, отбросив в своих мыслях и заботах. Им подходит картина *fantasque escrime*; на их конституцию, которая является чем угодно, только не конституцией наблюдателя, посягает Бодлер»³⁹.

В последние годы жизни поэт по материальным причинам не обладал свободой фланера, «не мог часто, как прогуливающийся, перемещаться по парижским улицам» и это отражалось в его стихах. Асоциальность проникала в произведения Бодлера, демонстрируя его отстраненность от общества, но при этом, по мнению Беньямина, он не стремился совершенно не замечать массу. Разнообраз-

ные типажи, «фланер, апаш, денди, старьевщик были для него также многими ролями»: «За масками, которые он использовал, поэт сохранял в Бодлере инкогнито... Это инкогнито является законом его поэзии. Его сооружение стихов сравнимо с планом большого города, в котором можно двигаться, оставаясь незамеченным, покрывая блоки домов, ворота или дворы. На этом плане слова, как заговорщики перед началом восстания, точно опознают свои места. Бодлер сам конспирирует языком. Он рассчитывает везде произвести эффект»⁴⁰. Для существа этих масок важна была масса: «Ни о каком классе, ни о какой как-то структурированной коллективной общности не может идти речи. Разговор не о чем другом, как об аморфной толпе прохожих, об уличной публике. Эта толпа, бытие которой Бодлер никогда не забывал, не была моделью ни к одному его произведению. Но она была запечатлена его творчеством как скрытая фигура... это толпа духов слов, фрагментов, начала стихов, с которыми поэт на покинутых проспектах сражается вокруг поэтической добычи»⁴¹.

Однако для Адорно историчность образа фланера не была однозначной. Факты, которыми Беньямин доказывал объективность своего образа, вызывали критику со стороны Адорно. Так, объяснение появления пассажей, представленных как необходимый элемент среды обитания фланера ввиду узости тротуаров, он охарактеризовал как «объективность фантазмагории». И не имея ничего против фантазмагии, Адорно указал, что частое обращение к ней требует ее теоретической проработки как «объективной историко-философской категории, а не как “суждения” о социальных характерах»⁴². Тогда бы «фантазмагоричной» стала и сама работа.

Адорно предостерегал Беньямина от «субъективизации фантазмагии», поскольку литературные примеры являются лишь продуктом личного восприятия авторов книг. Адорно указывал на «некоторую искусственность и неоднозначность» объяснений образов Бодлера, «недостаток историко-философских категорий», при обилии «технологических ссылок», не показывающих то, что хочет сказать Беньямин. Для Адорно наиболее плодотворной в исследовании Беньямина являлась линия роли товара в капиталистическом обществе, и тогда историко-философский и политический мотив исследования, связанный с идеей фетишизации товара, мог быть доведен до фашизма, чтобы акцентировать внимание на связи теории души товара с идеями Маркса⁴³.

Беньямин писал в ответ, что у него как «диалектического материалиста» оправдана «инструментализация критики в интерпретации важнейших литературных свидетельств»⁴⁴. Беньямин не видел противоречий в фантазмагоричной характеристике товарного хозяйства, поскольку фантазмагория в результате одурманивания товарным хозяйством становилась единственной реальностью⁴⁵. Поэтичность и фантазмагоричность были для Беньямина необходимыми чертами его работы о Бодлере. Как он указывал в «Задаче переводчика», перевод должен быть «эхом оригинала». А это значит, что в работе постоянно должен был слышаться «лирик высокого капитализма» как выразитель времени: в чертах фланера и среды, где он жил, должны угадываться черты поэта и его творений, пусть и с долей фантазмагии. Интересно в этой связи и замечание Шолема о необходимости большего внимания Беньямина к характеристике Бодлера как фланера⁴⁶. Но дело в том, что, размышляя о Бодлере как представителе этого социального типа и симпатизируя ему, Беньямин, очевидно невольно, стал идентифицировать себя с ним. Это затрудняло объективный анализ эпохи и ее характеров.

Критика со стороны Адорно и Хоркхаймера не позволяла Беньямину выйти за теоретические рамки исследований Института социальных исследований или вообще уйти от научной работы в публицистику. Беньямин действительно расходился с ними и в вопросах методологии, и в способе подачи материала. Но Адорно не сомневался в его методологической «солидарности с институтом» и отмечал, что марксизм для его работ не являлся «прагматической ссылкой, но именно теоретической конструкцией». При этом «усредненной оценкой материалистических категорий (которые ни в коем случае не совпадают с марксистскими)», по мысли Адорно, Беньямин не грешил, давая возможность раскрыться своим «собственным продуктивным мыслям». Однако, по его мнению, Беньямин мог принести большую пользу «делу диалектического материализма и представляемым институтом теоретическим интересам», если бы «не заботился о стабильности текста, не опасался его профанации». Адорно в письме к мыслителю заметил: «Работа не представляет Вас так, как она должна представлять»⁴⁷.

Философско-исторические размышления Беньямина над произведениями Бодлера, которые должны были лечь в основу третьей части работы, все дальше уводили его от линии, предписываемой ему коллегами. Эти размышления были тесно связаны с представлением о времени в творениях поэта, а именно с понятием сплина. Как выражение опыта, по мысли Беньямина, сплин не предлагал нового, но заставлял обращаться к прошлому. Поэтому в теоретическом плане он был связан с идеей о вечном возвращении, увиденной по-новому, но имеющей много общего с идеями Ницше и Бланки⁴⁸. Идея вечного возвращения, считал Беньямин, более соответствует большому городу, «делая само историческое событие массовым товаром»: «Она заявляет о себе в момент, когда безопасность условий жизни посредством ускорившейся вереницы кризисов сильно уменьшается. Мысль о вечном возвращении имела свой лоск оттого, что с возвращением отношений в гораздо малые сроки, чем те, что предоставляла в распоряжение вечность, следовало больше не считаться со всеми обстоятельствами... Короче говоря, привычка предполагала отказаться от некоторых своих прав. Ницше говорит: “Я люблю короткие привычки”, и уже Бодлер на протяжении всей жизни не был способен развивать твердые привычки». В таком контексте поэт специфически воспринимал идею прогресса: «У Бодлера едва ли найдут попытку серьезно дискутировать с представлением о прогрессе. Прежде всего потому, что “вера в прогресс”, которую он с ненавистью преследует, является ересью, лжеучением, а не обычным заблуждением»⁴⁹.

Позднее в США Адорно острее стал понимать некоторые идеи Беньямина о взаимосвязи поэтических конструкций Бодлера и реальности товарного хозяйства. Он признал близость собственных идей и суждений Беньямина, но вновь выступил против применения в его работе «фрейдистской теории памяти» для объяснения образов Бодлера. С методологической точки зрения, по его мнению, необходимо было обратиться к теории овеществления, «так как всё овеществление является забвением: объекты становятся вещественными в момент, где они зафиксировались, не став актуально современными во всех своих элементах, где что-то о них забыли». Так, по мнению Адорно, работа Беньямина могла бы достичь «универсальной общественной плодотворности»⁵⁰.

Впрочем, несмотря на критические замечания по поводу цикла исследований Беньямина о Бодлере, Адорно позже признавал, касаясь единствен-

ного опубликованного при жизни мыслителя в 1940 г. труда из этого цикла, что работа «О некоторых мотивах у Бодлера» стала «одним из великолепнейших историко-философских свидетельств эпохи»⁵¹.

Планам Беньямина по изучению Бодлера не суждено было найти свое полное воплощение. Однако имеющиеся материалы — законченные варианты отдельных частей бодлеровских штудий Беньямина, а также архивные документы и переписка мыслителя — позволяют рассмотреть его методологию. В основе «общественно-критического» взгляда на поэта — исследовательского подхода Беньямина к изучению его творчества — лежит представление о диалектическом образе на пути к пониманию литературных конструкций Бодлера и выявлению через анализ диалектического образа отраженных в них событий его личной жизни и исторических феноменов окружавшей его социальной реальности. И то и другое требовало комплексного изображения и осмысления с позиции особого для мыслителя понимания диалектического материализма. При этом предметом исследования Беньямина стало не только содержание литературных конструкций Бодлера, но и форма их передачи, а также исторический контекст и манера поведения поэта в процессе сбора информации для своих творений и в частной жизни. Такой методологический прием стал новаторским не только в рамках исследований Франкфуртской школы, в значительной мере опиравшихся на марксистскую теорию, что вызвало дискуссии среди коллег Беньямина, но и в рамках всего комплекса исследований по социальной истории.

¹ Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers // Benjamin W. Gesammelte Schriften : 7 Bd. Frankfurt/M., 1991. Bd. 4. S. 9 (далее в примечаниях используется принятая в исследованиях о Беньяmine сокращенная форма ссылки на труды, включенные в его Собрание сочинений (Gesammelte Schriften — GS), с указанием тома и страницы). Работы Вальтера Беньямина под общим названием «Charles Baudelaire. Ein Lyriker im Zeitalter des Hochkapitalismus» представлены в первом томе Собрания сочинений мыслителя. Это «Paris des Second Empire bei Baudelaire», «Über einige Motive bei Baudelaire», «Zentralpark». В том же томе представлены письма, наброски, фрагменты, иллюстрирующие процесс работы над книгой.

² Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers. S. 16.

³ Max Horkheimer an Benjamin, 18.9.1935 // GS. Bd. 5. S. 1143.

⁴ Horkheimer an Benjamin, 13.4.1937 // GS. Bd. 1. S. 1067.

⁵ Benjamin an Horkheimer, 26.4.1937 // Benjamin W. Gesammelte Briefe : 6 Bd. Frankfurt/M., 1995—2000. Bd. 5. S. 518.

⁶ Benjamin an Gerschom Scholem, 14.4.1938 // Ibid. Bd. 6. S. 57.

⁷ Benjamin an Horkheimer, 16.4.1938 // Ibid. S. 65.

⁸ Theodor Adorno an Benjamin, 12.5.1937 // GS. Bd. 1. S. 1069.

⁹ Benjamin W. Das Passagen-Werk : Aufzeichnungen und Materialien // GS. Bd. 5. S. 578.

¹⁰ Benjamin W. Annotationen zu Gedichten Baudelaires // GS. Bd. 1. S. 1139.

¹¹ Benjamin W. Konspekt der gesamten Baudelaire-Arbeit // Ibid. S. 1151.

¹² Benjamin W. Annotationen... S. 1139.

¹³ Benjamin W. Zentralpark // GS. Bd. 1. S. 660.

¹⁴ Benjamin W. Annotationen... S. 1148.

¹⁵ Benjamin an Horkheimer, 28.9.1938 // Benjamin W. Gesammelte Briefe. Bd. 6. S. 163.

¹⁶ Benjamin an Theodor und Gretel Adorno, 28.8.1938 // Ibid. S. 155.

¹⁷ Benjamin an Horkheimer, 3.8.1938 // Ibid. S. 150—151.

¹⁸ Benjamin W. Zentralpark. S. 659, 665.

-
- ¹⁹ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire // GS. Bd. 1. S. 515.
- ²⁰ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 658—659.
- ²¹ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire. S. 522.
- ²² Theodor Adorno an Benjamin, 10.11.1938 // GS. Bd. 1. S. 1097.
- ²³ *Benjamin W.* Über einige Motive bei Baudelaire // GS. Bd. 1. S. 620, 621, 622.
- ²⁴ Benjamin an Bernard von Brentano, 22.4.1939 // Ibid. S. 1119.
- ²⁵ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire. S. 528, 530—531.
- ²⁶ Ibid. S. 532, 536, 537.
- ²⁷ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 664—665.
- ²⁸ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire. S. 539, 541, 542, 545.
- ²⁹ *Benjamin W.* Über einige Motive bei Baudelaire. S. 627.
- ³⁰ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire. S. 548—549.
- ³¹ Ibid. S. 550, 552.
- ³² Ibid. S. 568.
- ³³ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 658, 674, 668.
- ³⁴ Theodor Adorno an Benjamin, 10.11.1938 // GS. Bd. 1. S. 1095, 1096.
- ³⁵ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 669, 684.
- ³⁶ *Benjamin W.* Konspekt. S. 1151.
- ³⁷ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 688.
- ³⁸ Ibid. S. 665.
- ³⁹ *Benjamin W.* Das Paris des Second Empire bei Baudelaire. S. 572.
- ⁴⁰ Ibid. S. 573, 600, 601.
- ⁴¹ *Benjamin W.* Über einige Motive bei Baudelaire. S. 618.
- ⁴² Theodor Adorno an Benjamin, 10.11.1938 // GS. Bd. 1. S. 1094—1095.
- ⁴³ Theodor Adorno an Benjamin, 1.2.1939 // Ibid. S. 1108, 1111, 1112.
- ⁴⁴ Benjamin an Theodor Adorno, 9.12.1938 // Benjamin W. Gesammelte Briefe. Bd. 6. S. 187.
- ⁴⁵ Benjamin an Theodor Adorno, 23.2.1939 // Ibid. S. 225—226.
- ⁴⁶ См.: Ibid. S. 255.
- ⁴⁷ Theodor Adorno an Benjamin, 10.11.1938 // GS. Bd. 1. S. 1097, 1098.
- ⁴⁸ *Benjamin W.* Konspekt. S. 1152.
- ⁴⁹ *Benjamin W.* Zentralpark. S. 663, 687.
- ⁵⁰ Theodor Adorno an Benjamin, 29.2.1940 // GS. Bd. 1. S. 1131.
- ⁵¹ Цит. по: Ibid. S. 1135.

*С. Т. Смирнова***РУССКИЙ АВАНГАРД:
КОЛЛИЗИИ ПОНИМАНИЯ И НЕПОНИМАНИЯ**

Москва конца 1980-х годов открыла современному человеку, не искусственному в перипетиях художественных исканий первой четверти XX века, русский авангард. Персональные выставки А. Лентулова, В. Кандинского, П. Филонова, произведения К. Малевича, и в первую очередь его нашумевший «Черный квадрат», потрясли воображение как подготовленного, так и неподготовленного к восприятию этих произведений зрителя. Первый приветствовал долгожданную свободу видеть шедевры искусства, признанные во всем мире, второй переживал состояние шока от непонятого, а поэтому и неприятного «видения». Испанский философ и эстетик Х. Ортега-и-Гассет в статье «Дегуманизация искусства» объяснял феномен «травматического шока» у большинства зрителей, не принимавших новое искусство, тем, что непонимание рождает в человеке ощущение униженности, несостоятельности, неполноценности. Эти чувства компенсируются «возмущенным, яростным самоутверждением перед лицом произведения» [9, с. 87]. Философ затрагивает ряд важных аспектов проблемы понимания авангардного искусства. Так, он отмечает, что «произведения искусства действуют подобно социальной силе, которая создает две антагонистические группы, разделяет бесформенную массу на два различных стана людей. <...> Слепая прихоть нашего индивидуального вкуса может поместить нас и среди тех, и среди других. Но в случае нового искусства размежевание это происходит на уровне более глубоко, чем прихоти нашего индивидуального вкуса. Дело здесь не в том, что большинству публики не нравится новая вещь, а меньшинству нравится. Дело в том, что большинство, масса просто не понимает ее... Новое искусство, очевидно, не есть искусство для всех, как, например, искусство романтическое...» [Там же].

Необходимо принимать во внимание время расцвета авангардного искусства — начало XX века. Как отмечает Т. Д. Марцинковская, «в России он был особенно ожидаем, так как здесь всегда было распространено мнение о значимости именно просветительской роли искусства и важности содержания художественных произведений» [7, с. 83]. Исследователь-психолог делает акцент на социально-психологических причинах возникновения авангарда. Во-первых, авангардное искусство рассматривается как «абсолютно новое явление, которое существенно отличается, прежде всего, с точки зрения соотношения формы и содержания» — «в содержании выходит на первый план не объективный знак (значение), но субъективная и закрытая (понятная только для посвященных) символика» [Там же]. Во-вторых, это искусство оценивается как своеобразный протест против социальной роли искусства, выразившийся в полном или почти полном игнорировании содержания. В-третьих, авангардное искусство становится «одной из наиболее адекватных художественных форм отражения мировоззренческого слома, произошедшего на рубеже XIX—XX веков». Эту мысль развивает Е. Бобринская, она от-

мечает: «...поиски совершенно новых контуров искусства в мире машин и массового общества часто были связаны с радикальными экспериментами с традиционным художественным языком» [3, с. 8]. В-четвертых, авангардное искусство стало ответной реакцией на расширение представлений о научной картине мира, когда «кроме ньютоновской механической модели мира... наука обнаружила к концу девятнадцатого столетия своего рода метамир — децентрализованный, многомерный, текучий мир энергий, волн, излучений и сил» [Там же]. Человеческие реакции на такие ошеломляющие изменения передаются, в частности, во многих абстрактных работах В. Кандинского. Хуго Балл так описывает произведения художника: «Твердь бесследно исчезла. Исчезли камень, дерево, металл. Великое стало мелким, а мелкое достигло гигантских размеров...» (цит. по: [3, с. 136]).

Не менее значим такой аспект понимания искусства, как «эстетическое восприятие». Оно предполагает, что «радоваться или сострадать человеческим судьбам, о которых повествует нам произведение искусства, есть нечто очень отличное от подлинно художественного наслаждения. Более того, в произведении искусства эта озабоченность собственно человеческим несовместима со строго эстетическим удовольствием», зависящим от «оптической проблемы» [9, с. 89]. Х. Ортега-и-Гассет приводит уникальный пример. Он пишет: «Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент он смотрит в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет — это сад и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом сквозь него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезнет из поля зрения, и единственное, что останется от него — это расплывчатые цветные пятна, которые кажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад и видеть оконное стекло — это две несовместимые операции... Соответственно, тот, кто в произведении ищет переживаний за судьбу Хуана и Марии, Тристана и Изольды и приспособливает свое духовное восприятие именно к этому, не увидит художественного произведения как такового» [Там же]. Такой рационалистический подход к восприятию художественного произведения не всегда может удовлетворить познавательный интерес потенциального зрителя. Большинство любителей искусства часто задаются вопросом, что вообще испытывают люди, подвергаясь воздействию искусства? Варианты ответов находим у И. А. Бунина: «Очарование от человеческой умелости, силы? Возбужденное желание личного счастья, которое всегда, всегда живет в нас и особенно оживает под влиянием чего-нибудь, действующего чувственно, — музыки, стихов, какого-нибудь образного воспоминания, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущения божественной прелести человеческой души... Вот я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдруг говорю: Боже, как это прекрасно! Что это значит? Может быть, это значит: как все-таки прекрасна жизнь!» [4, с. 40].

Изменение образа мира рождало и новые способы его восприятия. Отметим общепринятую точку зрения, согласно которой «тенденции к абстракции, уходу от содержательного наполнения появились в музыке раньше, чем в живописи», поэтому вполне сопоставимы способы процессов восприятия музыкального произведения и произведения, например, абстрактного. Пресловутый «Черный квадрат» Малевича фигурирует практически во всех ис-

следованиях, посвященных анализу восприятия авангардного искусства, как наиболее действенный, очевидный пример. Не стала исключением в этом плане статья Т. Д. Марцинковской. Автор неоднократно обращается к произведению Малевича. В частности, Т. Марцинковская обращает внимание на то, что «Черный квадрат» может «заворожить» зрителя, вызвать определенные эмоциональные переживания, которые могут опираться «на знание, но не знаков, а символов, существующих не только (и не столько) в сознании, но и в бессознательном людей» [7, с. 88], таким образом свидетельствуя об архетипическом наполнении абстрактной живописи. В данном контексте «Черный квадрат», по мнению автора, «связан с классическими архетипами страха, бездны, начала-конца и сходными с ними символами» [Там же].

Запрет на авангард в Советской стране — явление парадоксальное, тем более что он последовал за почти десятилетним периодом тесного сотрудничества советской власти с художниками русского авангарда. На данное обстоятельство повлияло множество факторов, в том числе личные пристрастия руководителей культурным строительством; революционный заряд авангарда, роднивший его с революцией 1917 года; общий ход развития мировой художественной культуры, связанный с переходом от объект-субъектной линии в искусстве к субъект-объектной, сменой эстетической парадигмы и т. д. Так, первым комиссаром по делам изобразительных искусств был художник Давид Штеренберг. Нарком просвещения А. В. Луначарский был поклонником его творчества. Сам же художник вошел в историю советского искусства как идеолог творческого объединения «Общество станковистов».

«Художника оставила красота», — так один из современников определил содержание авангардного искусства. В реалистической традиции красота созданного Богом земного мира и человека в этом мире выступала одним из основных объектов художественных творений. Художник-авангардист стал балансировать, как эквилибрист, между предметностью и беспредметностью, между материальным и духовным мирами, переходя грани дозволенного традицией. Привычный мир преображался волею творца из образного в безобразный (образный только для художника — создателя нового образа). Согласимся с позицией Е. Бобринской, что «вероятно, ни одно столетие в истории Нового времени не было отмечено такими радикальными трансформациями привычного для европейского человека облика искусства, какие принес с собой ушедший двадцатый век» [3, с. 5]. Без специального кода (шифра) понять и воспринять такой образ практически невозможно. Важнейшей составляющей этого кода выступало теоретическое кредо художника. В. Кандинский признается: «Должны были пройти многие годы, прежде чем путем чувства и мысли я пришел к той простой разгадке, что цели (а потому и средства) природы и искусства совершенно, органически и мирозаконно различны и одинаково велики, а значит, и одинаково сильны...» [6, с. 131]. Субъективированный взгляд художника на предмет, окружающий мир, Вселенную, таким образом, дополнялся формальными экспериментами, поисками новых средств выразительности, первоэлементов искусства, сознательным расширением его границ. К примеру, Казимир Малевич в ответ на резкую критику его «Черного квадрата» отмечал, что его «Квадрат» не был пустым квадратом, а «чувствительностью, ощущением отсутствия предметности» (цит. по: [2, с. 219]).

Свой путь к беспредметности В. Кандинский описывает так: «Я был однажды очарован в собственной моей мастерской неожиданным зрелищем.

Сумерки надвигались. Я возвращался домой с этюда, еще углубленный в свою работу и в свои мечты о том, как следовало бы работать, когда вдруг увидел перед собой неописуемо прекрасную, пропитанную внутренним горением картину. <...> ...Это была моя собственная картина, прислоненная к стене и стоящая на боку. <...> ...Мне стало в тот день, бесспорно, ясно, что предметность вредна моим картинам» [6, с. 137]. Приведенный пример может служить своеобразной иллюстрацией к рассмотрению так называемого принципа случайности в искусстве. Случайность определяется исследователями как важнейший элемент в эстетике дадаизма, как существенный — в абстрактном экспрессионизме и т. п. Так, Е. Бобринская отмечает, что «в русской культуре существовала особая визионерская мифология случая» [3, с. 194]. Она приводит хрестоматийные примеры: «...случайно увиденная на снегу ворона стала для Сурикова импульсом при создании образа боярыни Морозовой... Малевич утверждал, что создал “Черный квадрат” под впечатлением такой же визионерской случайности — мальчик с черным школьным ранцем на фоне снежного поля...» [Там же]. Исследовательница заключает: «Это неустойчивое состояние искусства, в которое внесен “вирус” случайного, вынуждает постоянно балансировать между экзальтацией субъективизма и вторжением в творческий процесс внечеловеческих, “элементарных сил”, между рациональным планом, замыслом, методом и спонтанностью, мгновенной вспышкой озарения» [3, с. 197].

«Лебеди иных миров» — так канадская исследовательница Шарлотта Дуглас определила предназначение художников русского авангарда [5]. Художники-авангардисты дереализировали и депопуляризировали искусство. Они создавали элитарное искусство, при восприятии которого важно четкое разграничение переживания от произведения и художественного наслаждения, эстетического удовольствия, получаемого зрителем при созерцании картины.

«Искусство предназначено не для всех людей вообще, а только для очень немногочисленной категории людей, которые, быть может, и не значительнее других, но явно не похожи на других», — отмечал Х. Ортега-и-Гассет [9, с. 88]. В этом плане показательное отношение широкой российской общественности начала XX века и конца XX века к русскому авангарду: оно практически одинаково, даже определения, оценки данного явления формулируются прямолинейно негативно. Среднестатистический зритель перед картиной художника-абстракциониста испытывает чувство агрессии, недовольства от увиденного «безумия», и ему невдомек, что искусство — это сказка, игра, фантазия, форма духовного творчества. Вспоминаются строки из стихотворения Зинаиды Гippiус: «Игра загадочней всего / И бескорыстнее на свете. / Она всегда — ни для чего, / Как ни над чем смеются дети».

Известнейший идеолог и художник русского авангарда В. В. Кандинский писал в автобиографическом монологе-исповеди «Ступени»: «Живопись есть грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы и среди этой борьбы миров между собой создать новый мир, который зовется произведением. Каждое произведение и технически возникает так, как возник космос — оно проходит путем катастроф, подобных хаотическому реву оркестра, выливающемуся в конце концов в симфонию, имя которой — музыка сфер. Создание произведения есть мироздание» [6, с. 138]. Вот так просто художник настежь открывает дверь в свой волшебный внутренний мир, в мир импрессий, импровизаций и композиций. И поэтому Москва Кандинского, вращающаяся вокруг золотых куполов церквей

как вокруг солнца, становится узнаваемой. Заметим, что художник называл Москву своим «живописным камертоном», исходной точкой своих исканий.

Искусство русского авангарда, являясь зашифрованным, предполагает «другого зрителя» — зрителя, наделенного развитым абстрактным мышлением, творческими задатками, имеющего желание выступать в роли соавтора художественного произведения.

Популярную «антиметодику» восприятия абстрактного произведения описал писатель-сатирик А. Аверченко в рассказе «История одной картины». Его герой опытным путем «осмысливает» абстрактную картину: «Я попробовал взглянуть на картину в кулак: впечатление сконцентрировалось, и удивительная картина стала еще непонятнее... Я пустился на хитрость — крепко зажмурил глаза и потом, поболтав головой, широко раскрыл их... Одностороннее солнце по-прежнему пузырилось выпуклой стороной и закорючки с утомительной стойкостью висели — каждая на своем месте» [1, с. 225—226]. Писатель абсолютно точно нарисовал портрет человека, не понимающего современное искусство, а также зафиксировал в художественной форме стереотип отношения «человека здорового и неизвращенного вкуса» к этому искусству. Ирония в отношении современного искусства отражена и в рассказе французского писателя Андре Моруа «Рождение знаменитости». Герои рассказа — писатель Поль Эмиль Глэз и художник Пьер Душ — решили разыграть публику. Писатель предложил художнику привлечь внимание к своему творчеству таким образом: «Есть одно средство вывести из спячки тупиц: решиться на какую-нибудь дикую выходку... Создай какую-нибудь новую школу. Отрицай движение или, наоборот, покой, белое или черное, круг или квадрат — это совершенно все равно... Всякий раз, как тебя попросят что-либо объяснить, ты, не торопясь, молча зажги свою трубку, выпусти облако дыма в лицо любопытному и произнеси эти слова: “А видели вы когда-нибудь, как течет река?”». Прошло время. Друзья встретились на очередной выставке. Писатель, глядя на картины художника, недоумевал. Художник же «помолчал немного, затем, выпустив из своей трубки густое облако дыма, сказал: “А видел ли ты когда-нибудь, как течет река?”» [8, с. 88—91].

Проблема понимания или непонимания «нового искусства» нашла отражение даже в анекдотах. В перестроечное время популярным был следующий анекдот о советских управленцах. Выставка в Манеже. Ленин и А. Луначарский делятся впечатлениями от увиденного. Ленин — Луначарскому: «Ничего не понимаю», Луначарский — Ленину: «Я тоже». И голос за кадром: «Это были последние руководители Советского государства, которые хоть что-то не понимали в искусстве».

Противостояние сторонников и противников русского авангарда продолжается по настоящее время, несмотря на огромное влияние этого культурного феномена на мировую художественную культуру в целом, прикладные области искусства. Сложившаяся ситуация объясняется не только государственной политикой в области культуры, психологическими, образовательными и воспитательными факторами, индивидуальными особенностями и личными эстетическими пристрастиями людей. В значительной степени это вызвано неразвитостью у людей художественного сознания, связанного с отсутствием целостного представления о художественной картине мира и ее трансформациях во времени и пространстве.

Современный человек потребляет современную культуру, формируется ею, окружает себя предметами быта, культа, произведениями искусства, в том

числе и авангардного стиля, является продуктом культуры и в то же время дистанцируется от нее как от чего-то инородного. Возможно, преобладание потребительского отношения к искусству в современном мире, «необычность» современного искусства, размытость его видов, жанров, в определенной степени узость художественного кругозора, отсутствие представлений о механике творчества не позволяют человеку видеть, чувствовать духовное начало, «органическое развитие, органический рост прежних истин» (по В. Кандинскому) в художественном творчестве великих художников-авангардистов.

Русский авангард, «остановленный на бегу», в советской России забытый, а потом возвращенный в мир и трансформированный современностью конца XX столетия, вполне может рассматриваться современным российским зрителем как старинная миниатюра неизвестного автора, на которую чем больше и внимательнее смотришь, тем интереснее, и в каждом фрагменте — загадка или открытие.

Библиографический список

1. *Аверченко А.* Кривые углы. М., 1989.
2. *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Л., 1991. Т. 2.
3. *Бобринская Е.* Русский авангард: границы искусства. М., 2006.
4. *Бунин И. А.* Неизвестный друг // Собр. соч. : в 4 т. М., 1988. Т. 3.
5. *Дуглас Ш.* Лебеди иных миров : Казимир Малевич и истоки русского абстракционизма // Сов. искусствознание. М., 1991. Вып. 27.
6. *Кандинский В.* Ступени // Смена. 1991. № 1.
7. *Марцинковская Т. Д.* Психология восприятия абстрактного искусства // Вопросы психологии. 2008. № 6.
8. *Моруа А.* Фиалки по средам. М., 1991.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Человек. 1990. № 2.

ББК 81.432.1

Е. А. Вансяцкая

РОЛЬ МОЛЧАНИЯ В РЕЧИ КОММУНИКАНТОВ-ДЕТЕЙ (На материале художественных произведений)

Наблюдения показывают, что коммуникация не представляет собой непрерывного, сплошного говорения. Очень часто вербальное общение содержит молчание. Действительно, люди не всегда говорят, иногда они предпочитают молчать, и в некоторых случаях молчание оценивается выше, чем разговор.

Выделяют два типа молчания: коммуникативно незначимое и коммуникативно значимое молчание. Изучением молчания занимаются лингвисты [1, 6, 7], а также литературоведы [4].

Молчание первого типа — «молчание как физиологическое состояние человека» [1, с. 7]. Для нас бóльший интерес представляют случаи, когда молчание становится компонентом вербальной коммуникации (далее: ВК). С помощью коммуникативно значимого молчания (второй тип в классификации В. В. Богданова) передается информация от одного к другому, и она расшифровывается на основе знания контекста, ситуации, пресуппозиции и других обстоятельств, при которых происходит процесс общения.

По мнению ученого, в отличие от других типов невербальной коммуникации (далее: НВК), которые существуют в коммуникации сами по себе и не требуют звукового сопровождения, молчание без вербальной коммуникации не имеет смысла. Другими словами, значимое молчание является результатом слов или поступков собеседников по общению.

Г. Е. Крейдлин предлагает другую классификацию молчания. Он различает молчание с параязыковыми и жестовыми заполнениями и молчание с полным отсутствием голосовых звуков. Однако наступление молчания в конкретном акте общения часто свидетельствует не о простом неговорении, а о переходе замолчавшего к другому семиотическому коду, при этом выразительные возможности молчания в сочетании с параязыковыми элементами и жестами никак не меньше, чем при полном молчании, поскольку тело нередко говорит нам о том, о чем слова сказать не могут [5, с. 74—75].

Ученые-психологи отмечают, что важную роль при выражении эмоций играют так называемые «демонстрационные правила». Этот термин был предложен П. Экманом и У. Фризенем [11]. Они, а вслед за ними и другие ученые, подчеркивают, что использование этих правил зависит, с одной стороны, от знаний о том, какие эмоции можно проявлять в зависимости от норм социального контекста, а с другой стороны, от умения контролировать свое собственное поведение в соответствии со знаниями, которые получены коммуникантом в процессе обучения [15, 17].

Самыми распространенными демонстрационными правилами являются:

- 1) симуляция — выражение непереживаемой эмоции;
- 2) подавление — сокрытие выражения переживаемого эмоционального состояния;
- 3) маскировка — замена выражения переживаемого эмоционального состояния выражением другой эмоции, не переживаемой в данный момент [3, 8].

Было замечено, что мужчины и женщины имеют различный потенциал в симулировании, подавлении и маскировке эмоций. Как правило, женщины точнее кодируют свои эмоциональные состояния, чем мужчины, кроме того, им присуща способность лучше их распознавать [12]. В свою очередь, мужчины обладают лучшей способностью подавлять свои эмоции, а женщины превосходят их в маскировке эмоций, т. к. женщины имеют больший опыт в выражении своих экспрессивных состояний. Но о каких-то больших, принципиальных различиях между мужчинами и женщинами говорить нельзя [16]. Можно сделать предположение о том, что мальчики и девочки в определенном возрасте учатся различным способам сокрытия своих эмоциональных состояний. Молчание является одним из них.

В данном исследовании обратимся к такому типу молчания, которое получило название «молчание адресата» (в терминологии В. В. Богданова), или «молчание внимания речи» (в терминологии Г. Г. Почепцова). В ситуациях подобного рода адресат должен показывать, что ему интересны слова говорящего, поэтому он делает вербальные вставки типа «конечно», «еще бы», «разумеется», «да». К неречевым вставкам принадлежат различные типы НВК: одобрительный взгляд, кивок головой, похлопывание по плечу. Эти средства призваны обеспечить обратную связь между говорящим и адресатом. Они выполняют в коммуникации регулирующую или стимулирующую функцию.

Принимая во внимание психологические и лингвистические исследования, обратимся к художественной литературе для детей, которая предоставляет нам большие возможности для анализа интересующего нас явления, а именно молчания. Предположив, что дети достаточно часто прибегают к молчанию как разновидности НВК с целью маскировки и подавления своих истинных эмоций, постараемся это доказать путем исследования литературы англоязычных детских писателей XIX, XX и начала XXI века. Главным критерием для выделения тех или иных литературных произведений в класс детских служит критерий адресованности с изначально осмысленной автором направленностью произведения к детской аудитории. Основой выбора детских прозаических произведений для анализа послужила репрезентативность исследуемого явления — молчания в речи детей. Нами были проанализированы примеры, полученные методом сплошной выборки. Отличие молчания от других видов НВК в том, что оно не имеет смысла без звукового сопровождения второго коммуниканта. Анализ примеров проводился по определенной методике: было проведено описание типа невербального компонента коммуникации, сопровождающего речевой акт; назван тип языкового коррелята (далее: ЯК), с помощью которого НВК был представлен в тексте, и указана эмоциональная реакция (далее: ЭР) адресата. Ее передача происходит по одному из каналов — вербальному либо невербальному.

Начнем анализ подобных текстов с рассмотрения ситуаций, в которых ВК и НВК отражают одну и ту же ЭР. Проведенный анализ позволит выяснить, как происходит вербализация тех или иных видов ЭР в речи коммуникантов-детей.

За основу мы берем классификацию, разработанную В. В. Ганиной, в соответствии с которой выделяются следующие классы НВК.

1. **Паралингвистический класс НВК**, в который входят фонационные и респираторные НВК.

2. **Кинетический класс НВК**, в котором можно различать следующие виды НВК: жестовые, мимические, пантомимические и тактильные.

3. **Миремические НВК**, которые имеют отношение к взгляду человека [2].

В корпусе фактического материала предполагается последовательно обратиться к анализу положительных и отрицательных ЭР.

Проанализируем НВК, ЯК которых согласуется с характером выражаемой ЭР. Попытаемся выяснить роль *молчания адресата* в высказываниях такого типа, а также вывить ЭР, стоящие за ним.

1. Рассмотрим примеры коммуникативно значимого молчания мальчиков.

Mouse said, «Hammerman's after me».

Ezzie's pink mouth formed a perfect O. He didn't say anything, but his breath came out in a long sympathetic wheeze [10, p. 19].

Узнав, что коммуниканта 1 преследует главный хулиган в школе, коммуникант 2 совершает несколько невербальных действий, представленных жестовым НВК и респираторным НВК. Соответственно, ЯК «smb's mouth formed a perfect O», «smb's breath came out in a long wheeze». В ситуации также присутствует молчание, ЯК которого «didn't say anything». За ним стоит отрицательная ЭР — сочувствие к герою, страх за будущее.

2. Молчание может передавать и положительную ЭР.

Huck was silent for some time, engaged in a mental struggle. Finally he said:

«Well, I'll go back to the widow for a month, and tackle it and see if I can come to stand it, if you'll let me b'long to the to the gang, Tom» [19, p. 238].

Герой романа Гек Финн не хочет жить у вдовы Дуглас. Узнав, что Том не возьмет его за это в банду, он замолкает. Данный тип НВК представлен ЯК «to be silent». То, что это значимое молчание, подтверждает следующая за ЯК фраза «engaged in a mental struggle». Далее коммуникант прибегает к фонационному типу НВК (глагол «to say»), чтобы выразить положительную ЭР согласия.

3. Необходимо сказать, что молчание встречается и в ситуациях с присутствием девочек.

«Janis!» Corrie exclaimed. «It's not funny! You've really been scaring me. What's this all about, anyway?»

Janis looked completely frustrated. She didn't say anything, just pursed her lips and raised and lowered her eyebrows [13, p. 100].

Говорящий выражает свое недовольство, прибегая к помощи фонационного НВК. Вместо того чтобы объяснить ситуацию, адресат замолкает, совершая при этом ряд невербальных движений. Они описаны в тексте с помощью ЯК «pursed her lips», «raised and lowered her eyebrows». Они окрашены отрицательно и дополняют молчание адресата, через которое выражается отрицательная ЭР — смущение, стыд.

4. За молчанием может стоять положительная ЭР.

«Garnet Grant, I want to present the Horseman of the Year trophy to you with my congratulations».

Garnet was speechless. She slid off Sparkler in a flash. Such a small horse shouldn't have to carry such a large trophy. She started to cry. Everyone applauded [9, p. 92].

В анализируемой ситуации коммуникант сначала ничего не говорит, находясь под влиянием слов о вручении ей приза, — «was speechless». Лишь некоторое время спустя ей удается выразить охватившие ее чувства. ЯК фонационного НВК — глагольная номинация «to cry», который используется для передачи как положительных, так и отрицательных ЭР. Для правильного понимания ситуации необходим прагматический контекст — героиня плачет от радости победы. Таким образом, за молчанием и сопровождающим его НВК стоит положительная ЭР радости.

Теперь обратимся к рассмотрению диполовых коммуникативных актов. В данных отрезках текста присутствуют 2 коммуниканта — мальчик и девочка. Любой из коммуникантов может являться инициатором коммуникации, в которых может присутствовать один из видов НВК, а далее адресат замолкает.

5. В следующем примере инициатором разговора становится мальчик.

Tommy Dillon came singing up the stairs and down the corridor, his chant growing louder as he approached room F. Jerusha tore herself from the window and refaced the troubles of life.

«Who wants me?» she cut into Tommy's chant with a note of sharp anxiety.

Mrs. Lippett in the office,

And I think she's mad.

Ah-a-men!

Jerusha went without comment, but with two parallel lines on her brow [20, p. 5—6].

В рассматриваемом отрывке коммуникант 1 (мальчик) зовет коммуниканта 2 (девочку), последняя при этом испытывает отрицательную ЭР. Она представлена ЯК «to cut into smb's chant with anxiety». Опорным элементом в данном словосочетании является отрицательное существительное «anxiety» со значением «a worried feeling you have because you think something bad might happen» [14, p. 51], интенсифицированное прилагательным «sharp», которое усиливает отрицательное значение существительного. После слов говорящего адресат замолкает. Ее молчание представлено глагольным словосочетанием «went without comment», которое дополнено ЯК мимического НВК «with two parallel lines on her brow». Таким образом, молчание адресата и дополняющие его НВК фонационного и мимического характера передают отрицательную ЭР беспокойства.

6. В нижеследующем примере инициатором коммуникации снова является мальчик, но через молчание передается положительная ЭР.

«He trusts you. You can teach him the rest by fair time. Come on, we'll do it together».

Garnet didn't know what to say. She didn't think the Trial Class would hurt Sparkler. He wouldn't have to canter on anything. It was a tempting idea [9, p. 78].

Слова коммуниканта 1 удивляют адресата, и она не знает, как на них реагировать, поэтому замолкает. Стоящая за молчанием ЭР положительна: героиня смущена предложением говорящего, оно ей приятно. В данной ситуации переживаемая адресатом ЭР — смущение и радость.

7. Инициатором общения в диполовых коммуникативных актах может выступать девочка.

«Did he ever say anything about Susan Siddons?» Corrie asked <...>

Ricky shrugged again. He was good at shrugging. «Nope», he said. He ordered a cherry Coke and picked up a magazine and said not another word [13, p. 23].

В данном примере инициатор общения (девочка) задает вопрос, на который практически не получает ответа. Адресат скрывает информацию, вместо объяснения ситуации он совершает ряд действий: заказывает напиток, начинает читать журнал, но ответа не дает. Таким образом, в данной коммуникативной ситуации происходит маскировка истинной эмоции, а за молчанием адресата стоит отрицательная ЭР — нежелание делиться информацией.

8. В следующем примере, в котором инициатором общения является девочка, происходит передача положительной ЭР.

«I didn't realize you could solve the brain-twister so quickly», Sally said fondly.

Encyclopedia didn't say anything and then smiled at her [18, p. 38].

В анализируемом примере коммуникант 1 (девочка) высказывает свое восхищение умственными способностями коммуниканта 2 (мальчика). О ее положительном отношении к адресату свидетельствует как вербальный компонент (ВК), так и ЯК фонационного НВК «to say fondly». Опорным элементом в глагольной номинации является наречие «fondly» со значением «in a way that shows that you like and care about someone» [14, p. 547]. Слова говорящего приятны мальчику, но он скрывает свое отношение к происходящему и замолкает, таким образом, происходит подавление эмоции. И лишь позже его мимический НВК с ЯК «to smile at smb» подтверждает испытываемую им положительную ЭР радости.

Нами были рассмотрены примеры, в которых присутствует значимое молчание адресата. Были проанализированы как монополювые, так и диполовые коммуникативные акты. В этих примерах изучаемый тип молчания может выполнять различные коммуникативные функции: контактную, информативную, а также оценочную. Кроме этого, с помощью молчания адресат часто скрывает информацию либо уходит от ответа. Таким образом, значимое молчание может использоваться в рамках демонстрационных правил для подавления и сокрытия положительных и отрицательных ЭР. Можно отметить, что речь героев из произведений художественной литературы демонстрирует развитие в использовании стратегий манипулирования эмоциями. Когда коммуникант испытывает эмоцию определенного характера, он может симулировать другую (более слабую или более сильную) эмоцию либо свести ее к минимуму, представляя ситуацию нейтральной [11]. К наиболее распространенным способам демонстрационных правил относятся вербально ориентированные стратегии: отрицание эмоции, ее искажение, уход от ответа, отсутствие реакции на ситуацию, переключение внимания собеседника на нерелевантную информацию, использование выдуманных фактов, пропуск важной информации и ее замалчивание.

Библиографический список

1. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
2. Ганина В. В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека : гендерный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005.
3. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2002.
4. Корнилова Н. Б. Онтология молчания : (на примере ранней прозы Леонида Андреева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

6. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.
7. Почепцов Г. Г. Молчание как знак // Анализ языковых систем : история логики и методологии науки. Киев, 1986.
8. Экман П. Психология лжи. СПб., 2003.
9. Anderson M. D. The Wild Arabian. Willowship Press, 1987.
10. Byars B. The 18th Emergency. Scholastic Inc., 1973.
11. Ekman P., Friesen W. V. Nonverbal Leakage and Clues to Deception // Psychiatry. 1969. Vol. 32.
12. Hall J. A. Gender Differences in Nonverbal Communication Skills // Quantitative Assessment of Research Domains / ed. by R. Rosenthal. San Francisco, 1980.
13. Howe J. What Eric Knew. N. Y.: Avon Books, 1985.
14. Macmillan English Dictionary. Bloomsbury Publishing Plc., 2006.
15. Saarni C. Children's Understanding of Display Rules for Expressive Behavior // Developmental Psychology. 1979. Vol. 15.
16. Shennum W. A., Bugental D. B. The Development of Control over Affective Expression in Nonverbal Behavior // Development of Nonverbal Behavior in Children / ed. by R. S. Feldman. Springer-Verlag New York Inc., 1982.
17. Snyder M. Self-monitoring of Expressive Behavior // J. of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 30.
18. Sobol D. J. Encyclopedia Brown Boy Detective. Bantam Books Inc., 1977.
19. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. M., 1956.
20. Webster J. Daddy-Long-Legs. M., 1976.

ББК 31.411.2-211

С. Н. Зайцева

ЛОГИКА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В ФОКУСЕ ЧАСТНОГО ВОПРОСА ЛИНГВИСТИКИ

Памяти моего учителя Льва Захаровича Зайцева посвящается

Язык, как известно, представляет собой многоуровневую систему взаимосвязанных, влияющих друг на друга элементов, благодаря чему он является живым организмом. Действующие в языковой системе законы аналогии, экономии средств, а также существующие в ней противоположные тенденции позволяют языку одновременно сохранять свое постоянство и, напротив, развиваться.

Обращение к отдельному фрагменту языковой системы, как правило, позволяет нам рассмотреть и другие фрагменты этой системы, находящиеся за пределами данного языкового факта, а в ряде случаев и наблюдать действие языковых законов, фиксировать изменения, происходящие в языковой системе, — иными словами, позволяет нам увидеть проявление системности языка в действии.

В качестве анализируемого фрагмента языковой системы в данной работе мы избрали формы повелительного наклонения (императива) глагола по двум основным причинам. Во-первых, в лингвистике существуют различные подходы к интерпретации морфемной структуры форм повелительного наклонения, что осложняет практический анализ этих языковых единиц. Во-вторых, морфемная

© Зайцева С. Н., 2009

структура данных словоформ синтезирует в себе явления морфемики, морфологии, семантики, что позволяет увидеть отдельную конкретную единицу в широком контексте языковой системы. В связи с этим задачей данной статьи является установление морфемного статуса и значения аффиксов императива.

В научной и учебной литературе по лингвистике неоднозначно решается вопрос и о составе (количестве) форм императива, и о квалификации аффиксов *-и-*, *-те* в них. Повелительное наклонение — наклонение глагола, «формы которого представляют процесс как требуемый или желаемый и выражают волеизъявление говорящего — просьбу, приказ, побуждение к действию» [9, с. 346]. Образуются формы повелительного наклонения прибавлением к основе настоящего времени глагола аффикса *-и-*, а во множественном числе также и аффикса *-те*.

В традиции школьного преподавания формант *-и-* рассматривается как суффикс, а *-те* — как окончание (см. также [2]), в некоторых вузовских учебниках аффикс *-и-* трактуется как суффикс, *-те* — как постфикс [10, с. 199]. В «Русской грамматике» (далее: РГ) *-и-* называется окончанием, а *те* — постфиксом ([8]; см. также [9]), существует мнение, что обе морфемы являются флексиями (см., например, [5]). Авторы учебника под редакцией Е. И. Дибровой допускают возможность сосуществования разных концепций, рассуждая по принципу «если... то...», и не пытаются оценить ни одну из них как наиболее убедительную: если «считать *-и-* суффиксом», то *-те* «следует признавать окончанием в словоформах *пишите*, *бегите*, а в словоформе *сядьте* — постфиксом». Если же «признать окончанием» *-и-*, то «в словоформах *встаньте*, *сядьте* и т. п. следует говорить о наличии нулевого окончания» (см. [1, с. 96]). Заметим здесь, что постфиксом в узком смысле (а именно такое понимание актуально в данной работе) называется «аффикс, расположенный в слове после всех морфем, включая флексию» [4, с. 161].

Стремление изучить разные факты языка в непосредственной связи, как взаимообусловленные, а также стремление более определенно выразить собственную позицию по рассматриваемому вопросу дало нам возможность прийти к следующим выводам.

1. Квалификация морфемы *-и-* (и соответственно при ее отсутствии — нулевой морфемы) как **формообразующего суффикса** императива представляется нам наиболее обоснованной, поскольку это позволяет соотносить формы одного ирреального наклонения — повелительного — с формами другого ирреального наклонения — сослагательного, в образовании которых также участвует суффикс — суффикс *-л-*. Вероятно, именно суффикс является носителем значения «ирреальности» в грамматике русского языка, не имея никакого отношения к выражению грамматического значения рода, числа, падежа, лица, как это свойственно окончанию. Окончания в формах ирреальных наклонений, как мы полагаем, как раз и являются носителями значений числа, лица, рода.

2. Более сложной проблемой является квалификация аффикса *-те* как носителя значения множественного числа в формах императива типа *пишите*, *встаньте*. С одной стороны, в русском языке грамматическое значение множественного числа, как правило, выражается флексией. В редких случаях образование форм множественного числа сопровождается лишь дополнительно, вспомогательно суффиксацией (ср.: *студь-ж-я*). Таким образом, выражение значения множественности не флективной морфемой, в том числе постфиксом, нетипично в целом для русского языка. Более того, *-те* является показателем значения не только множественного числа, но и второ-

го лица, что свойственно окончанию. С другой стороны, аффикс *-те* со значением множественности в русском языке прикрепляется не только к императивным формам, но также и к некоторым неизменяемым словам (*нуте, нате, полноте*) (см. [10, с. 199]), и это является наиболее сильным аргументом в пользу постфиксального статуса *-те*.

Однако, несмотря на весомость тех и других аргументов, квалификация *-те* как **флексии** представляется нам более убедительной, ибо именно окончание является если не единственным, то основным показателем грамматического значения множественного числа у изменяемых слов русского языка (см. также аргументы выше). Что касается примеров с аффиксом *-те* вне формы императива, то они малочисленны, точнее, исключительны, а значит, только в них и представлен непродуктивный **постфикс *-те***.

3. Обычно как дополнительные, «периферийные» формы императива рассматривают так называемые формы совместного действия типа *идем — идемте*. При этом отмечается, во-первых, что данные формы являются формами 1 лица множественного числа, ибо «обозначаемое ими побуждение всегда относится к двум или более лицам: к собеседнику (либо собеседникам, группе лиц, включающих собеседника) и к самому говорящему» [8, § 1479]. Во-вторых, постфикс *-те* рассматривается либо как выразитель значения повелительного наклонения, обязательный лишь при вежливом обращении к собеседнику [Там же], либо как показатель (видимо, факультативный?) «множественности собеседников» или «вежливого обращения к одному лицу» [10, с. 200]. Таким образом, в формах совместного действия, омонимичных формам изъявительного наклонения, выделяют окончание *-ем/-им* и постфикс *-те*, значение которого определяется противоречиво.

Включение форм совместного действия типа *споемте* в парадигму грамматических форм императива [5, 8, 9, 10 и др.], а не рассмотрение их как переносного употребления формы изъявительного наклонения [7], позволяет нам по-иному, чем это представлено в научной литературе, квалифицировать статус формантов *-ем/-им-*, и *-те* в данных словоформах.

3.1. На наш взгляд, сегменты *-ем/-им* в формах типа *ид-ем-те, беж-им-те* следует рассматривать как **формообразующие суффиксы императива**, которые отличаются от суффикса *-и-* в формах типа *ид-и-е* и соответствующей ему нулевой морфемы в формах типа *сядь-е-е* наличием **дополнительной семы «совместного действия»** в значении. Именно форманты *-ем/-им-*, а не аффикс *-те* (см. [10, с. 200]) являются носителями значения «приглашения к совместному действию, в котором участвует и сам говорящий». Доказательством тому служит факт реализованности (при соответствующей побудительной интонации) данного значения в подобных словоформах и без наличия в них «постфикса *-те*», являющегося, по мнению авторов РГ, показателем императивной формы. Покажем это на примерах: *Маша, споем нашу любимую!* и *Друзья, споемте песню; Брат, пойдем домой* и *Пойдемте, ребята, назад*.

Утрата морфемами *-ем/-им-* статуса флексии подтверждается и тем фактом, что формы совместного действия, как правило, не употребляются с подлежащим-местоимением *мы* (за исключением возможных употреблений в разговорной речи: *Пойдемте-ка мы домой*). Изменение статуса морфем *-ем/-им-* мы объясняем естественным для развития языка процессом декорреляции, характерным также, например, для отсубстантивных наречий типа *зимой, ночью, верхом*, в которых этимологические окончания существительных *-ой, -ю, -ом* перекалифицировались в современном русском языке в словообразовательные суффиксы наречий (см. [6, с. 90]).

3.2. Противопоставленность в языке форм совместного действия типа *идем* — *идемте* дает нам основание рассматривать их, подобно формам императива типа *пиши* — *пишите*, как корреляты **единственного** и **множественного** числа. Если включенность самого говорящего в предполагаемое действие — суть значения суффиксов *-ем/-им*, то значение числа, единственного или множественного, как это и свойственно императиву в целом, отражает лишь количество собеседников, не считая самого говорящего.

Выражение значения вежливого обращения к одному лицу, в чем видят обычно специфику постфикса *-те* в формах совместного действия, вовсе не является семантической особенностью «постфикса». Так называемая «форма вежливости» (обращение на Вы) — это одно из частных значений множественного числа у глаголов и местоимений. Более того, значение множественного числа, якобы присущее и формам типа *идем* (*Идем со мной, ребята*), а не только формам типа *идемте*, также, на наш взгляд, одно из частных, переносных значений формы совместного действия **единственного** (в соответствии с нашей квалификацией) **числа**. Это значение множественности адресатов, с которыми говорящий находится в дружеских, доверительных неофициальных отношениях. Заметим, что подобное частное значение представлено, особенно в разговорной речи, и в формах единственного числа типа *ид-и-ø*, *пой-ø-ø* (ср.: *Иди сюда, девочки*). Не случайно если отношения между говорящим и предполагаемым совместным деятелем носят официальный (не дружеский) характер, то форма единственного числа становится неприемлемой (ср. *Пойдем со мной, ребята* и невозможное *Пройдем сюда, уважаемые делегаты*).

Таким образом, **формы императива**, в том числе и формы совместного действия, **имеют аналогичное строение**: основа настоящего времени — формообразующий суффикс (нулевой или материально выраженный) — окончание *-те*/нулевое окончание. Приведем примеры членения словоформ на морфемы: *расскаж-и-ø* — *расскаж-и-те*, *отсыпь-ø-ø* — *отсыпь-ø-те*, *ид-ем-ø* — *ид-ем-те*. В аналитических формах совместного действия типа *давай/давайте споем(те)* глагол, в соответствии с нашей концепцией, имеет то же строение, а в составе частицы как неизменяемой части речи может быть представлен постфикс *-те* (ср.: *нате, нуте*).

В отношении иных составных конструкций типа *пусть/пускай придет, да здравствует (солнце)*, квалифицируемых иногда как аналитические формы императива, мы придерживаемся позиции авторов РГ, считающих, что подобные образования «по своей природе... ближе к сочетаниям слов», поскольку частицы в составе данных конструкций «во многих случаях распространяют свое значение на предложение в целом: *Пусть стол стоит у окна!*» [8, § 1480].

Как видим, установление морфемной структуры словоформ императива является хотя и частной, но достаточно сложной задачей, ибо ее решение выводит нас на разные языковые уровни: морфемный, лексический, синтаксический — и отсылает к фактам синхронии и диахронии. В этом мы видим большое значение подобных мини-исследований в первую очередь для развития лингвистического мышления будущего специалиста-филолога. Поэтому привлечение студентов к решению разного рода частных проблем лингвистики может стать весьма полезной и интересной формой работы, проверяющей и актуализирующей знания из разных разделов науки о языке, формирующей представление о языке как системе, наконец, обучающей ведению научной дискуссии.

Библиографический список

1. *Бабайцева В. В., Николина Н. А., Чеснокова Л. Д.* Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студентов высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2 : Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. М., 2002.
2. *Балакай А. Г.* Некоторые спорные вопросы морфемного анализа в вузе и в школе // РЯШ. 1990. № 4.
3. *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Крысин Л. П.* Русский язык : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2001.
4. *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М., 1991.
5. *Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
6. *Немченко В. Н.* Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1984.
7. *Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А.* Современный русский язык. М., 1984.
8. *Русская грамматика* : в 2 т. М., 1980. Т. 1.
9. *Русский язык : энциклопедия* / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003.
10. *Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов: В 3 ч. Ч. 2 : Словообразование. Морфология. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987.

ББК 81.432.1-3

О. М. Карпова**ПРОЕКТ ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
НОВОГО ТИПА ДЛЯ ЭКСКУРСОВОДОВ И ТУРИСТОВ**

Современная лексикографическая картина Великобритании и США [3, с. 23] в новом тысячелетии характеризуется появлением комбинированных лексикографических продуктов, объединяющих в одном томе черты сразу нескольких лексикографических форм: глоссария и конкорданса, идеографического и толкового словарей, ономастикона, толкового словаря и энциклопедии [4, с. 12].

Нередко такие справочники расширяют объем словаря до невероятных размеров, особенно тогда, когда они представлены в электронной форме в Интернете, где разворачиваются огромные гипертексты [2]. Авторы современных словарей фактически предлагают сегодняшнему пользователю качественно новые справочные ресурсы. Наполненные различного рода индексами, указателями, географическими картами, ссылками на полезные адреса в Интернете и тому подобным материалом они постепенно и органично расширили рамки лексикографии до так называемой *reference science*, т. е. сформировавшейся в современном обществе *науки о составлении справочных изданий* [1].

Указанная тенденция характерна не столько для академических толковых словарей [14, 15], сколько для современных специальных энциклопедий, предназначенных широкому кругу пользователей разных возрастов, национальностей, профессий [27]. Энциклопедии музыки, искусства, литературы и других областей знания [20, 21, 23, 24] предлагаются в печатном, комбинированном (Internet-linked dictionaries) и электронном форматах.

Примером энциклопедического справочника нового типа (encyclopedic reference resource) является предложенная мной авторская модель словаря

© Карпова О. М., 2009

«Florence in the Works of European Writers and Artists: Project of Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists».

Флоренция, несомненно, является символом эпохи Возрождения, сокровищницей мировой культуры. Ее прекрасные площади и дворцы украшают бессмертные творения Джотто, Микеланджело, Челлини. Этот город-музей всегда был и остается источником неиссякаемого вдохновения для величайших деятелей литературы и искусства.

Культурный Фонд Ромуальдо дель Бианко и его руководитель Паоло дель Бианко горячо поддерживают отечественные и зарубежные исследования и проекты, посвященные изучению флорентийского влияния на мировое культурное сообщество. Вот почему, когда Паоло дель Бианко была предложена модель настоящего словаря, проект нашел одобрение учредителей и был принят в 2008 г. во Флоренции под эгидой этого Фонда. Так, Ивановский университет стал организатором Первого международного лексикографического семинара «Florentine Themes in the Dictionaries of European Writers (with special reference to the writers from the participants' nations of origin)» [28]. В апреле 2009 г. состоялся и Второй международный семинар, посвященный принципам составления словаря «Florence in the Works of European Writers and Artists: Project of Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists» [27].

Основой словаря стали накопленные к настоящему времени теоретические сведения [7, 8] и результаты по созданию англоязычных толково-энциклопедических словарей различных типов для общих и специальных целей, включая большую группу энциклопедических справочников (ведущих свое начало с XVI в.) к творчеству английских писателей [19, 26].

Адресатом справочника являются экскурсоводы, гиды и туристы, ежегодно приезжающие во Флоренцию из многих стран мира. Наша задача как составителей словаря (студентов, аспирантов, преподавателей ИвГУ и наших партнеров из университетов различных стран: Хорватии, Сербии, Венгрии, России) состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить любого туриста совершенно необычным справочником.

Наш словарь призван не только познакомить вновь прибывшего с достопримечательностями Флоренции, но и доступно для обычного человека, не имеющего специального образования, рассказать о личных впечатлениях людей, побывавших здесь, раскрыть межкультурные связи великого города с другими нациями и народностями.

Поскольку надежность любого словаря определяется главным образом его источниками, особое внимание уделяется основному этапу создания словаря — подбору источников. Этот период длился около года, так как потребовал тщательного исследования, проведенного по определенной методике, выработанной в отечественной школе лексикографии.

Итак, **источниками** настоящего словаря стали:

- специальные энциклопедии по литературе и искусству [21, 22, 24, 25];
- писательские толково-энциклопедические словари, а именно словари цитат, пословиц, языка писателей; среди них — особенно представительная группа словарей Шекспира, ведущих свое начало с XVIII в. [9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18];
- путеводители по городу и книги о Флоренции [5, 6];
- сайты музеев [30, 31, 32], журналов и других справочных электронных ресурсов;
- справочные издания других типов, вышедшие в свет за последние 10 лет [29, 33].

Объектом лексикографирования не случайно выбрана Флоренция как источник вдохновения для писателей, художников, поэтов, музыкантов, композиторов и других известных деятелей науки и искусства, чья жизнь и творчество связаны с этим городом, его знаменитыми дворцами, музеями, художественными галереями, улицами, шедеврами литературы и живописи.

Предметом описания в словаре являются выдающиеся европейские мастера слова и кисти, чьи литературные, художественные и музыкальные творения навеяны флорентийскими мотивами.

Словарь имеет структуру, характерную для современных толково-энциклопедических справочников. Благодаря идее создания справочника и его адресату словарь отличается богатым репертуаром приложений, которые могут варьироваться по многим признакам и представлять входные единицы словника по алфавиту, тематическому, категориальному и национальному принципу.

Мегаструктура планируемого словаря включает:

- *введение*, содержащее правила пользования словарем; описание состава словника и принципов построения словарных статей;
- *словник* от А до Z, регистрирующий имена собственные (главным образом, антропонимы);
- *приложения* с алфавитным, тематическим и другими указателями входных единиц: писатели и поэты; живописцы; скульпторы; архитекторы; ученые; произведения искусства и т. д.

Макроструктура словаря (или словник) регистрирует имена великих писателей, музыкантов, художников и представителей других творческих профессий различных национальностей, отразивших в своем творчестве красоту Флоренции и ее достопримечательностей.

Микроструктура словаря состоит из четырех основных разделов. Это биографические данные (*Biography*); краткое описание творческой деятельности (*Creative Works*) и влияния Флоренции на творчество писателя/поэта/художника (*Florentine Influence*) и, наконец, дополнительная информация (*Learn more*) о входной единице словника.

Целесообразно отметить набор **информационных категорий**, принятых в данном словаре. Они представлены следующим репертуаром:

- *графической иллюстрацией* (фотографией, рисунком, репродукцией картины, портретом и т. д.);
- *хронологической пометой* (включающей дату рождения деятеля искусства; дату написания картины, музыкального произведения или книги);
- *толково-энциклопедической дефиницией*, дающей исторические сведения о личности и направлении, к которому принадлежит тот или иной мастер, а также флорентийские мотивы в его творчестве, навеянные жизнью во Флоренции.

Характерной чертой словаря, безусловно, является развертываемый **гипертекст**, содержащий ссылки на словари, энциклопедии и другие справочные ресурсы, где размещена подробная и полезная информация об описываемых в словарных статьях флорентийских достопримечательностях, исторических событиях, непосредственно самих деятелях искусства и их творениях, созданных во Флоренции.

Мультимедийные характеристики настоящего справочника обеспечивают пользователя дополнительными возможностями получения информации для конкретных целей. Это может быть просмотр иллюстративного мате-

риала (например, фильма, видеозаписи), прослушивание (аудиозапись музыкального произведения) и т. д.

Особое внимание в проекте уделяется **полиграфическому оформлению** словаря вообще и микроструктуры в частности. В словарной статье используются разнообразные шрифты и цветовые обозначения, которым отводится ведущая роль в современной лексикографии, поскольку именно средства полиграфической семиотики и технического оформления современного словаря повышают его информативность, делают более привлекательным для пользователя, конкурентноспособным на рынке лексикографических услуг [3, с. 27].

Входная единица выделена полужирным шрифтом и имеет размер Times New Roman 14, в то время как вся статья написана 12-м шрифтом. В названиях разделов используется полужирное начертание, что зрительно разделяет тематические блоки друг от друга и позволяет осуществлять быстрый информационный поиск.

В данном словаре немаловажная роль отводится и такому элементу полиграфического оформления словарных статей, как **цветовые обозначения**, которые широко используются в современной лексикографии и вызывают особое одобрение пользователей. Все слова, имеющие отношения к Флоренции, обязательно выделяются в словарных статьях красным цветом, чтобы обратить внимание пользователя на эту гиперссылку и более глубоко изучить флорентийское влияние на творчество того или иного мастера.

Можно утверждать, что подобное сочетание перечисленных выше характеристик входных единиц позволяет читателю не только получить всю необходимую информацию о жизни и творчестве того или иного деятеля искусства и литературы, но также быстро и эффективно осуществить информационный поиск.

Обратим особое внимание и на тот факт, что планируемый словарь является справочником **ассоциативного** типа, что дает составителям уникальную возможность представить в словарной статье **личные впечатления** о конкретном лице (художнике, музыканте, писателе и т. п.). Это не только вербальные средства (краткие очерки, воспоминания, письма и др.), но и графические иллюстрации (фотографии, зарисовки и т. д.), а иногда и музыкальные зарисовки (в статьях, где речь идет о музыканте или композиторе).

Представляется целесообразным проанализировать микроструктуру словаря на примере словарной статьи, посвященной Ф. М. Достоевскому.

Как указывалось выше, словарная статья состоит из четырех основных разделов: биографии (*Biography*), описания творческой деятельности (*Creative Works*), влияния Флоренции на творчество писателя/поэта/художника (*Florentine Influence*), дополнительной информации (*Learn more*):

Fyodor Dostoevsky

(1821—1881)

Biography

Fyodor Dostoevsky (1821—1881) was a Russian novelist, journalist, short-story writer whose psychological penetration into the human soul had a profound influence on the 20th century novel. Fyodor Dostoyevsky, a literary giant, was born into a middle-class family. Born into a very religious household, to hard-working parents, Dostoyevsky pursued his education in engineering, and came out third in the final examination of the Petersburg School of Engineering. His most famous novels are: *Crime and Punishment*, *The House of the Dead*, *The Insulted and Humiliated* and *The Idiot* which he wrote in Florence.

Creative Works

Dostoevsky was a Russian fiction writer, essayist, and philosopher whose works include *Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov*. Dostoyevsky is considered to be one of Europe's major novelists. His literary output explores human psychology in the troubled political, social and spiritual context of 19th-century Russian society. He was considered by many as a founder or precursor of 20th century existentialism, his *Notes from Underground* (1864), written in the embittered voice of the anonymous “underground man”, was called by Walter Kaufmann the “best overture for existentialism ever written”.

Florentine Influence

At the end of November 1868 Dostoyevsky moved to Florence — the capital of Italy of that time and settled near the *Palazzo Pitti*. His actual address unknown, the townspeople decided to mark the memory of Dostoyevsky's stay. So on house No 22 on the square *Pitti* appeared a plaque with the cautious beginning: “In these places he lived ...”

Information about Dostoevsky's life in *Florence* is sparing. But we know that while strolling in the *Boboli Gardens* Dostoevsky thought over the plot of his novel “The Idiot”.

Learn more.

Первая часть микроструктуры планируемого словаря представляет собой биографическую справку, причем метаязык словарной статьи повторяет собой алгоритм дефиниции, принятый в энциклопедиях [20] и писательских толково-энциклопедических словарях [9].

Во втором разделе словарной статьи перечисляются основные произведения Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Нажав на ссылку, пользователь может не только получить подробную характеристику этих романов, но и развернуть гипертекст в других направлениях, например в область литературной критики, посвященной анализу данных произведений. Такая непрерывность подачи и получения информации дает возможность читателю работать с одной словарной статьей во многих областях соответственно поставленной задаче и интересу пользователя.

В свою очередь, мультимедийные возможности планируемого словаря позволяют просмотреть любую театральную постановку или фильм, поставленные по этим выдающимся произведениям Ф. М. Достоевского. Другие гиперссылки, включенные в данный фрагмент статьи, содержат подробные сведения о литературных течениях того времени, когда жил и творил худож-

ник слова, о современниках, с которыми писатель был связан в эпоху своей творческой деятельности:

Dostoyevsky is considered to be one of Europe's major novelists. His literary output explores human psychology in the troubled political, social and spiritual context of 19th century Russian society. Considered by many as a founder or precursor of 20th century existentialism, his *Notes from Underground* (1864), written in the embittered voice of the anonymous “underground man”, was called by Walter Kaufmann the “best overture for existentialism ever written”.

В третьей, центральной, части словарной статьи, где описывается связь писателя с Флоренцией, также присутствуют гиперссылки, полезные для многих читателей словаря:

Florentine Influence

At the end of November 1868 Dostoyevsky moved to the capital of Italy of that time and settled near the Palazzo Pitti. Even in the absence of reliable address the townspeople decided to mark the memory of the stay of Dostoyevsky. So on the house No 22 on the square Pitti appeared the plaque with the cautious beginning: “In these places he lived ...”

Information about Dostoevsky's life in Florence is sparingly. But we know that Dostoevsky thought over the plot of his novel “The Idiot” during a stroll in the Boboli Gardens.

Именно здесь можно найти информацию о тех местах, которые писатель любил и отразил в своем творчестве. Кроме того, соблюдая направленность словаря на своего основного адресата — туриста, мы включаем ссылку на маршрут «*Как добраться до...*» (*How to get to...*). В данном случае — это площадь и дворец Питти, а также примыкающие к ним сады Боболи.

И наконец, особое значение в данном разделе имеет **ассоциативная ссылка**, которая передает личные впечатления составителя данной словарной статьи (см. выше фото мемориальной доски на доме, в котором жил Ф. М. Достоевский во Флоренции, сделанное автором словарной статьи о писателе, — студентом факультета РГФ ИвГУ Романом Бакала).

В ряде словарных статей проектируемого справочника наряду с фотографией ассоциативная ссылка может указывать на описание собственных впечатлений туриста о посещении той или иной флорентийской достопримечательности. Таким образом, пользователю словаря предоставляется редкая возможность увидеть любую достопримечательность города в ретроспективе.

В заключение отметим, что тип проектируемого справочника в соответствии с авторской классификацией существующих словарей [3, с. 5—12] определяется следующим набором дифференциальных признаков:

- форматом справочника,
- адресатом словаря,
- источниками,
- дифференциальным словником,
- дифференциальной лексикографической обработкой входных единиц, включающей определенный состав информационных категорий.

Таким образом, предлагаемый толково-энциклопедический словарь представляет собой новый тип одноязычного ассоциативного мультимедийного энциклопедического справочника в Интернете, посвященный описанию значения и роли Флоренции в творчестве знаменитых деятелей литературы и искусства.

Библиографический список

1. *Карпова О. М.* Лексикография или Reference Science? Справочники нового поколения // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2006. Вып. 1.
2. *Карпова О. М.* Why Internet Dictionaries? // Лексика и лексикография. М., 1999. Вып. 10.
3. *Карпова О. М.* Английская лексикография. М., 2009.
4. *Карпова О. М., Коробейникова О. В.* Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. М., 2007.
5. *Bossi M.* Russkaja Florencija. La Firenze dei Russi. Firenze, 2000.
6. *Bossi M., Sartoni E.* Encounters — The Chinese in Florence since the 1930s. Florence, 2008.
7. *Карпова О.* Author's Lexicography with Special Reference to Shakespeare Dictionaries // Historical Dictionaries and Historical Dictionary Research. Lexicographica. Series Maior. 2004. Vol. 123.
8. *Карпова О.* Shakespeare Specialized Lexicography with Reference to Dictionaries of Proverbs and Quotations // Современная англистика: проблемы изучения и преподавания. М., 2008.

Список использованных словарей

9. A Shakespeare Encyclopedia / eds *O. J. Campbell, E. G. Quinn*. L., 1966.
10. *Clark S.* The Hutchinson Shakespeare Dictionary. An A — Z Guide to Shakespeare's Plays, Characters and Contemporaries. L., 1993.
11. *Fay M., Roberts K.* Seeing What Shakespeare Means. Hagerstown, 1999.
12. *Fischer S.* Econolingua : a Glossary of Coins and Iconic Language in Renaissance Drama. Newark, 1985.
13. *Lamb G. F.* The Wordsworth Dictionary of Shakespeare Quotations. L., 1999.
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. L., 1998.
15. Random House Webster's Encyclopedia with CD-ROM Version 3.0. N.Y., 1998.
16. *Richmond H. M.* Shakespeare's Theatre : a Dictionary of His Stage Context. L., 2003.
17. *Ryden M.* Shakespearean Plant Names: Identifications and Interpretations // Acta Universitatis Stockholmiensis : Stockholm Studies in English. 1978. Vol. 43.
18. *Stokes F.* Who's Who in Shakespeare. L., 1996.
19. The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations. L., 2000.
20. The Cambridge Biographical Encyclopedia / ed. by D. Crystal. Cambridge, 1994.
21. The Hutchinson Dictionary of the Arts. L., 1998.
22. The Hutchinson Dictionary of Symbols in Art. L., 1995.
23. The Hutchinson Encyclopedia of Renaissance. L., 1999.
24. The Oxford Dictionary of Art. Oxford, 1998.
25. The Oxford Companion to Twentieth-Century Poetry. Oxford, 1998.
26. *Wilson Chr., Calore M.* Music in Shakespeare : a Dictionary. L., 2005.

Адреса в Интернете

27. Florence in the Works of European Writers and Artists: Project of Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists. URL: http://www.fondazione-delbianco.org/inglese/index_u.html
28. Florentine Themes in the Dictionaries of European Writers (with special reference to the writers from the participants' nations of origin). URL: http://www.fondazione-delbianco.org/seminari/dett_prog.asp?start=1&idprog=62
29. URL: <http://wikipedia.org>
30. URL: <http://www.abcgallery.com>
31. URL: <http://www.agniart.ru>
32. URL: <http://www.artcyclopedia.com>
33. URL: <http://www.britannica.com>

ББК 81.411.2-7

*Э. В. Кромер***ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
СИНКРЕТИЗМ И РАСЧЛЕНЕННОСТЬ**

Русская разговорная речь (РР) как особый объект изучения оказалась в поле зрения лингвистов с 60-х годов XX века, но до сих пор не имеет однозначной квалификации. Некоторые исследователи рассматривают РР как устную разновидность в составе литературного языка [5] или как особый стиль [6, 12]. В данной работе поддерживается концепция группы ученых Института русского языка РАН под руководством Е. А. Земской, согласно которой **разговорный язык (РЯ)** (традиционно — **РР**) **является некодифицированной разновидностью литературного языка**. Он оказывается противопоставленным кодифицированному литературному языку (КЛЯ) в целом и отличается от него как с точки зрения экстралингвистической (условиями употребления), так и с точки зрения собственно языковой (специфическими системно-структурными свойствами) [3, 9, 10, 11].

РР используется при следующих условиях общения: непринужденности, неподготовленности, непосредственном участии говорящих в акте коммуникации. Важную роль в коммуникации играют также ситуация, невербальные средства общения, устная форма реализации [9]. **Экстралингвистические признаки обуславливают собственно лингвистические особенности разговорной речи, проявляющиеся на всех языковых уровнях**. Исследования последних лет позволяют более определенно говорить о том, что КЛЯ и РР представляют собой две подсистемы внутри литературного языка, реализация которых определяется коммуникативными условиями: КЛЯ обслуживает сферу официального общения (личного и публичного), РР — сферу неофициального неподготовленного личного общения.

История изучения КЛЯ насчитывает века, история же изучения РР — несколько десятков лет, поэтому на первых этапах изучения РР давление научно-методических установок и представлений, полученных при изучении КЛЯ, было сильным и естественным. Но вскоре исследователи РР поняли, что **обнаружить специфические свойства РР можно только исходя из самой РР**, отказавшись от взгляда на нее сквозь призму КЛЯ. Это методологическое требование оказалось более продуктивным и позволило доказать гипотезу о том, что **РР — особая система, хотя и с достаточно широким полем сходства с КЛЯ** [8, с. 131].

Анализ РР позволил обнаружить ряд противонаправленных тенденций, характеризующих строение системы РР: **тенденции к синкретизму и расчлененности, тенденции к свободному конструированию единиц и использованию готовых формул, клише**. Как важнейшее свойство РР отмечается **превалирование смысловых связей над формально-грамматическими** [15]. Некоторые исследователи РР описывают аналогичные тенденции,

используя при этом иные термины. Ю. М. Скребнев употребляет понятия «импликация» и «экспликация» [14, с. 28, 29; 13, с. 63—70]. Г. Г. Инфантова для описания аналогичных явлений использует термины «экономия» и «избыточность» [4]. Действием этих тенденций пронизаны явления всех ярусов РР, поэтому их можно считать общими, генеральными признаками системы РР [3, 9, 11].

Специфика подхода ученых Института русского языка заключается в том, что они пытаются показать проявление данных тенденций не только в плане выражения, но и в плане содержания, обнаружить их как в парадигматике, так и в синтагматике.

Цель данной статьи — систематизировать эти представления и показать проявление данных тенденций на разных уровнях языка, обнаружить возможности их взаимодействия в РР.

Фонетический уровень

Так как фонетический уровень оперирует незначимыми единицами языка, синкретизм и расчлененность возможны только *в плане выражения, в синтагматике и парадигматике*.

Расчлененность потока речи на слова в условиях РР снижена, фонетические границы между словами часто стерты из-за ассимиляции согласных и сильной редукции участков текста на стыке слов, из-за переразложения слогов. Расчленение потока речи на звуки затруднено, слова могут восприниматься лишь целиком.

Синкретизм в синтагматике проявляется в возможности выражения нескольких соседних фонем одним звуком, в большом числе нейтрализаций фонем, в фонетическом эллипсисе, который касается не только гласных, но и согласных. Все звуки обнаруживают способность к редукции вплоть до нуля, стяжению. Это касается прежде всего высокочастотных слов, многие из которых имеют малую информативную нагрузку: наречия, вводные слова, союзы, местоимения и др. (ср. произношение таких слов, как *естественно* [j'ɛst'ɛs'nʲ], *вообще* [vɔlʲɪ'ɔ = vɔlʲɪ'ɔ], *все-таки* [s'ɔtk'ɪ], *значит* [znáč = náčit = náčit], *иногда* [ɪnɔdá], *разве* [rɔz'ɪ], *все равно* [s'ɛrɫno], *вообразить* [vɔbrɔz'ɪt], *говорю* [gr'ɪ], *смотрю* [smɔr'ɪ], *ходит* [xóɪt], *что-то* [çótʲ] и т. п.).

Говорящий может быть небрежным лишь до той степени, которая не мешает слушающему понимать его. Не принято говорить небрежно и тогда, когда сообщается какая-нибудь новая информация, которую нельзя понять из ситуации и контекста. Называя первый раз чье-либо имя, фамилию и отчество, обычно говорят отчетливо или даже по слогам, особенно если имя, отчество и фамилия редкие: — *Как зовут вашу бабушку? — Евгения Ан-фи-ло-фьев-на* //; — *Знаешь / как зовут нашего преподавателя по информатике? — Ис-ра-фил Бай-ра-мович* // [9, с. 122] (см. также [2, с. 208]).

Как справедливо пишет Б. А. Успенский, «говорящий стремится сократить все слова, но слушающий может позволить ему реализовать это стремление лишь в отношении наиболее употребляемых слов; в то же время и говорящий более всего заинтересован в сокращении именно этих слов» (цит. по: [2, с. 208]). Существенную роль играет привычность, стандартность самой ситуации. Так, если, входя, кто-то говорит [rɔs't], а уходя — [s'ɪdɔn'ɪ], все поймут, что он поздоровался, попрощался, так как сама ситуация заставляет именно так понять слова пришедшего [Там же].

В одной и той же позиции может совпадать по звучанию большое число аллофонов разных фонем, в этом проявляется синкретизм в парадигматике.

Явление расчлененности встречается реже. Можно отметить выражение одной согласной фонемы (сонорной) двумя звуками (сонорный + гласный призвук, так называемые протетические, вставные гласные): *рубль* [ру́бл'ь], *театр* [т'а□т'ьр], и т. п.

Для РР типичны явления, недопустимые в фонетике КЛЯ: выпадение интервокального согласного, образующего зияние (*будет* [бу□ит], *видит* [в'и□ит]); появление слоговых и долгих согласных (*фильм* [ф'и□л'ьм], *Яковлевна* [ја́к'л'нъ], *какие-то* [к:'и́тъ]), сочетание звонкого и глухого согласного (*логика* [ло□г'къ], *тезисы* [тэ́з'сы]) и др.

Лексический уровень

В изучении семантики лексических единиц обращает на себя внимание то, что называют «сильной семантикой», то есть ономотология РР, или теория номинаций, наука об обозначении, изучающая принципы и закономерности обозначения предметов и выражения понятий лексическими средствами языка (в отличие от науки о значении — семасиологии) [8, с. 403].

Основной единицей номинации является слово. Лингвистическая традиция выделяет четыре основные части речи, обладающие номинативными свойствами: существительное, прилагательное, глагол, наречие. Монопольное значение среди номинативных частей речи занимают существительные, поскольку только они могут передавать содержание и действий, состояний, признаков, свойств. Абсолютную номинативную значимость имеет именительный падеж существительного, не обремененный дополнительной синтаксической нагрузкой.

Свойства других номинативных частей речи ограничены. Глагол выполняет прежде всего предикативную функцию, даже инфинитив в силу синтаксической обусловленности не является чисто номинативной формой. Номинативная значимость прилагательных и наречий также ослаблена их зависимой синтаксической позицией в предложении, словосочетании. В качестве номинативной единицы называют атрибутивные словосочетания, способные включаться в предложение как готовое целое, то есть выступать в синтаксически независимой позиции: *железная дорога*, *аттестат зрелости*, *ученый совет* и др. (см. работы Н. Д. Арутюновой). В КЛЯ основными номинативными категориями оказываются существительное и атрибутивная конструкция.

В РР существует больше средств создания номинаций, например:

- заимствования (из КЛЯ, сленгов, профессиональных жаргонов: *хвост* — несданный экзамен, *окно* — не заполненное работой время в расписании, *кирпич* — дорожный знак и т. п.);
- деривация;
- семантическая конденсация (метафора, метонимия, синекдоха);
- конверсия;
- сочетания слов (атрибутивные, предикативные, предложно-падежные).

В РР выработаны определенные правила, приемы семантической конденсации, определенные схемы, способствующие созданию новых номинаций. Нас интересуют такие случаи, в которых проявляются системные тенденции к синкретизму и расчлененности.

Синкретизм в плане содержания наблюдается в появлении семантических конденсатов, интегрирующих словосочетание в слово. Наиболее продуктивны следующие модели:

Стяжения способом аффиксальной деривации от основы мотивирующего прилагательного (атрибута словосочетания) + суффикс -к- (реже -лк-). В результате образуются существительные с предметным значением (*поливальная машина* = *поливалка*, *маршрутное такси* = *маршрутка*, *электронная почта* = *электронка*, *методические указания* = *методичка*, *сортировочная станция* = *Сортировка*, *социальная политика* = *социалка*, *сменная обувь/одежда* = *сменка*, *микроволновая печь* = *микроволновка* и т. п.). Возникают подобные образования и по аналогии (*улица/фабрика имени Дзержинского* (при отсутствующем словосочетании *Дзержинская улица, фабрика*) = *Дзержинка*). Так же образуются существительные со значением лица от основы мотивирующего прилагательного + суффикс -ик- (*заочник, сердечник, гипертоник, инфарктник, сезонник, надомник*). Экспрессивные образования: *зарубежная литература* = *зарубежка*, *легковая машина* — *легковушка*, *губная помада* — *губнушка*. Возможны омонимичные образования, ситуативность РР не мешает их существованию: *академичка* — *столовая, библиотека, больница; вязанка* — *кофта, шапка, перчатки, спецуха* — *одежда, спецкурс* и т. д.

Субстантиваты. Они эквивалентны словосочетанию и возникают в результате сокращения существительного в словосочетании «существительное + прилагательное» (*факультетские, ивановские, современный, в зимнем, в новом, мясное, вкусненькое* и т. п. — *Ты где специализируешься?* — *Я на русской // (= на кафедре русской литературы).* — *А ты?* — *На современном // (= на кафедре современного русского языка);* — *Что сдаем?* — *Зарубежную!* (= *зарубежную литературу*) и т. п.).

Семантические стяжения с устранением определяемого. Они сходны с описанными выше конденсатами и субстантиватами, но здесь «нет собственно деривационных процессов и замещение происходит лексико-семантическим путем» [8, с. 418]: *декретный отпуск* = *декрет*; *дипломная работа* = *диплом*; *краска цвета «красное дерево»* = *красное дерево*; — *У вас каштан есть?* (= *краска для волос*); — *А лайкра есть?* (= *колготки с лайкрой*); — *Кто на химию?* (= *химическую завивку*) и т. п.

Семантические стяжения способом устранения определяющего. В атрибутивном словосочетании элиминируется атрибут, его значение включается в значение существительного (*совет* = *ученый совет, иностранный язык* = *язык, детский сад* = *сад, сахарный песок* = *песок, болезнь печени* = *печень* и т. п. — *У него сердце, почки, глаза, позвоночник...* = *больное сердце, почки, глаза, позвоночник...* — *Дайте мне от сердца (насморка, желудка) //* и т. п.).

Ухо наше менее требовательно, чем глаз, поэтому мы легко миримся с утратой управляемого или управляющего слова, с разрушением словосочетания, с семантической конденсацией. Таким образом, всякое стяжение, сокращение в РР естественно. Опора на ситуацию, общую апперцепционную базу говорящих (предситуацию) дает возможность максимально сократить текст сообщения.

Глагольные номинации. Они всегда ситуативно обусловлены: объект или субъект действия непосредственно задан ситуацией, а вот его специфические свойства важны и существенны, они и включатся в номинацию. Так появляются обобщенные недифференцированные номинации типа *чем писать* (вместо *ручка, карандаш*); *чем стирать* (вместо *мыло, порошок, паста*); *лекции читает / заболела* = *преподаватель*; *на плите стоит / выключи*.

Многим номинациям РР в КЛЯ соответствуют целые **предикативно-объектные конструкции**: *положить в Чехова* = *положить в книгу, автор которой А. П. Чехов*; *красная Цветаева* = *книга стихов М. Цветаевой красного цвета*; *тонкая Ахматова* = *небольшой, тоненький томик стихов А. Ахматовой*; *сложить Блока пополам* = *сложить бумагу, на которой напечатаны стихи А. Блока, пополам* и т. п. Имя лица может быть универсальным заместителем целой ситуации: — *Когда тебя напечатают* = *когда напечатают твою статью*; — *Давайте Лену кончим* // = *давайте закончим обсуждать диссертацию Лены*; — *Сказали, что нас будут сносить* // = *будут сносить дом, в котором живут люди*; — *Какой у нас отпуск / бабушка //* = *невозможно куда-то уехать в отпуск, так как болеет бабушка*; — *Из-за бабушки она мало успевает* // = *так как болеет бабушка, она не все успевает сделать* и т. п.

Синкретизм и расчлененность в плане содержания и в плане выражения могут соотноситься, а могут и не совпадать. Например, номинация *чем писать* является синкретичной в плане содержания, но расчлененной в плане выражения, *положить в Пушкина*; — *Я не приду из-за батареи* // — синкретичны как в плане содержания, так и в плане выражения.

Морфологический уровень

Характерной особенностью РР является полифункциональность морфологических единиц — это основа для синкретизма как в плане содержания, так и в плане выражения. В этом проявляется синкретизм в плане синтагматики. Спонтанность РР, опора на ситуацию, общность апперцепционной базы говорящих, участие невербальных средств общения приводят к тому, что в РР широко используются синтаксические конструкции, в которых связи между компонентами выражаются не с помощью морфологических показателей, а лишь соположением единиц, интонацией, жестами, мимикой. В таких случаях обычно используются наиболее свободные от синтаксической зависимости формы слова, являющиеся немаркированными членами морфологических парадигм, — это именительный падеж существительного и инфинитив. Контекстуальная обусловленность способствует развитию черт аналитизма, более характерных для РР, чем для КЛЯ.

Обращает на себя внимание функционирование именительного падежа существительных. Эта падежная форма в силу своей синтаксической независимости может употребляться как в роли главного члена высказывания, так и в роли зависимого (в КЛЯ в этом случае используется форма косвенного падежа): — *У вас какой ребенок?* — *Он 92 год* //; — *Я / филологический факультет*; — *Какой размер эти сапоги черные*; — *Молоко есть пакеты?*; — *Какой факультет вы учитесь*; — *Возьмите там книги стопка*; — *Фонетика / распечатка лежала / где?* Однозначному пониманию подобных конструкций способствует подключение неязыкового канала связи. Типичность таких высказываний не позволяет рассматривать их как отклонение от нормы, это специфичные конструкции РР.

В сфере глагола такой немаркированной формой, реализующей принцип ассоциативного присоединения и обнаруживающей полифункциональность, является инфинитив. В РР обнаруживается более широкая, чем в КЛЯ, сочетаемость инфинитива. Типичными являются конструкции, включающие **1) существительное конкретной семантики + (чтобы) инфинитив**, **2) предлог + инфинитив**:

1) файл распечатку вложить // (= файл, чтобы положить...); щетка ботинки чистить //; — Купи бумагу печатать //; где полотенце вытирать //; Не могу найти запить //; — Дай папку чтобы положить //; — Нужна сумка ехать чтобы //; — Где касса платить чтобы //;

2) — Пришел за документы подписать // (=затем, чтобы...); — Я специально для попить купила //; — Я насчет выступить перед учителями звоню //.

Инфинитив в этих конструкциях ведет себя подобно имени существительному или прилагательному: полотенце (какое?) вытирать, найти (что?) запить и т. п. Данные сочетания обнаруживают синкретизм как в плане содержания, так и в плане выражения. Это проявление **синкретизма в плане синтагматики**.

Синкретизм обнаруживается и в случаях **конверсии** (перехода слов из одной части речи в другую), при которой внешне похожие формы входят в разные словоизменительные ряды. Для РР типичны случаи приобретения субстантивированным прилагательным полного набора форм и употребления их в атрибутивном значении (подобные случаи нехарактерны для КЛЯ). Эти конструкции включают «**И. п. существительного + фамилии на -ский**»: — Состав сильных и слабых фонем мы показываем в аванесовской транскрипции // (=в транскрипции Р. И. Аванесова); — Статья пошла в ушаковский сборник //.

Основой для проявления синкретизма в РР является использование разных каналов связи: языкового и неязыкового (жестов, мимики, интонации, самой ситуации речи и др.). Включение в ряд означающего паралингвистических средств создает в РР широкие возможности для замены лексических средств номинации формами местоименного указания. Указательные местоимения в РР оказываются базой для образования в речи окказиональных номинативных единиц разного типа. Они строятся по принципу «**местоимение + его конкретизация**». Конкретизация местоимения выражается в его сопровождении жестами (указательными, изобразительными, эмоциональными), мимикой, интонацией. Местоимение при этом не имеет лексического коррелята в контексте.

При помощи жеста говорящий устанавливает связь содержания производимого сообщения с окружающей обстановкой. Нужный элемент ситуации выделяется при помощи жеста, языковой опорой для которого и является местоимение:

— Саша / ты что будешь? Это или это? (указательный жест на сладости на столе);

— Ты пойдешь туда или сюда? (указание рукой направления движения);

Жест более точно и быстро передает смысл сказанного:

— Ты мне неполный / вот сто-о-лечко налей //; — Какую тебе юбку / выбирай // — Мне вот такую (жест изображает длинную расклепленную юбку), мне эти надоели (жест изображает мини юбку);

— У нашей бабушки все руки-ноги вот так // (жест изображает скрюченные руки, ноги);

— Вам какой хлеб? — Круглый такой //; — Мне сыр / трут / такой!

Местоимение, таким образом, вводит неязыковые средства в языковое общение. Использование изобразительных, указательных жестов ограничено случаями, поддающимся такому способу передачи информации, имеющими доступные человеческим чувствам пространственные характеристики.

Для передачи эмоциональных и иных состояний используются другие средства, в частности интонация, мимика, эмоциональные жесты:

— У вас тако□й сын! — сказал он с восхищением.

— Она ведь еще така□я молодая! И вся больная!

— ЕГЭ по информатике тако□й сложный!

В ряде случаев невербальные средства могут быть единственным каналом связи:

(Подруга не может дозвониться к родителям, живущим в другом городе)

— Ну что? — (Жест: покачивание головой вправо-влево = не дозвонилась);

— Ну как суп? — (Жест: поднят большой палец вверх, остальные сжаты = очень вкусно!).

Расчлененность в морфологии РР можно показать на примере существования особых звательных форм: *Саш!* *Мам-а-мам?* *Папа-а-пап!* Они являются основой для **расчлененности в плане парадигматики**.

Синтаксический уровень

Выше уже рассматривались случаи переносного использования некоторых морфологических форм (именительного падежа существительных, инфинитива), особое функционирование местоимений, которые появляются в результате действия экстралингвистических признаков РР. Их специфическое функционирование возможно только в определенном контексте, ситуации, то есть в синтаксическом окружении. Синтаксические конструкции могут выступать в роли номинации или частей номинации (см. выше). Поскольку ситуация, общность апперцепционной базы говорящих, жесты, мимика, интонация являются в РР полноправными участниками коммуникативного акта, они могут включать в синтагматический ряд единицы любого уровня, давая основу для синкретизма/расчлененности в плане синтагматики.

«Включенность» разговорных высказываний в ситуацию создает условия для появления специфичных для РР синтаксических построений: высказываний со связями свободного соединения, высказываний с интерференцией, различного рода сегментированных построений.

Спонтанность РР и, как следствие, нелинейность формирования мысли при линейности построения высказывания приводят к появлению **конструкций со связями свободного соединения**: (1) — *А что это за книга я посмотрел лежит* //; (2) — *потом все это сессия началась кончилось* //; (3) — *Я к ней сюда приезжала ходила* //; (4) *Дай мне лежит там карандаш* //; (5) — *Она я звонила была дома* //; (6) — *К бабушке выходные будут поедем* //.

Характерной особенностью данных конструкций является отсутствие формальных и интонационных показателей стыка между сочетающимися частями. Их не всегда можно однозначно перевести на КЛЯ. Подобным высказываниям могут соответствовать СПП, ряд простых предложений с более дифференцированными как формальными, так и семантическими отношениями: (3) *Когда она приезжала, я ходила к ней в гости*; (1) *У тебя на столе лежит книга. Я ее посмотрел. Что это за книга? Откуда она у тебя взялась?* = *А что это за книга, которая лежит у тебя на столе?* Конструкция (2) требует более детального описания ситуации и однозначно не может быть передана средствами КЛЯ. При переводе на КЛЯ значение разговорной конструкции разлагается на составляющие, каждое из которых получает самостоятельное выражение; то, что в системе РР выражается нерасчлененно, в системе КЛЯ расчленено. Следовательно, в конструкциях со связями свободного соединения обнаруживается **синкретизм**, как в плане выражения, так и в плане содержания.

Аналогично могут быть описаны высказывания с интерференцией: — *У меня обычно было до двадцать человек редко доходило* //; — *Саш / тебе суп*

налить *хоть немножко* поешь //; — Она туда пойдет работать пока *просто ассистентом* возьмут //; — Я работаю *очень много* надо успеть мне // и т. п.

Приведенные высказывания состоят из двух предикативных конструкций, объединенных интонационно в одно целое. Эти конструкции оказываются наложенными друг на друга таким образом, что у них появляются общие компоненты (в примерах они выделены). Аналогичное явление можно наблюдать в словообразовании: *такси́ст* — сегмент *и* относится одновременно и к корню и к суффиксу. Такое слияние есть проявление одного из общих принципов строения РР — тенденции к синкретизму, в данном случае к **синкретизму в плане выражения**.

Тенденцию к расчлененности можно наблюдать на примере сегментированных конструкций, в частности высказываний с актуализаторами. Актуализация в широком смысле слова заключается «в переводе языка в речь» [1, с. 93]. На уровне синтаксиса это приспособление синтаксической структуры к выражению коммуникативного задания. Одним из специфических средств актуализации в РР выступают особые выделительные слова — актуализаторы. Они действуют совместно с интонационной расчлененностью. В качестве актуализаторов, сопровождающих интонационное членение, могут использоваться следующие: *что, как/так, когда/тогда, где/там, куда/откуда, такой*: — У вас сессия на четвертом курсе *что?* всегда позже?; — А она *как?* обещала заехать?; — Он у нас ведь *что?* на медаль идет //; — А от вас *что?* далеко до университета?; — А экзамены *когда?* в июне?; — Какой-то он *такой* / специфический вкус //.

Высказывание, которое может быть представлено как интонационно целостная и синтаксически непрерывная структура, при актуализации членится на синтагмы и синтаксическая цепочка оказывается прерывистой. Строение подобных высказываний подчинено общей **тенденции к расчлененности**. В целом можно отметить, что в области строевого синтаксиса проявляется тенденция к синкретизму, в то время как в области актуального синтаксиса — тенденция к расчлененности.

Оценивать подобные высказывания с позиции *правильно/неправильно* нельзя. Взгляд на явления РР и ее нормы через призму КЛЯ не дает возможности увидеть специфику РР. Более продуктивным является анализ фактов РР исходя из самой РР.

Если нормы КЛЯ существуют как осознанные, освоенные, обязательные, то нормы РР в силу ее спонтанности неосознанны. Е. А. Земская и Е. Н. Ширяев [8, с. 135] отмечают, что обращение к информантам при проверке нормативности того или иного явления не дает результатов. Когда информантам предлагались для оценки специфические разговорные построения, они, будучи носителями КЛЯ, оценивали их с точки зрения КЛЯ. Использование определенных конструкций в речи информантов и оценка нормативности этих конструкций теми же информантами давали разный результат. Более сильным и надежным показателем нормативности разговорных фактов является возможность сведения их к определенным моделям, имеющим определенную повторяемую структуру и содержательное наполнение.

Представленные конструкции РР обеспечивают полноценное общение, не нарушают его, к тому же это не единичные случаи, регулярность их появления, типичность их структурных и содержательных характеристик подтверждается данными разговорных текстов. Это проявление системных свойств РР, в частности таких, как синкретизм и расчлененность.

Таким образом, синкретизм и расчлененность достаточно активны в системе РР. Это связано с тем, что РР использует разные каналы связи: вербальные и невербальные. С одной стороны, РР характеризуется спонтанностью, у говорящего нет времени для обдумывания, что и создает почву для расчлененности, как в плане содержания, так и в плане выражения. С другой стороны, непринужденность обстановки, наличие общей апперцепционной базы говорящих позволяют многое оставлять недосказанным — это создает почву для синкретизма. Действие этих тенденций доказывает проявление системных свойств РР, специфику организации этой системы.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1965.
2. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1986.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
4. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов н/Д, 1973.
5. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
6. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 1983.
7. Разговорная речь как предмет лингвистического изучения : теория и практика лингвистического описания РР. Горький, 1966.
8. Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
9. Русская разговорная речь. М., 1973.
10. Русская разговорная речь : тексты. М., 1978.
11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
12. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
13. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
14. Скребнев Ю. М. К проблеме изучения современных тенденций синтаксиса английской разговорной речи // Вопросы общего и германского языкознания. Уфа, 1964.
15. *Barnet V.* Jaky je lingvisticky status hovorové rustiny // *Československa rusistika*. 1970. № 2

ББК 81.432.4-3

Н. Д. Миловская

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОГО БЫТОВОГО АНЕКДОТА

Известные немецкие лингвисты [12, 13, 16, 11, 15] неоднократно обращали внимание на тот факт, что многие *бытовые анекдоты* (термин мой. — Н. Д.), известные в немецкой культурной традиции под названием *Witze*, нередко проживают весьма долгую жизнь, на протяжении которой они претерпевают изменения или дополнения и имеют хождение в обществе носителей языка в виде различных версий, вариантов и редакций. Х. Ликсфельд, в

частности, утверждал, что «любой бытовой анекдот воспроизводится при рассказывании в постоянно новых и новых вариациях» [11, S. 109], справедливо подчеркивая, что именно на этом основании ни один исследователь не возьмет на себя смелость заняться поиском некоего инварианта того или иного бытового анекдота как его идеального и исходного текста.

Существование различных редакций того или иного бытового анекдота немецкие исследователи [10, 13] объясняли тем, что у бытовых анекдотов не существует автора, который мог бы предъявить на них авторские права [13, S. 29], а также тем, что они, подобно народным песням или народным сказкам, считаются творением народного гения [10, S. 33].

Языковой бытовой анекдот (*Wortwitz*) также транслируется в социуме в устной форме. Каждый реципиент анекдота (который впоследствии нередко становится его рассказчиком) извлекает из его сюжета то, что, *по его мнению*, достойно быть передано другим представителям языкового сообщества как важное, интересное, интригующее, обескураживающее, шокирующее или просто любопытное. Приведем в качестве подтверждающего нашу мысль аргумента мнение Л. Рёриха, который полагал, что бытовой анекдот подвержен «обрастанию» множеством вариантов, подобно всему тому, что передается из поколения в поколение в устной форме и устным путем. Он отмечал, что «каждое последующее рассказывание анекдота представляет собой акт идентификации содержательно самого важного из ранее услышанного и зафиксированного в памяти и сознании варианта, с личностью нового рассказчика» [13, S. 30]. Этого наблюдения достаточно, чтобы прийти к мысли о *неизбежности* существования некоторого гипотетического множества вариантов практически любого языкового бытового анекдота, способных воплотить его сюжет в целом ряде версий и редакций.

Помня о том, что особенностями языкового бытового анекдота являются его провоцирующая двусмысленность, ассоциативность, «ребузность», зашифрованность и недосказанность [1, с. 8], связанные с непременным и обязательным присутствием в нем семантически неоднозначной двуплановой опорной лексемы, представляется интересным и важным уточнить, каким вариативным изменениям подвержен немецкий языковой бытовой анекдот и есть ли среди них такие, которые имеют сугубо лингвистическую природу.

Изучение опубликованных в разные годы в Германии сборников немецких бытовых анекдотов позволяет с известной долей уверенности выделить *три основных разновидности* вариантов языковых бытовых анекдотов (ЯзБА).

1. Вариативность языкового бытового анекдота, обусловленная разнонаправленным использованием потенциала значения опорной лексемы

Вариативность языкового бытового анекдота, обусловленная *разнонаправленным использованием потенциала значения опорной лексемы*, наблюдается в таких ЯзБА, в которых опорная лексема, с одной стороны, обладает достаточно разветвленной семантической структурой, а с другой — является частотно-представленной в современном немецком языковом бытовом анекдоте.

Полисемантическая лексема *das Glas* относится, по нашим наблюдениям, к числу наиболее частотных в современном языковом бытовом анекдоте.

По данным словаря «Deutsches Universalwörterbuch» в семантической структуре лексемы *das Glas* присутствуют пять ЛСВ: 1) *lichdurchlässiger, meist*

durchsichtiger, leicht zerbrechlicher Stoff, der aus einem geschmolzenen Gemisch hergestellt wird u. als Werkstoff (Scheiben, Gläser) dient; 2a) Trinkgefäß aus Glas; 2b) Ziergefäß od. Behälter aus Glas; 2c) Brillenglas; 2d) Fern-, Opernglas [9].

В русскоязычной справочной литературе, в частности в Большом немецко-русском словаре под редакцией О. И. Москальской [4], слово *das Glas* также упоминается как обладающее достаточно развернутой семантической структурой. На уровне системы языка в семантической структуре этого полисемантического языкового знака авторами словаря вновь предлагается различать пять ЛСВ: 1) *стекло*; 2) *стакан, рюмка*; 3) *стеклянная банка*; 4) *очки*; 5) *бинокль*.

В современных немецких языковых бытовых анекдотах отмечается интерес к объективированию значений ЛСВ 1 (ЛСВ1), ЛСВ 4 (ЛСВ 2с) и ЛСВ 2 (ЛСВ 2а). Например:

Fragt der Glasermeister seinen Lehrling Theo: «Was macht ein Glaser, wenn er kein Glas hat?» Der Stift überlegt nicht lange: «Dann trinkt er eben aus der Flasche!»

В приведенном выше ЯзБА типа короткой диалог в вопросе, обращенном к своему ученику, стекольных дел мастер актуализирует в лексеме *das Glas* значение *стекло*, узуально закрепленное в ее ЛСВ 1. Подмастерье, декодируя вопрос своего наставника, вкладывает в данную лексему значение *стакан, рюмка*, соответствующее ЛСВ 2 (ЛСВ 2а) из семантической структуры этой полисемантической лексемы К примеру:

«Warum wollen Sie denn unbedingt Kellner werden?» — «Weil mein Augenarzt verlangt, dass ich Gläser trage!»

Ответ молодого человека, изъявившего желание стать официантом, в первый момент после прочтения анекдота поражает реципиента своей алогичностью и даже абсурдностью. В предметно-референциальной области сообщения (разговор между владельцем ресторана и вновь поступающим на работу претендентом на должность официанта), позиционируемой вопросом *Warum wollen Sie denn unbedingt Kellner werden?*, упоминание требования врача-окулиста в качестве аргумента к избранию именно этой профессии воспринимается как неоправданное или, по меньшей мере, надуманное. Ситуацию проясняет постепенное осознание реципиентом возможности (которая, кстати, так и осталась недоступной для понимания потенциальным официантом) двоякого соотнесения выражения *Gläser tragen* то с выражением *носить очки* (ЛСВ 4 / ЛСВ 2с), то с выражением *разносить стаканы и рюмки* (ЛСВ 2 / ЛСВ 2а).

Как видим, объективирование в первом анекдоте в опорной лексеме *das Glas* значения ее ЛСВ 1 (ЛСВ 1) на фоне значения ЛСВ 2 (ЛСВ 2а), а во втором анекдоте значения ее ЛСВ 4 (ЛСВ 2с) на фоне значения ЛСВ 2 (ЛСВ 2с) позволяет говорить о разнонаправленном использовании потенциала ее семантической структуры, состоящей из пяти потенциально заложенных в ее виртуальном значении классов однородных употреблений.

Вариативность языковых бытовых анекдотов, в которых имеет место разнонаправленное использование потенциала значения опорной семантически неоднозначной лексемы, полагаем возможным рассматривать как самостоятельную разновидность вариативности языкового бытового анекдота.

2. Вариативность языкового бытового анекдота, обусловленная изменением его статуса

Под вариативностью языкового бытового анекдота, обусловленной изменением его статуса, в данной работе прежде всего понимается *вариативность, связанная с переходом языкового исторического анекдота в статус языкового бытового анекдота*. Другими разновидностями вариативности языкового бытового анекдота, обусловленными изменением его статуса, мы склонны считать *вариативность, связанную с изменением композиционного формата ЯзБА*, а также *вариативность, связанную с изменением коммуникативно-прагматических характеристик ситуации, излагаемой в языковом бытовом анекдоте*.

2.1. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с переходом языкового исторического анекдота в статус языкового бытового анекдота

Факт существования вариантов, связанных с переходом языкового исторического анекдота в статус языкового бытового анекдота, также упоминается в трудах немецких исследователей [13, 14]. Так, Л. Рёрих отмечает, в частности, что превращение Anekdotе в Witz не только возможно, но весьма не редко имеет место быть. И такой «переход» можно наблюдать всякий раз, когда предлагаемая в сюжете ситуация-зарисовка из жизни той или иной всем известной личности, связанной с событиями конкретной исторической эпохи, обретает анонимность в результате утраты с ними прямой связи-референции. Л. Рёрих пишет: «Исторический анекдот (Anekdotе) превращается в бытовой (Witz) как только событие, положенное в основу, приобретает анонимность» [13, S. 77].

Приведем в качестве примера так называемый Wanderanekdotе — анекдот, сюжет которого связывается попеременно то с одной, то с другой исторической личностью, порой принадлежащей к различным национальным культурам. Главным действующим лицом в первом языковом историческом анекдоте является всемирно известный русский поэт А. С. Пушкин, а во втором — столь же известный в Германии тенор Йозеф Шмидт.

Alexander Sergejewitsch Puschkin war noch sehr jung, als er eines Tages in Petersburg einen Ball besuchte. Er bat eine sehr hübsche junge Dame um den nächsten Tanz. Die Dame sah Puschkin an und sagte hochmütig: «Mit einem Kind tanze ich nicht». Puschkin lächelte: «Verzeihung, meine Dame, ich wusste nicht, dass Sie ein Kind erwarten». Er verbeugte sich höflich und trat zurück.

Der Tenor Josef Schmidt, blutjung, aber schon bekannt, besuchte den Presseball in Berlin. Ein schönes Fräulein erregte seine Aufmerksamkeit, er stellte sich ihr vor und bat um den nächsten Tanz. Die junge Dame aus «bester» Gesellschaft musterte ihn herablassend durch ihren Fächer: «Mit einem Kind tanze ich nicht». Schmidt stutzte, lächelte: «Verzeihung, meine Gnädige, ich hatte keine Ahnung, dass Sie ein Kind erwarten». Er verbeugte sich tief und schritt davon.

Даже поверхностное сравнение приведенных *выше* языковых исторических анекдотов с предлагаемыми далее языковыми бытовыми анекдотами ярчайшим образом высвечивает принципиальное отличие между ними. Об этом

отличии предельно лаконично высказывается Р. Шэфер [14]. Он, в частности, отмечает: «Исторический анекдот основан на истории жизни известного лица, стремится поведать о выдающейся черте его характера, бытовой же анекдот, напротив, привязан не к отдельной личности, а ориентирован на типичные жизненные ситуации, о которых повествуется, акцентируя их количественную сторону средствами преувеличения, острология и типизирования» [14, S. 65].

Ein junger Mann geht in einem Tanzlokal auf eine schon etwa ältere Dame zu und fordert sie zum Tanz auf. Die Dame erwidert seine Aufforderung mit einem eiskalten Blick und sagt: «Ich tanze nicht mit einem Kind». «Oh, Verzeihung», kontert der junge Mann, «ich wusste nicht, dass Sie in gesegneten Umständen sind».

Auf einer Veranstaltung fordert ein junger Mann eine hübsche Dame zum Tanz auf. Herablassend meint die: «Tut mir leid, ich tanze doch nicht mit einem Kind!» «Oh, pardon», entschuldigt er sich schlagfertig, «ich habe nicht gewusst, dass Sie in anderen Umständen sind...»

Действительно, в языковых бытовых анекдотах утрачивается заостренная персонификация изображаемого события, оно обретает большую обобщенность, хотя по сути остается все тем же событием: некое лицо приглашает даму на танец, получает отказ, который мотивируется слишком юным возрастом кавалера. При этом во всех случаях реплика высокомерной избранницы «*Mit einem Kind tanze ich nicht*» кочует из одной редакции анекдота в другую как «пуантаобразующая», ибо именно она «заботится» о смеховой реакции реципиента и может быть лишь минимально подвергнута варьированию [13, S. 10].

2.2. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с изменением его композиционного формата

Языковые бытовые анекдоты, так же как и анекдоты в целом, передаются от рассказчика реципиенту, в большинстве случаев в *устном* воплощении. Поэтому не удивительно, что реципиенту анекдота не всегда удастся запомнить, например, идеальный формат и идеальную последовательность образующих остроту элементов. В. Ульрих пишет в этой связи: «Не всегда удастся запомнить форму анекдота или идеально передать его художественное построение» [15, S. 9]. Поэтому, как утверждает Л. Рерих, — вполне объяснимо, что «один и тот же бытовой анекдот “развивается” от рассказчика к рассказчику» [13, S. 31], а редакции одного и того же сюжета оказываются то более подробными, то более компактными.

Сюжет двух приводимых далее анекдотов построен на выяснении са크раментального во всех культурах вопроса о том, кто же руководит семьей, кто является главным, кто «задает тон» и «командует» в ней. Данный сюжет реализуется в формате языкового бытового анекдота, имеющего форму короткого рассказа [3, с. 28—33] и в формате языкового бытового анекдота, имеющего форму шуточного вопроса [3, с. 34—36]. При этом опорной лексемой в анекдоте является ФЕ *die Hosen anhaben*.

Frau Mama ist zu Besuch beim frischgebackenen Ehepaar. «Na, ihr Hübschen», fragt sie lachend, «wer von euch hat denn nun die Hosen an?» Haucht die Tochter errötend: «Meistens keiner...!»

В данном типичном ЯзБА типа короткий рассказ присутствуют едва намеченные контуры экспозиции или введения, где имеет место презентация

контекста действия и действующих персонажей (*Frau Mama ist zu Besuch beim frischgebackenen Ehepaar*). Следующая за введением миниатюрная драматизация манифестируется в форме диалога, в котором присутствует опорная лексема, представленная ФЕ: «*Na, ihr Hübschen*», *fragt sie lachend*, «*wer von euch hat denn nun die Hosen an?*» В пуанте, этом важнейшем структурном элементе ЯзБА, располагается реплика дочери: *Haucht die Tochter errötend*: «*Meistens keiner...!*», ломающая все тривиальные прогнозы относительно ожидаемого декодирования ситуации. Она стимулирует процесс сопоставления банального и парадоксального декодирования анекдота, который завершается постижением его сути, что сопровождается смеховой реакцией реципиента.

Тот же сюжет, реализуемый в формате ЯзБА типа шуточный вопрос, более лаконичен:

Was antwortet das Bonner Familienministerium auf die Anfrage: «Wer hat in einer glücklichen Ehe die Hosen an?» — «Keiner!»

Как любой типичный ЯзБА типа шуточный вопрос, данный анекдот не нацелен на получение реальной или достоверной информации о запрашиваемом событии. Его цель — поразить реципиента лежащим вне зоны прогнозирования ответом, чтобы инициировать его смеховую реакцию на услышанное.

2.3. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с изменением коммуникативно-прагматических характеристик излагаемой в нем ситуации

С точки зрения коммуникативно-прагматических характеристик запечатленная в предлагаемом далее языковом бытовом анекдоте ситуация реализует *некооперативный тип взаимодействия* коммуникантов [2, 7, 5, 8, 6].

Gerät ein Nichtschwimmer, der im seichten Wasser badet, an eine tiefe Stelle und schreit verzweifelt um Hilfe. Ruft der Freund: «Was ist denn?» — «Ich habe keinen Grund!» — «Warum schreist Du dann?»

Участниками разворачивающейся в анекдоте *ситуации непонимания* являются *der Nichtschwimmer* и *der Freund*. Реплика *Ich habe keinen Grund* (*Я не достаю до дна*), произносимая не умеющим плавать собеседником, ложно трактуется его другом в ее фигуральном значении (*У меня нет оснований для беспокойства*), что предопределяет и неадекватную ответную реакцию — вопрос последнего *Warum schreist Du dann?*

Ситуация непонимания между участниками диалога, нарушающая кооперативный ход общения, результирует в коммуникативную неудачу. В основе ее лежит непонимание, «нераспознавание» другом незадачливого пловца прямого и переносного значения опорной лексемы *habe keinen Grund*, что и находит экспликацию в их столкновении-отталкивании.

В следующем языковом бытовом анекдоте, реализующем тот же сюжет, также зафиксирован *некооперативный тип взаимодействия* коммуникантов.

Im Schwimmunterricht fängt der kleine Jupp auf einmal fürchterlich zu schreien an. «Was schreist du denn so?» ruft Jürgen. «Ich habe keinen Grund!» jammert Jupp. «Wenn du keinen Grund hast, brauchst du auch nicht so erbärmlich zu schreien!» g r i n s t Jürgen.

В ситуации *оппозитивного диалогического общения* [2, 7, 5, 8, 6] участвуют *der kleine Jupp* и его друг *Jürgen*. Первый участник диалога, *der kleine*

Jupp, отвечая на вопрос друга о причине его крика во время купания, обращается к реплике *Ich habe keinen Grund*. Друг *Jürgen*, мгновенно улавливающий возможность двойной интерпретации данной реплики (*Я не достаю до дна / У меня нет оснований для беспокойства*), с азартом настраивается на словесную игру и принимает решение о продолжении диалога в злорадно-юмористическом ключе. Его сопровождаемая ухмылкой (*grinst!*) реплика *Du brauchst auch nicht so erbärmlich zu schreien* намеренно наделяет выражение *keinen Grund haben* его неожиданным в данной предметно-референциальной области сообщения значением (*нет оснований для беспокойства*), что становится особенно заметно при гипотетическом изменении порядка их следования друг за другом: *Du brauchst auch nicht so erbärmlich zu schreien, wenn du keinen Grund hast*.

Ситуация оппозитивного взаимодействия участников диалога, реализующая некооперативный тип общения, связана с обращением второго участника диалога к словесной игре, имеющей злорадно-издевательскую подоплеку. В ее основе лежит столкновение-обыгрывание на фоне друг друга прямого и переносного значения опорной лексемы *habe keinen Grund*.

Вариативность, обусловленную изложением одного и того же сюжета в формате анекдотов с различным статусом, представляется возможным рассматривать как самостоятельную разновидность вариативности языкового бытового анекдота.

3. Вариативность языкового бытового анекдота, обусловленная конкретизацией одного и того же сюжета второстепенными характеристиками-уточнителями

Изложение одного и того же сюжета в языковом бытовом анекдоте нередко нюансируется и конкретизируется второстепенными характеристиками-уточнителями. К ним относятся:

— упоминание различных фигурантов в идентичных референциальных обстоятельствах;

— упоминание различных фигурантов в подобных референциальных обстоятельствах; как особый случай вариативности языкового бытового анекдота, связанной с упоминанием различных фигурантов в подобных референциальных обстоятельствах, можно отметить анекдоты, в которых обыгрывается идентичная пуанта;

— упоминание различных фигурантов в различных референциальных обстоятельствах.

Обратимся к рассмотрению этих случаев.

3.1. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с упоминанием различных фигурантов в идентичных референциальных обстоятельствах

Среди современных немецких языковых бытовых анекдотов обращают на себя внимание такие, вариативность которых обусловлена упоминанием в них различных персонажей-фигурантов, а действия происходят в абсолютно идентичных с точки зрения референции к действительности условиях.

*«Ich bin in letzter Zeit irre nervös», vertraut sich **Bella** ihrem **Klassenlehrer** an. «Na, dann versuch's doch mal mit Baldrian», rät der Lehrer. «Oh, so eine gute Idee hätte ich von Ihnen gar nicht erwartet, Herr Lehrer. In welche Klasse geht er denn?»*

«*Ich bin in letzter Zeit irre nervös*», vertraut sich **Bella** ihrem **Klassenlehrer** an. «*Na, versuch's doch mal mit Baldrian*», rät der Lehrer.

«*Oh, so eine gute Idee hätte ich von Ihnen gar nicht erwartet*, Herr **Karstensen**. *In welche Klasse geht der denn?*»

«*Ich bin in letzter Zeit wahnsinnig nervös*», vertraut sich **Kathrin** ihrem **Lehrer** an.

«*Versuch's doch mal mit Baldrian*». «*Gute Idee. In welche Klasse geht der?*»

Три предложенных варианта, воплощающих сюжет «о безответной любви школьницы», в основе которого лежит столкновение значений омонимов *Baldrian* и *Baldrian*, отличаются лишь упоминанием в них различных фигурантов: в первом случае — это Bella и Klassenlehrer, во втором — Bella и Klassenlehrer по имени Herr Karstensen, в третьем — Kathrin и Lehrer.

3.2. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с упоминанием различных фигурантов в подобных референциальных обстоятельствах

Современные немецкие языковые бытовые анекдоты, вариативность которых обусловлена упоминанием в них не только различных персонажей-фигурантов, но и скорее подобных, чем идентичных референциальных условий, оказываются наиболее многочисленными. Сравним две версии одного сюжета:

Queen Mum fährt mit ihrem Jaguar nach Schloss Windsor. Auf der Landstraße gerät sie in eine Polizeikontrolle. «Entschuldigung, Euer Hoheit», sagt der Beamte, «wir beide müssen einen Alkoholtest machen». — «Prima!», entgegnet die Königinmutter, «in welchem Pub fangen wir an?»

Die Streifenbeamten stoppen einen Autofahrer: «Würden Sie sich bitte einem Alkoholtest unterziehen?» — «Na klar», freut sich der Fahrer, «in welcher Kneipe fangen wir denn an?»

Лингвистическую основу двух версий анекдота о «задержании дорожной полицией водителя автомобиля, нарушившего закон» составляет столкновение значений окказиональных вариантов опорной лексемы *Alkoholtest*. Оценить обе версии как варианты одного анекдота позволяют, на наш взгляд, следующие обстоятельства. Прежде всего следует обратить внимание на упоминание в них различных действующих лиц: в первом случае — это Queen Mum, или, die Königinmutter, и der Beamte, во втором — die Streifenbeamten (мн. ч.) и der Autofahrer. Кроме того, референциальные условия протекания ситуаций общения, излагаемые в анекдотах, лишь подобны: и в том и в другом случае коммуникативная ситуация связана с предложением пройти тест на содержание алкоголя в крови у водителя транспортного средства («*Entschuldigung, Euer Hoheit, wir beide müssen einen Alkoholtest machen*» // «*Würden Sie sich bitte einem Alkoholtest unterziehen?*»). Однако в первом случае ситуация прокомментирована целым рядом интригующих реципиента-обывателя подробностей (*Jaguar, Schloss Windsor, Pub*), дающих представление о жизни королевской семьи в Великобритании. Во втором случае речь идет о штатной ситуации на трассе, когда сотрудниками дорожной полиции за превышение скорости останавливается машина среднестатистического немецкого водителя.

В качестве интересного нюанса, способствующего восприятию данных анекдотов как вариантов, построенных на единой сюжетной основе, отметим

следующее: каждый из анекдотов передает свой национальный (Британия — Германия) колорит благодаря присутствию в тексте культурно-ориентированных слов *Kneipe* (Германия), *Pub* (Британия) и междометных восклицаний *Prima* (Британия), *Na klar* (Германия).

3.3. Вариативность языкового бытового анекдота, связанная с упоминанием различных фигурантов в разных референциальных обстоятельствах

В нашем практическом материале представлены современные немецкие языковые бытовые анекдоты, вариативность которых обусловлена упоминанием в них не только различных персонажей-фигурантов, но и разных референциальных условий развертывания сюжета.

В нижеследующих анекдотах опорным фрагментом является ФЕ *die Luft ist rein*, которая также в известной мере «объединяет» оба сюжета. И все же сюжетные линии анекдотов оказываются предельно различными.

В первом анекдоте речь идет об отце и сыне, неожиданно встретившими на улице незнакомого человека, с которым, повергая в полное недоумение отца, сын здоровается, поскольку этим человеком оказывается *der Mann vom Umweltschutz*, который ежедневно приходит к маме и спрашивает, *ob die Luft rein ist*.

Ein Vater geht mit seinem Kind spazieren. Das Kind grüßt einen fremden Mann. «Woher kennst du den?» Kind: «Das ist der Mann vom Umweltschutz. Der kommt jeden Tag zur Mutti und fragt, ob die Luft rein ist.»

Из второго анекдота реципиент узнает о грандиозной потасовке, происходящей в четвертом классе школы в момент отсутствия там учителя. Директор, оказывающийся в эту минуту возле класса, с удивлением обнаруживает стоящую у двери Хельгу, которая утверждает, что выполняет важную миссию, поскольку работает на общество охраны окружающей среды (*für den Umweltschutz*), наблюдая здесь, в коридоре, *ob die Luft rein ist*.

Riesenradau in der vierten Klasse. Der Lehrer ist für einen Augenblick weggegangen. Wütend rast der Rektor über den Flur. Vor der Klassentür stößt er mit Helge zusammen. «Was machst du denn hier draußen vor der Tür?» — «Ich arbeite für den Umweltschutz, Herr Rektor» — «Wieso für den Umweltschutz?» — «Ich muss aufpassen, ob die Luft rein ist.»

Напомним, что оба анекдота располагают лишь одним объединяющим их признаком — это присутствующая здесь опорная лексема, представленная ФЕ *die Luft ist rein*.

Вариативность, связанную с нюансированием и конкретизацией сюжета различными второстепенными характеристиками-уточнителями, также представляется возможным рассматривать как самостоятельную разновидность вариативности языкового бытового анекдота.

Подведем некоторые итоги. В общей массе вариантов немецких языковых бытовых анекдотов можно выделить три безусловных самостоятельных разновидности.

Зафиксированы языковые бытовые анекдоты, различные с точки зрения развития сюжетной линии, в которых потенциал значения опорной семантически неоднозначной лексемы используется по разным схемам. В данном случае можно вести речь о вариативности языкового бытового анекдота, обусловленной разнонаправленным использованием потенциала значения

опорной лексемы. Присутствуют также анекдоты, *вариативность которых обусловлена изменением их статуса.*

Однако наиболее часто приходится сталкиваться с *вариативностью языкового бытового анекдота, обусловленной конкретизацией одного и того же сюжета второстепенными характеристиками-уточнителями.*

Из трех представленных самостоятельных разновидностей вариативности языкового бытового анекдота только вариативность, обусловленная разнонаправленным использованием потенциала значения опорной лексемы, имеет сугубо лингвистическую природу и может быть признана свойственной языковым бытовым анекдотам.

Наблюдаемая среди языковых бытовых анекдотов вариативность, обусловленная изменением их статуса, равно как и вариативность, обусловленная конкретизацией одного и того же сюжета второстепенными характеристиками-уточнителями, свойственна, как нам представляется, и предметным (ситуативным) бытовым анекдотам.

Библиографический список

1. Девкин В. Д. Занимательная лексикология : Worthumot/язык и юмор : пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М.: Гуманит. издат. центр ВАА, 1998.
2. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.
3. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот : (на материале немецкого языка). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008.
4. Москальская О. И. Большой немецко-русский словарь в 2 томах = Das grosse deutsch-russische Wörterbuch in zwei Bänden. М. : Сов. энцикл., 1969.
5. Плотникова А. В. Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
6. Романов А. А. Вербальный конфликт в диалогической «игре». URL: <http://www.tverlingua.by.ru>.
7. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. Вып. 14, № 27.
8. Тучина Е. В. К проблеме взаимопонимания участников образовательного процесса в учебном диалоге // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. Вып. 3.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von Dudenred. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2001.
10. Euler B. Strukturen mündlichen Erzählens: parasyntaktische und sententielle Analysen am Beispiel des englischen Witzes. Tübingen, 1991.
11. Lixfeld H. Zielformen im Witz // Fabula : Zeitschrift für Erzählforschung / Hrsg. von K. Ranke, R. Schenda. Göttingen, 1979.
12. Marfurt B. Textsorte Witz: Möglichkeiten einer sprachwissenschaftlichen Textsorten-Bestimmung. Tübingen, 1977.
13. Röhrich L. Der Witz: Figuren, Formen, Funktionen. Stuttgart, 1977.
14. Schäfer R. Die Anekdote: Theorie — Analyse — Didaktik. München, 1982.
15. Ulrich W. Der Witz im Deutschunterricht. Braunschweig, 1980.
16. Weinrebe H. M. A. Vom Umgang mit Witzen : zur Didaktik und Methodik von Witz und Witzigem. Frankfurt a. Main, 1979.

ББК 83. 3 (44 Фр)

А. Н. Таганов

**РОМАН ФРЕДЕРИКА БЕГБЕДЕРА «WINDOWS ON THE WORLD»:
УТОПИЯ ЯЗЫКА, ЯЗЫК УТОПИИ**

Начиная со второй половины XX века проблема языка в современной художественной литературе обретает особо важное значение в связи с широким распространением постмодернистских теорий, обусловивших необходимость пересмотра многих положений, касающихся проблем художественного познания и его горизонтов.

Язык для постмодернистов утрачивает свою связь с объективной реальностью. Его претензии на объективную знаковую, на способность означать истинность бытия воспринимаются как утопия. *Означающее* отделяется от *означаемого* и приобретает автономность.

Один из теоретиков структурализма, а впоследствии постструктурализма, ставшего философско-эстетическим основанием для постмодернизма, Ролан Барт в свое время писал: «С древнейших времен вплоть до новейших авангардистских опытов литература неустанно печется о том, чтобы воссоздать нечто. Что же именно? Да очень просто: реальность. Между тем реальное не поддается воссозданию; и именно потому, что люди во что бы то ни стало стремятся его воссоздать с помощью слов, как раз и существует история литературы» [1, с. 554].

Эта тенденция литературы, считает Барт, может быть названа «утопической функцией»: «современность, наша современность <...> может быть определена посредством нового фактора, а именно: в ней начинают возникать *языковые утопии*» [1, с. 555]. При этом «утопия языка оборачивается возникновением языка утопии» [1, с. 556].

Естественно, что опыт постмодернистской и постструктуралистской теории и практики не мог не повлиять в той или иной мере на последующие литературные поколения, хотя отношение к нему не всегда оказывается однозначным. В этом плане заслуживает внимание творчество Фредерика Бегбедера (р. 1965), который среди современных писателей занимает весьма заметное место. Его вступление в литературу пришлось на 1990-е годы, когда с особой остротой встал вопрос о смене социально-культурных парадигм, заново обозначилась своей актуальностью проблема поколений.

Бегбедер, породивший в устах критиков целый ряд хлестких, порой взаимоисключающих определений, таких как смутьян, позер, самовлюбленный эгоцентрист, гламурный писатель, один из самых провокационных и полемичных романистов, звезда французской словесности нового века и т. д., — автор многих произведений, в которых он, используя опыт работы в качестве журналиста, рекламного агента, пытается говорить о проблемах современности. Среди самых известных его книг — «Каникулы в коме» («Vacances dans le coma», 1994), «Рассказики под экстази» («Nouvelles sous ecstasy», 2001) «99 франков» («99 francs», 2002), «Любовь живет три года» («L'amour dure trois ans», 2003), «Windows on the World» (2003), «Романтический эгоист» («Egoïste romantique», 2006), «Идеаль» («Au secours pardon», 2007).

К названным произведениям можно относиться по-разному, что, собственно, и происходит в критике, однако нельзя не признать, что в романах Бегбедера отражаются проблемы, стоящие перед современным молодым поколением, настроение этого поколения, на основании которых автор зачастую пытается размышлять над вопросами универсального значения. В этом плане выделяется его роман «Windows on the World».

Сюжетной основой книги является разрушение в результате террористического акта 11 сентября 2001 года башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, которое становится для Бегбедера переломным моментом в историческом процессе.

Произведение Бегбедера написано в жанре «романа о романе», по законам которого сюжетная линия, связанная с созданием книги, возникает на наших глазах, переплетается с сюжетом, составляющим основу этой книги. При этом Бегбедер следует прустовской традиции, вводя повествователя-творца, который говорит от первого лица, максимально сближая его со своим «я», предельно четко обозначая свое родство с ним, как это, например, происходит во фразе, обращенной к рассказчику: «Что ты несешь, Бегбедер несчастный!» [2, с. 69]. Кроме того, автор прямо обозначает автобиографичный характер своего произведения («Я пишу автобиографический роман»), вводит факты из своей жизни (скажем, упоминает в тексте о своей, недавно вышедшей книге «99 франков»).

Основу книги, создаваемую на наших глазах повествователем-Бегбедером, составляет история американца Картью Йорстона (по замыслу автора — его дальнего родственника), который с двумя своими сыновьями оказывается в ресторане под названием «Windows on the World», расположенном в одной из башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, в момент террористического акта. С репортажной точностью автор прослеживает, хронометрирует события, связанные с последними моментами жизни персонажей.

Используя структуру текста в тексте, Бегбедер соединяет различные стилистические конструкции: повествование о судьбе Картью, совмещающее романное и репортажное начала с размышлениями автора-повествователя, которые облекаются в формы эссе, очерка, публицистического выступления. Среди них немаловажное место занимает проблема языка.

Введение в повествование притчевого начала — библейской истории о Вавилонской башне — переводит произведение Бегбедера в статус параболы. Параболический смысл возникает из сопоставления древнего предания с современностью. История башен-близнецов в Нью-Йорке становится продолжением истории строительства и разрушения Вавилонской башни. Нью-Йорк оказывается мифическим пространством, ассоциируется с Вавилоном (тем более что, утверждает Бегбедер, в Вавилоне тоже было 2 башни): «Слово “Вавилонская” обозначает не только город, оно связано с речью, со словом (отсюда французский глагол “babiller”, лепетать). И мечь Бога оказалась куда более изощренной и жестокой: он запретил людям употреблять одни и те же слова для обозначения вещей. Бог задумал смешать земные языки. Бог предпочел рассеять наречия: отныне вещи будут называться разными словами, связь между реальностью и словом утратится, люди перестанут понимать друг друга и не смогут построить свою надменную башню. Божественная кара состоит в том, чтобы помешать людям общаться друг с другом» [2, с. 176].

Взрыв башен для Бегбедера знаменует конец эпохи утопий XX века: коммунистической, экзистенциалистской. Последняя по времени круше-

ния — утопия капитализма, построенная на идее глобализма: «Капиталистическая утопия была такой же идиотской, как и коммунистическая, но насилие в ней было неявным» [2, с. 109].

Крах Вавилонской башни для Бегбедера — крушение первой глобалистской утопии, которая основывалась на приобщенности человека к единому общему языку, божественному языку, но вместе с тем обращенному против Бога: «Вавилонская башня была первой попыткой глобализации. Если понимать Книгу Бытия буквально, как миллионы американцев, тогда Бог против глобализма» [2, с. 176].

Новые наречия, отдаленные Богом от истины, способные быть только орудием болтовни, обрекли человека на незнание. Как результат — забвение Бога, что отразилось в ницшеанском «Бог умер».

В XX веке возникает новая попытка создания единого глобального пространства, строительства новой Вавилонской башни, чему сопутствует и попытка создания нового глобального языка, обслуживающего эпоху глобализма. Язык вновь продемонстрировал свою «утопическую функцию». Капиталистический мир, пытаясь создать единое социальное пространство, оказался перед необходимостью поиска нового всемирного языка, каковым стал английский. Этот новый язык пришел на смену тому, который люди утратили после краха предприятия со строительством Вавилонской башни: «Не надо бояться английских слов. Они мирно входят в наш язык, создавая язык всемирный, непокорный Богу: единый язык Вавилонской башни. World’овские words. Новая лексика SMS (A12C4), смайлики в Интернете, популярность “придурашной” орфографии, распространение арго — всё это помогает родиться новоязу третьего тысячелетия» [2, с. 202].

Однако новый язык, вновь объединяя человечество, не связан с божественным началом. Более того, основанный на убеждении в «смерти Бога», он претендует на создание собственной виртуальной реальности, заменяющей божественный миропорядок. Отсюда — наступление виртуального мира, проецируемого нашим воображением: «Небоскребы рассекают небесную голубизну, словно на декорации из папье-маше. В Соединенных Штатах жизнь похожа на кино, потому что все кино снимается здесь. Все американцы — актеры. Их дома, машины, желания кажутся ненастоящими. Правда в Америке каждое утро выдумывается заново. Эта страна решила быть похожей на целлулоидный вымысел» [2, с. 39—40].

Капиталистическая утопия для Бегбедера становится максимально прагматичной, потребительской, в этом она сближается с рекламой. Бегбедер, прошедший опыт работы в рекламных агентствах, знает значение слова, работающего на создание определенного образа. В конечном итоге, слово рекламное — это тоже в определенной мере слово утопическое, в том смысле, что оно создает идеальную реальность, идеальный образ, к которому всеческими способами порождается интерес и которое опять-таки разными способами внедряется в сознание человека, с тем чтобы он в конечном итоге попытался реализовать этот образ в реальной жизни. Специфика рекламного слова в том, что оно носит сугубо потребительский характер и лишено духовного аспекта. В романе «99 франков» Бегбедер писал: «Пещера Платона нашла свое воплощение в нашей действительности — теперь она зовется телевидением. Мы смогли любоваться на голубом экране реальностью под названием “Canada Dry”: это походило на реальность, имело цвет реальности, но не бы-

ло настоящей реальностью. ЛОГОС на сырых стенах нашей пещеры уступил место ЛОГОТИПУ» [3, с. 26].

Язык утопии, материализующий утопическую идею, стремящийся воплотить ее в реальность, представляет собой особую систему, которая, эксплуатируя уже существующие элементы, стремится привнести в них новое значение и выстроить из них новую структуру. Слово утопии имеет основание в объективной действительности, связано со значениями этого мира, но при этом оно стремится в рамках существующего языка создать новые синтаксические и семантические значения и связи и на их основании создать новую реальность, выходящую за рамки существующей объективной действительности, вступающей в конфронтацию с ней, стремящуюся к ее трансформации. Язык утопии стремится к всеобщности, к унификации как в рамках одной страны, так и в рамках мира в целом. Преодоление вавилонского казуса, создание универсального, общего «новояза» может стать условием возникновения масштабной утопии, грезящей о всемирном царстве добра и справедливости. Слово, вступающее в спор со словом утопии, пародирующее его и разоблачающее его наивную иллюзорность, а вместе с тем потенциальную агрессивность через гротеск, становится словом антиутопическим. (В качестве примера можно привести роман Оруэлла «1984».) Однако роман Бегбедера трудно назвать антиутопическим. Слово Бегбедера причастно утопии глобализма (чего стоят многочисленные англицизмы), часто гламурно. Размышляя над поколенческими проблемами в романе «Windows on the World», Бегбедер вспоминает определение понятия «поколение», данное Албером Тибодом в книге 1936 года «История французской литературы». С точки зрения Тибода, это возрастной класс, переживший в двадцать лет некое историческое событие, от которого так и не смог оправиться и которое навсегда оставило на нем свою печать. В случае Тибода — это было дело Дрейфуса. Для последующих поколений — мировые войны, затем война в Алжире. «Поколение моих родителей, — пишет Бегбедер, — несло неизгладимую печать 1968 года» [2, с. 392].

Что касается сверстников Бегбедера, поколения 1980-х годов, оно формировалось поначалу под знаком веры в торжество ценностей западного мира: «Я вырос в следующее десятилетие, под благожелательной сенью звездно-полосатого флага, реющего на Луне, и афиш “Снупи” Шульца» [2, с. 110]. Решающей вехой для этого поколения становится 1989 год: «Мне было 25 лет, и падение Берлинской стены прозвучало похоронным звоном по идеологиям. Родилась безудержная надежда: либерализм вот-вот распространится по всей планете!» [2, с. 393]. Вместе с тем драма поколения Бегбедера заключается в том, что оно вынуждено было признать иллюзорность и утопичность этой надежды. Решающим фактором в данном случае оказались события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, которые и послужили поводом для создания романа «Windows on the World», ставшего своеобразной вехой и в творчестве самого Бегбедера. Слово Бегбедера, возникшее на основе драматических коллизий в истории цивилизации XX века, впитавшее в себя скептицизм постмодернистской эпохи оказывается изначально ущербным в своей основе, так как опирается на цинизм. Исследуя феномен цинического разума, Петер Слотердаjk пишет: «Цинизм как просвещенное ложное сознание стал закоренело-двойственным “умом”, который отбросил мужество, а рiогi считает обманом все постулаты и думает только о том, чтобы хоть как-то перебиться» [4, с. 579].

Поколение Бегбедера исповедует крайнюю форму цинизма, вобравшую весь опыт цинического мышления от Диогена до постмодернистов. Бегбедер говорит: «Я вырос в мире скорее материалистическом, лишенном идеала. Я построил своеобразную стену цинизма для самозащиты и, к несчастью, склонен считать, что окружающая реальность оправдывает такую позицию [5, с. 213].

Однако цинизм слова Бегбедера направлен в том числе и против постмодернистского слова, которое утрачивает связь с объективным миром, абстрагируется, теряет семантическую определенность, дематериализуется. Идеалистическому слову постмодерна Бегбедер и другие представители его поколения противопоставляют слово, тяготеющее к материальной плотности, к физиологической реальности. Циническое мышление Бегбедера оказывается критическим снятием и постмодернизма, что приводит французского автора к ностальгии по утопии: «Мне осточертело писать безысходные романы. Осточертели бесплодные экзистенциалистские метания. Осточертело быть ловцом во ржи, который никого не может поймать. Я ищу утопию будущего» [2, с. 344]. Так слово Бегбедера мечется между цинизмом, восходящим к постмодернизму, и желанием новой утопии. Постмодернисты, утверждая идею об утопичности языка на основе критики гносеологических и социальных утопий, стремились к демистификации языка. Бегбедер, осознавая утопичность художественных опытов познания реальности, вместе с тем испытывает ностальгию по утопии.

Библиографический список

1. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы : семиотика, поэтика. М., 1994.
2. Бегбедер Ф. Windows on the world. М., 2007.
3. Бегбедер Ф. 99 франков // Иностран. лит. 2002. № 2.
4. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.
5. Фалько Ж.-М. ди, Бегбедер Ф. Я верую — Я тоже нет : диалог между епископом и нечестивцем при посредничестве Рене Гиттона // Иностран. лит. 2006. № 9.

ББК 83. 3 (44 Фр)

Т. М. Трофименко

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА РИХАРДА ВАГНЕРА И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА (На материале произведений О. Вилье де Лиль-Адана)

Представители одного из ведущих направлений конца XIX века — символизма были целиком погружены в тайну темпорального и субъективного. Потребность выразить себя уже не находила точек соприкосновения с тем, что совершается в реальном пространстве и времени, и, не удовлетворяясь внешним, выливалась в некое подобие прерывистой речи, которая, казалось, готова была обратиться чистой паузой, ожиданием или же неуловимым беззвучным вздохом. Вероятно, поэтому ведущей среди искусств в этот период должна была стать музыка, в частности симфоническая поэма — наследие романтизма, призванная по своей сути непосредственно выражать состояние души, тем более что музыка в своей зыбкой экспрессивности близко подходит к невыразимому.

© Трофименко Т. М., 2009

• Серия «Гуманитарные науки»

Символисты были заняты синтезом искусств. Композиторы, художники, писатели, тесно общаясь между собой, разрабатывали похожие образы и темы, привнося в них свои, оригинальные нюансы. Так произошло, например, с образом Саломеи. Страсти Саломеи нашли свое воплощение в литературе (Флобер, Уайльд, Гюисманс, Малларме), живописи (Моро, Климт, Бердсли), музыкальных сочинениях (Массне, Шмитт, Штраус).

В связи с этими настроениями большую популярность в среде символистов приобрела теория музыкальной драмы Р. Вагнера. С точки зрения Вагнера, цель всей поэзии вообще и драмы в особенности — всегда изображать человеческую душу (по выражению самого Вагнера — «внутреннего человека»), ее чувства, эмоции, а также вызывать соответствующие эмоции и в душе зрителя. Уже в трактате «Произведение искусства будущего» Вагнер сформулировал свои основные эстетические положения: «Искусство стремится охватить всё: каждый воодушевленный *творческим порывом*, стремясь к предельному развитию своих особых способностей, ищет не закрепления и утверждения именно *данных особых способностей*, а утверждения человека в искусстве вообще. Высшей формой искусства является *драма*: она может достичь своего предельного развития в том случае, если *каждый вид искусства* будет присутствовать в ней в своем *предельном развитии*. Истинная драма может родиться лишь из общего стремления всех искусств к самораскрытию перед *всем обществом*» [1, с. 237].

Таким образом, Вагнер, критикуя предшествующие театральные постановки (особенно итальянскую и французскую оперы), выделяет драму, так как именно в ней можно найти слияние музыки, поэзии, скульптуры, живописи и архитектуры. Особое значение придается оркестру, который может дать единую и совокупную картину всего драматически происходящего в этом мире.

По замечанию А. Ф. Лосева, музыкальная драма, с точки зрения Вагнера, «с ее актерами, певцами и оркестром есть не что иное как символ всей космической жизни со всей присущей ей органической и структурной необходимостью» [2, с. 27].

В постановочном виде вагнеровская драма осуществила настоящий синтез искусств: поэзии, музыки, танца, декорации. Вагнеровская драма притягивала всех символистов и побуждала их продолжать свои эксперименты. Справедливости ради, надо отметить, что в реальной жизни этот сценический идеал был обречен на провал, так как требовал слишком больших затрат, поэтому символистский театр пошел по другому пути развития — к полной безыскусности.

Писателей-символистов привлекали также и драматические произведения композитора, которые были глубоко символичны и отражали основную идею символистского двоемирия — невозможность достижения идеала в реальном, земном мире.

Первое настоящее знакомство Р. Вагнера с французами состоялось в 1860 году, когда в Париже был поставлен «Тангейзер» и в связи с этим вышла работа Ш. Бодлера «Рихард Вагнер и “Тангейзер” в Париже». В последующие два десятилетия в силу политических событий пропаганда творчества немецкого композитора была несколько затруднена, открыто восхищаться им стало возможным только к восьмидесятым годам, на которые и пришелся пик его популярности. С 1885 года Эдуар Дюжарден выпускает журнал «Revue wagnérienne», на страницах которого печатают переводы эстетиче-

ских и художественных произведений композитора, ведется дискуссия по поводу эстетики Вагнера, что увеличивает его популярность. В конце концов Вагнер становится «идолом» символизма.

Одним из горячих поклонников и популяризаторов творчества Вагнера во Франции был писатель Вилье де Лиль-Адан (1838—1889). Присутствовал ли Вилье на постановке «Тангейзера» в 1860 году — неизвестно, скорее всего (как свидетельствуют биографы) с творчеством Вагнера он познакомился благодаря работе Бодлера. Так или иначе, начиная с середины шестидесятых годов Вилье становится страстным поклонником Вагнера, восхищение перед которым он пронесет до конца жизни. Он проводит кампанию в его пользу на страницах своего журнала «Revue des Lettres et des Arts».

В 1869 году Вилье вместе с друзьями Катуллом Мендесом и Юдифь Готье отправляется в Германию, чтобы написать серию репортажей о постановке «Золота Рейна». Там происходит личное знакомство Вилье с Вагнером. Французы проводят несколько дней в обществе композитора. Постановка, однако, была отложена, и Вилье присутствовал только на репетициях.

Его вторая встреча с Вагнером происходит в 1870 году во время визита с той же целью в Брюссель на «Лоэнгрин», впервые поставленного на французском языке.

Третья поездка на фестиваль Вагнера в Мюнхен была менее удачной. Она должна была состояться летом 1870 года. Встреча с Вагнером была назначена на 19 июня — день объявления войны между Францией и Германией. Атмосфера между хозяином и гостями была достаточно напряженной (патриотические чувства Вагнера всем известны), хотя Вилье, как свидетельствует одно из его писем, кажется, не заметил этой напряженности. В скором времени французы вынуждены были вернуться на родину.

В результате первых двух поездок были написаны и опубликованы статьи «Золото Рейна» и «Лоэнгрин».

Вилье не просто восхищался творчеством Вагнера, но и испытал на себе его влияние как драматург. Наиболее показательна в этом плане драма «Аксель». В своей работе «Villiers de l'Isle-Adam et le mouvement symboliste» А. Рэйт проводит параллели не только на уровне героев (мэтр Янус — Вотан) и сюжетной линии («Зигфрид», «Тристан и Изольда»), но и на уровне структуры [5].

«Аксель» напоминает по своему стилю музыкальную драму. Первым это заметил Р. Пальжан: «Медленные и торжественные жесты персонажей, кажется, указывают на то, что Вилье, сам того не осознавая, предполагает музыкальную интерпретацию жестов и поз. Местами можно подумать, что читаешь либретто Вагнера. Всё, что происходит и произносится на сцене, наполнено символическим смыслом» [4, р. 62—63].

Структура действий (актов) напоминает вагнеровскую. Как и Вагнер, Вилье сокращает до минимума количество главных персонажей, выстраивает очень длинные сцены, с двумя-тремя героями, произносящими монологи, время которых значительно превышает рамки, естественные для театра. Во время диалогов Акселя и Сары не происходит никакого действия, а сами диалоги напоминают оперные арии. Всё это позволяет таким исследователям творчества Вилье, как Пальжан и Канн, говорить о «симфоническом методе последних произведений» писателя [5].

На страницах прозаических произведений Вилье (новеллах и романах) имя Вагнера становится мерилем оценки духовности того или иного персонажа. Делается это достаточно прозрачно. Вот лишь некоторые примеры.

В романе «Клер Ленуар» таким образом противопоставлены Трибула Бономе — ученый-позитивист, возомнивший себя всемогущим и вознамерившийся заглянуть в вечность сквозь отверстие офтальмоскопа, и Клер Ленуар, воплотившая в романе близкий Вилье дух христианства. В беседе о музыке и литературе Клер говорит о Вагнере как символе идеалистического искусства, чудесном художественном гении, «...доступном только посвященным умам, совершенным людям. Его произведения рассказывают о брабантских легендах — о погибшем корабле, — о талантливом воителе, унесенном Той, которую почитают в Пафосе, — о некоем Сумасшедшем, — мифологическом Фатра в четырех сценах, и т. д., и т. д.» [7, р. 165]. Бономе, в свою очередь, заявляет, что даже не помнит имя этого композитора, а музыка и литература привлекают только чувствительных женщин и не представляют из себя никакого интереса, так как не несут в себе «позитивного» элемента, их нельзя потрогать, а тем более исследовать с помощью инструментов и научного эксперимента [ibid.].

В романе «Будущая Ева» Алисия Клери, «буржуазная богиня», не понимает, почему некоторые люди плачут, слушая музыку, считая это пошлым, а музыку Вагнера она называет безумной, потому что невозможно следовать за мелодией [7, р. 814].

Тот, факт, что и А. Клери, и Т. Бономе в той или иной степени причастны к музыке, только усугубляет уродливость их душ. Так, Алисия Клери считается талантливой исполнительницей музыкальных произведений (певицей) только за то, что механически правильно воспроизводит мелодию.

Что касается Т. Бономе, то в одной из новелл одноименного сборника «Убийца лебедей» мы узнаем, что ему не чуждо эстетическое наслаждение музыкой. Оказывается, он очень любит слушать лебединое пение. Для этого ночью он крадется на пруд, подстерегает лебедя и убивает его, чтобы насладиться несколькими мгновениями лебединой песни.

Можно назвать также новеллу «Секрет старинной музыки», в которой Вилье высмеивает простых обывателей, которым недоступно понимание «новой музыки».

Уже упомянутые критические статьи «Золото Рейна» и «Лоэнгрин» можно отнести к музыкальному экфрасису. Обе статьи представляют из себя краткое изложение действия драм, написанное в лирическом стиле с большим количеством восторженных восклицаний. Свою основную задачу Вилье видит в том, чтобы передать читателю то впечатление, которое испытал он сам во время представлений. Прежде всего он избегает технических терминов, все намеки на оркестровые инструменты даны в поэтическом ключе и скорее передают общее впечатление, а не особенности стиля Вагнера. С другой стороны, пересказывая содержание драм, Вилье делает акцент на символический аспект, ничего не объясняя и даже не давая собственной интерпретации происходящего. Нет никаких ссылок, даже намеков на теоретические положения эстетики Вагнера. Таким образом, сохраняется атмосфера тайны, загадочности. Наиболее часто употребляемые им эпитеты — *magique, mysterieux* и вторая группа — *sublime, superieur, magnifique, formidable*. Вагнера автор называет исключительно «гением». Приведем несколько фраз, иллюстрирующих импрессионистический характер текста: «Но вот на высоких волнах начинает искриться солнце, Золото освещается, арфы заставляют сверкать волны, состоящие из тысячи волшебных огоньков, и три русалки в венках из водяных лилий и водорослей, полностью усыпанные бриллиантами, стоя на вершине

далекой скалы под священным Золотом, которое освещает их, поют трио ликования и славы. Это чудесный и незабываемый момент. Слушая эту сцену, ты вне себя от вдохновения, красоты, столь абсолютно поразительной, и преклонения» [7, p. 793].

Надо отметить, что отсутствие в статье музыковедческой терминологии вовсе не говорит о дилетантизме Вилье. Так, в одном из писем этого же периода мы читаем: «“Золото Рейна” будет великолепно; представь себе, что пение трех дев Рейна, которые играют вокруг светящегося куска золота... сопровождается *шестью тубами*. Скажи это Сен-Сансу: рассчитываешь на шесть скрипок. Это неслыханно. Именно арфы проливают лучи солнца на предначертанное золото. <...> Как музыка, это колоссально. Но решительно, пианино — это карикатура на музыку Вагнера. Здесь это общее мнение» [6, p. 140—141].

Что касается музыкальных дарований самого Вилье де Лиль-Адана, сведения, дошедшие до нас, неоднозначны. Исследователями и биографами отмечается тот факт, что в юности Вилье получил хорошее музыкальное образование во время своего пребывания в аббатстве Солесме. Он пробовал сам писать музыку и даже сочинил мелодии к некоторым стихотворениям автора «Цветов зла». Однако в связи с тем что Вилье не любил писать, почти все его произведения сохранились лишь в памяти его современников. Среди его друзей было много музыкантов, но никто из них не отмечал за писателем большого музыкального таланта. И тем не менее многие говорят о неизгладимом впечатлении, производимом импровизациями, исполняемыми Вилье: «Есть многочисленные свидетельства: певец с тонким голосом, Вилье де Лиль-Адан, игнорировавший музыкальные записи, исполняя на пианино интерпретацию или импровизацию, вызывал у своих слушателей величественную дрожь и пробуждал в них чувство восторга» [3, p. 243—244].

С точки зрения Вилье, невозможно постичь разумом тайну бытия, духа и мироздания, поэтому он говорит о синтезе литературы и музыки, обращаясь именно к музыке, так как только музыка воздействует непосредственно на душу человека.

Библиографический список

1. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978.
2. Лосев А. Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера // Там же.
3. Daireaux M. Villiers de l'Isle-Adam. L'homme et l'oeuvre. P., 1956.
4. Palgen R. Villiers de l'Isle-Adam, auteur dramatique. P., 1925.
5. Raitt A. W. Villiers de l'Isle-Adam et le mouvement symboliste. P., 1965.
6. Villiers de l'Isle-Adam A. Correspondance generale de Villiers de l'Isle-Adam. P., 1962.
7. Villiers de l'Isle-Adam A. Oeuvres completes. P., 1986.

ББК 87.22

Т. Б. Кудряшова

«ЖИВОЕ ЗНАНИЕ», или АЛЬФА И ОМЕГА ПОЗНАНИЯ

Всякой общей мысли в науке полезно вылежаться, пока она выявит достаточно оснований для себя.

А. А. Ухтомский

Наиболее энергичное средство подчеркнуть важность какой-либо идеи — это устранить ее и показать, чем сделался бы мир без нее.

Э. Ренан

Наше время, знаковыми словами которого стали выражения «информационный хаос», «когнитивный диссонанс», «эпистемологические разрывы», бесчисленные «познавательные повороты», «бесконечные тупики» и т. п., если и не активизирует широко тему «живого знания», то по крайней мере близко подошло к тому, чтобы испытывать потребность в ее актуализации. Вероятно, это признак исчерпания данным типом цивилизации, впавшей в «искушение уверенностью», своих традиционных возможностей в познании и понимании мира как признаков дифференцированных и иерархизированных, основанных на узком круге познавательных доминант, образующих относительно замкнутую систему. Казалось бы, ушло в далекое прошлое противостояние сугубо рациональных и внерациональных форм познания; да и сам идеал постнеклассической рациональности ныне предстает неким синтезом классических рациональных, оценочных, личностных, социальных модусов и мотивов. Однако еще рано говорить о том, что в результате перераспределения приоритетов между различными формами познания мы пришли к некоторому «живому» варианту их единства.

Оказалось, что развенчание универсализма разумно-рассудочного мышления недостаточно для того, чтобы активизировать и включить в процесс познания другие когнитивные структуры. По-видимому, наш познавательный опыт по освоению полионтичной (многослойной) реальности может быть представлен гораздо разнообразнее и живее, а также глубже укорененным в действительности, чем это кажется на первый взгляд. Потребность же заключается в поиске новых ответов на вопрос «Как возможно познание?», а может быть, и в переформулировке самого вопроса. Нужно указать на такие способы познавательного «вживания» в новую комбинированную информационно-природную, динамично меняющуюся среду, на способы принятия и понимания своего онтологического статуса в ней, которые, с одной стороны,

© Кудряшова Т. Б., 2009

были бы постоянно актуальными, открытыми, непосредственными, «свежими», а с другой стороны, все же образовывали бы некий динамичный «когнитивный круг», учитывающий исторический опыт познания. То есть они призваны представлять собой, как и в случае живого организма, автономию «непрекращающейся рекурсивности», будучи непрерывно погруженными в сеть взаимодействий, в которой любое знание не только «несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры», но преобразует и эту структуру, и предмет взаимодействия [19, с. 20]. В терминологии учения о доминанте А. А. Ухтомского, как нельзя лучше характеризующего живое знание с научной точки зрения, среда делится на предметы, «каждому из которых отвечает определенная, однажды пережитая доминанта в организме, определенный... интерес прошлого». Динамичная совокупность доминант, как нововозрождений, как «функциональных органов», не только позволяет узнавать соответствующие предметы среды, но и постоянно совершенствуется в таком познавательном опыте, творчески преобразуя среду [22].

Приведем предварительное описание предмета нашего размышления. О чем говорит нам выражение «живое знание»? Прежде всего, по традиции его можно рассмотреть как *идею*, которая, будучи реактуализированной в славянофильской среде, в русской философии¹, — вплоть до нашего времени так или иначе «дает о себе знать». Причем область ее современных значений²

¹ В истории западной философии — от античности до ее классического периода — можно отметить немало мыслителей, ориентирующихся на живую интуицию, к числу которых, по мнению С. Л. Франка, относятся Гераклит, Платон последнего периода, Плотин, Августин, Николай Кузанский, Лейбниц, Фихте и Шеллинг в их позднейших системах, а также Якоби и Гёте. Позднее немалое значение имели идеи Г. Риккерта, Ф. Brentano, В. Дильтея, А. Бергсона, О. Шпенглера и др. Но главный период развития идеи о живом знании, давший ей особый статус, связан в первую очередь с изысканиями русских философов: И. В. Киреевского и А. С. Хомякова; позднее — С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, Н. О. Лосского, А. Ф. Лосева и др. В целом философия XX века дает немало примеров обращения к этой идее с самых разных исследовательских позиций.

² Если проследить историю развития идеи живого знания за два последних столетия со времени ее реактуализации в русской философии, то можно выделить четыре по-своему важных этапа. *Первый* — это ее развитие в славянофильской среде, прежде всего в трудах И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, когда идея живознания имела, с одной стороны, характер «пожелания», желательного состояния знания, своеобразной «мечты» о том, каким должно быть познание; а с другой стороны, эта «мечта» основывалась на глубокой критике недостатков прежних представлений о полноценном познании. Всё это позволило ей стать программной идеей для последующего развития русской философии. *Второй* этап связан с систематическим изложением новой гносеологии в контексте онтологии Всеединства В. С. Соловьева. *В третьих*, это развитие идеи в онтологическом ключе, ее обоснование в гуманитарной мысли начала XX века, как в отечественной, так и в зарубежной. И наконец, для *четвертого* этапа характерно формирование тенденций к новой реактуализации темы «живого знания», но уже с учетом ее научных обоснований, в стиле неклассической науки, и практических применений.

В публикациях, в практике последнего столетия термин (концепт, понятие) «живое знание» применяется в столь разнообразных ситуациях, что на его основе иногда образуются почти омонимы. Он используется в отдельных областях психологического и психофизиологического исследования человека (например, в школах, относящихся к культурно-исторической, органической, деятельностной, гуманистической психологии, у А. А. Ухтомского, Л. С. Выготского, Н. А. Бернштейна,

сама по себе представляет исследовательский интерес, нередко давая примеры неожиданного, спонтанного развития и преобразования, впрочем, в полном соответствии со свойствами всего живого.

Поэтому, с другой стороны, это выражение указывает не только на идею, но и на способы ее производства и воспроизводства, а также на контекст, на условия, при которых она «живет», развивается. В этом случае «живое знание» может рассматриваться как *дискурс*, вбирающий в себя даже то, что выходит за пределы компетенции собственно мысли, а именно условия, процессы, делающие эту мысль возможной, но для которых она не является единственным результатом их актуализации. Дискурс, как единство особого типа, «как практика, которая систематически формирует объекты, о которых... дискурсы говорят», — в силу своей динамичности близок к тому, чтобы его можно было понимать как живую среду. Отношения дискурса «определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать, чтобы иметь возможность говорить о различных объектах» [26, с. 45—49]. По сути, тема «живого знания» снимает фуконианское противопоставление философии идей и философии дискурса. Условия, входящие в *идею-дискурс «живого знания»*, как будто «окружают» мысль со всех сторон (в том числе и во времени), создавая, по сути, среду, в которой мысль (идея) может жить и развиваться наряду с иными составляющими человеческого сознания, духа, телесности, в соответствии с целями и условиями жизни в целом. Однако дискурсивный анализ не исчерпывает всех сторон живого знания, поскольку не требует погружения в «глубины общей первоначальной почвы», а лишь использует связи регулярностей, упорядочивающие их рассеивание.

Следовательно, невозможно не упомянуть о третьей стороне живого знания, которое с этой позиции предстает не только как мыслимое содержание, но и как *часть «абсолютного бытия, разделяющая все свойства целого, к которому она принадлежит*; поэтому она есть не неподвижная вневременность, а живая, то есть творческая вечность» [25, с. 343] — сама жизнь. Думаем, что по отношению к живому знанию эта сторона должна стать *ведущей*.

А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко); в отраслях нейронауки (У. Матурана, Ф. Варела); в методике и психологии образования, когда говорится о необходимости его совершенствования, изменения подходов к обучению, например о гуманитаризации, личностно-ориентированном подходе (Зинченко, Щедровицкий) и т. д. По-прежнему термин иногда употребляется в философском дискурсе, посвященном обсуждению нового образа теории познания и онтологии знания (М. К. Мамардашвили, Ф. И. Гиренок). В христианстве «живым знанием» обозначают опыт религиозного постижения мира, Благодатную «интуицию», духовное ведение, подготавливающее познавательный аппарат человека к приятию высших откровений (см., напр.: URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/>). В других случаях его терминологический аналог используется в связи с темой восточной философии и Востока вообще, особенно когда возникает разговор о синтезе восточного и западного опыта в целях постижения знания, недоступного западному опыту. Есть опыт синтеза научного, религиозного, мистического и прочих видов знания (Ф. Капра, Г. И. Гурджиев, П. Д. Успенский и др.). В образовательно-медийной практике, особенно в зарубежной, данное словосочетание (living knowledge) имеет почти омонимичное значение по отношению к предшествующим и носит технический характер, служа названием разного рода конференций, образовательных проектов, мультимедийных технологий, программ дистанционного обучения и т. п.

Таким образом, описываемые нами условия являются не только условиями живого знания, но и обеспечивают жизнь, составляя ее части. Причем такие части, которые подобно «единицам» в трактовке А. А. Ухтомского, Л. С. Выготского «обладают всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми частями этого единства» [5, с. 15].

Чтобы включить в значение выражения «живое знание» указание на путь к нему, а также его жизненную телеологию и жизненную основу, назовем эти «единицы» как неотъемлемую часть жизненного процесса «познанием», не только *существенно расширив* таким образом значение этого слова, но и реабилитировав его. Как ни странно, но термин «познание» все еще нуждается в реабилитации: слишком долго его связывали лишь с тем, что можно было бы назвать «рациональным познанием», «научным познанием». Это существенно обеднило значение данного понятия, да и само представление о познании, поскольку из него было исключено множество других, не менее, а может быть, и более важных познавательных форм: художественных, религиозных, мистических, обыденных, или, другими словами, интуиция, верование, переживание, воля, эмоция, созерцание и т. п. Под влиянием данного рода тенденций теоретики зашли так далеко, что к началу двадцатого века «познание» стали противопоставлять «переживанию» (например, О. Шпенглер) и «творчеству» (например, А. Белый). В настоящее время ситуация несколько смягчилась, причем в рамках самой рациональности, но слово «познание» всё еще приходится употреблять с оговорками: в широком смысле, в узком смысле или с разными эпитетами.

Быть может, это также является поводом приписывать слову «познание» определение «живое», что означает не схематизированное, не нормированное, не формализованное, но в то же время реализующее все возможности своего актуального состояния. Это будет вполне соответствовать тенденциям последнего времени — обращаться к метафоре «живого» в самых разных словосочетаниях (живая душа, живой разговор, живой образ, живое кино, живое впечатление, живая память и т. д.). На первый взгляд, такие словосочетания воспринимаются как плеоназм. Однако область актуальных значений многих слов ныне так сместилась от прежнего в сторону их статического, теоретизированного, отвлеченного восприятия, что к ним как будто приписывается эпитет, отрицающий живость. Когда же разговор идет об особом, теперь уже непривычном, состоянии предмета, то его называют «живым»: будь то особый способ бытия или его экспериментального исследования, теоретического воспроизведения или художественного описания, моделирования, рассказа о нем и т. п. При этом не будем забывать, что определению «живое» по наследству переходит и определение жизни, которое «основывается на ценности ее» [22, с. 275]. Поэтому каждое такое живое событие неповторимо и тем вдвойне ценно.

Отсюда следует еще одно свойство живого знания: оно «упорно сопротивляется концептуализации»³. Поэтому изучение живого требует специального подхода, когда особенности жизни становятся особенностями живого познания и знания, и тогда за ними можно увидеть накопление энергии, создание энергетического запаса [9, с. 85—86, 107]. Наоборот, в случаях фор-

³ Об этом, например, писали А. А. Ухтомский (с позиции психофизиологической), М. К. Мамардашвили (с философской точки зрения), В. П. Зинченко (с философской, психологической и др. точек зрения).

мального подхода «раздутая трюизмами и арифметическими выкладками болтовня», будет как сорная трава лезть отовсюду и занимать место «живых и плодотворных мыслей» [17, с. 38].

Как представляется, живое знание, или живое познание, как предмет исследования и реальность, снимает не только противоречие чувственно-эмпирического и рационально-теоретического, не только разделение философии дискурса и философии идей, но *нейтрализует множество других бинарных оппозиций*: общее — частное, неизменность — развитие, покой — движение, знание — понимание, репрезентация — солипсизм, объективное — субъективное и т. д. Оно строится и действует *по принципиально иной модели*. Хотя нельзя не признать, что рождение и становление каждой из этих оппозиций в сфере познания имело под собой множество вполне обоснованных причин, было обусловлено историческими факторами развития знания. Рассмотрим вкратце эти условия, а также возможные пути преодоления тяги к формальному, отвлеченному знанию.

Наверное, исторически первое, вполне живое непосредственное нерелектурируемое (временное, частное, индивидуальное, субъективное, единичное, эмпирическое) познание может, до определенного времени, быть основной частью жизнедеятельности человека и фактически долгое время было таковым. Однако, по мере его накопления, потребовалось обобщение, поэтому категория «общего» не могла не появиться. Начал формироваться слой знания *вневременного* характера, тоже жизненно необходимый, но оторванный от динамики реальной жизни, вырванный из временного контекста, в котором непрерывно развивается единичное, эмпирическое.

Формированию слоя знания *вневременного* обобщенного характера, способствовало, возможно, само качество человеческого сознания, нуждающегося для своего развития в «*контрасте представлений*», вплоть до диаметральных противоположностей [22, с. 26, 34]. Поэтому субъективное требовало чего-то независимого от него — объективного, конкретное — абстрактного. Но в этом стремлении к устойчивости содержится и серьезная опасность, поскольку замкнутая на себя и самодостаточная абстракция больше уже не нуждается в развитии и перед ней встает вопрос: «Зачем еще продолжается жизнь действительности и тянется эта, всё одна и та же, отныне скучная и ничего нового не способная дать канитель, когда всё уже известно и всё, что могло быть сказано, — сказано?!». Последствия такой смены установки могут быть весьма серьезны: *вневременные мертвые формы, ищущие своего подтверждения и обеспечения, могут на определенном этапе предстать основой мира и мир с этого момента перестает «управляться свободой и любовью». Теряются два великих достижения жизни: «способность сохранить свою устойчивость перед лицом опыта, а затем — способность расширить свою устойчивость через обогащение опытом»* [22, с. 281—282, 288].

Здесь кроется одна из причин разрыва, который впоследствии будет обозначен как разрыв между познанием и жизнью. Ведь организация даже самых простых живых систем такова, что она порождает в качестве продукта только их самих, без разделения на производителя и продукт. Динамика самовоспроизводства (аутопоэзис, самосоздание в терминологии У. Матураны и Ф. Варелы) требует, чтобы знание, как неотъемлемая часть жизни, творило и преобразовывало субъекта, а целостный субъект жил и развивался через познание. Такое развитие живого знания не является пассивной реакцией человека на окружающий мир. Как известно, «изменения, проистекающие от взаи-

модействия живого существа и окружающей его среды, хотя вызываются возмущающим агентом, тем не менее определяются структурой самой возмущенной системы. То же самое справедливо и относительно окружающей среды: живое существо является источником возмущений, но не директив». Непрерывное развитие живых существ с сохранением их самоорганизации происходит в каждый момент времени, постоянно, многими способами одновременно. «В нем — биение самой жизни». Происходит взаимодействие структур окружающей среды со структурой организма, причем преобразования претерпевают и организм, и окружающая среда. «Всякий онтогенез как индивидуальная история структурного изменения представляет собой структурный дрейф, происходящий с сохранением организации и адаптации» [19, с. 44, 85, 89—91]. Таким образом, для каждого человека история его постижения мира есть в то же время *история его личного преображения*, история его «структурных изменений», запускаемых взаимодействием с окружающим миром.

Преувеличение самодостаточности абстрактного, отвлеченного знания постепенно приводит к принижению роли индивидуальности, личностного начала. А поскольку основа субъективной жизни заключается по преимуществу в чувстве, то и роль чувств (эмоций, переживаний) в теории познания постепенно сходит на нет. Познание еще больше лишается своих живых составляющих. Оторванные же от живых ежесекундных изменений абстрактные знания почти перестают участвовать в индивидуальном развитии человека. Более того, абстракции могут стать «ширмой», подобной ширме в «Символе пещеры» Платона, закрывающей от человека и сам предмет, и средства его видения, преградой, не допускающей человека к полноценной жизни.

По сути, можно говорить об историческом периоде развития знания, когда формируется своеобразная идеальная форма, или «общественная доминанта» на отвлеченное, абстрактное, рационализированное знание. Причем эта доминанта на долгое время была принята безоговорочно и практически не корректировалась. Она развивалась весьма односторонне, поскольку все векторы текущей деятельности были устремлены на определенную, ограниченную группу фактов. Компоненты живой реальности при этом учитывались слабо. Но, самое главное, такие абстракции, являющиеся очень мощным инструментом не только изучения, но и преобразования реальности, при малейшей ошибке могли превратиться в мощное оружие, направленное и против человека, и против среды его обитания. «Мы несем на себе все последствия одностороннего поведения, мы ответственны за свои абстракции в более или менее близком будущем», — предупреждал А. А. Ухтомский в начале XX века [22, с. 142].

Абсолютизация веры в абстрактное вневременное знание, оторванное от живой реальности, слабо корректируемое ею, кроме того, существенно замедляет *качественное* развитие знания. Человечество, обремененное доминантой на абстрактное рациональное научное знание, все больше впадало в опасный круг построения абстрактных теорий, чтобы оправдать и подкрепить ими свои же доминанты и поведение. Чем больше выражена доминанта, тем более она односторонняя: в этих условиях человечество надолго замыкается в одном и том же кругу сциентизма, все менее учитывая конкретную реальность в ее живом значении.

Соответственно, формировался и когнитивный аппарат для работы с таким знанием. Со временем оказалось, что работать с подобным, оторванным от жизни, знанием удобнее. Оно стабильно, не требует постоянного внимания,

«ухода» за собой, менее хлопотно, позволяет «успокаиваться на достигнутом». Нередко оно обладает гораздо более сильным суггестивным воздействием, поскольку внешне, формально, на уровне языковых форм, обретает значение чего-то объективного, всеобщего и даже «вечного». Хотя, по сути, оно чаще всего «вчерашнее», особенно если строится на модели индуктивного типа.

Правда, со временем человек все чаще стал осваивать прогностические модели дедуктивного типа, создавая такие формы всеобщего, которые охватывали собой не только события прошлого, но на основе закономерностей предсказывали и события будущего. Знания такого рода оказались еще более востребованными, поскольку создавали ощущение возможности «повелевать» событиями через познание их формальной динамики.

С другой стороны, отрыв знания от непосредственной жизни, формирование круга значений, которые могли рассматриваться сами по себе в системе только лишь внутренних отношений, усложнили проблему соотношения знания о предмете и самого предмета. В истории теории познания это вылилось в решение задачи прохождения между Сциллой репрезентационизма и Харибдой солипсизма (познавательного произвола) [19, с. 118].

Таким образом, в первом приближении значение общего, вневременного знания (родового, закономерного, объективного, теоретического) можно оценивать двояко. С одной стороны, именно оно «поверх голов» обеспечило гигантский прорыв в области науки и технологий. С другой стороны, оно все больше отрывалось от реальных жизненных событий, не столько «восходя» к ним, сколько подчиняя их уже готовым, иногда произвольным, схемам, то есть со временем отвлеченное знание все больше стало играть роль прокрустова ложа.

Из философов одним из первых тревогу по этому поводу забил Шеллинг. Его порыв был подхвачен в русской философии славянофильства (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков). У Киреевского, стремившегося создать уравновешенную и толерантную систему живого знания, в которой сошлись бы «Жизнь и Поэзия», были бы разрешены противоречия веры и знания, переход к реализации живого познания связан не столько с отрицанием отвлеченного мышления, сколько с преодолением его диктата в качестве «единственного орудия познания». Киреевский задолго до формирования такого рода дискурса в зарубежной философии анализирует причины гипертрофии рационального начала и приходит к выводу, что особый характер отвлеченного мышления западного человека обусловлен «раздвоением веры», отклонением ее «от своей основной чистоты». В свою очередь, недостаток «цельности и внутреннего единства в вере» вынудил западного человека искать единства в «отвлеченном мышлении», в «разуме формально-логическом», ориентированном лишь на «наружные связи понятий». Причем, подчеркивает мыслитель, основания для такого нового единства искались не просто в разуме человека, в полном смысле этого слова, а в той его ограниченной части, которая доступна всякому. В этих условиях «внутренняя цельность ума» стала недоступной для большинства [12, с. 85—86, 295—300]. Спустя примерно сто лет О. Розеншток-Хюсси проводит аналогичный анализ причин возникновения подобной «горячки познания» как следствия вырывания «*ratio*» из «его общественной материнской почвы, «логоса»» [21, с. 8—9]. В сфере самой науки это стало особенно заметным на рубеже XIX—XX веков.

Таким образом, гипертрофированное, искусственно раздутое увлечение отвлеченными формами не прошло бесследно для человечества. Потеряно было «живое Собеседование» человека и бытия, а следовательно, выпал ре-

альный опыт — «главный корректив жизни и мысли». Существенная часть бытия оставалась «застланной от глаз мглою невнимания». Для того чтобы вновь обратиться к живому знанию «восходящему к зрению Истины», необходимо было научиться не только «Бытие переделывать по себе», но и «себя переделывать по Бытию» [22, с. 278—281].

Может быть, одним из самых действенных опытов переделывания себя по Бытию является *опыт веры*. Ведь недаром глубокий мыслитель И. В. Киреевский прежде всего обращается к поиску живой связи между верой и разумом, и именно это ведет его к идее живого знания, связанного с принципиально иным способом мышления, отличающимся и от схоластического, и от рационально-философского. Живое знание — это путь духовного развития, заключающийся в «возвышении разума» до «сочувственного согласия с верой». Не случайно и великий естествоиспытатель А. А. Ухтомский, ссылаясь на своих коллег-ученых, утверждает, что «всякое знание психологически есть “верование”, а “верование” в истории всегда было высшим откровением, чистым знанием действительности». Лишь историческими особенностями интеллектуального прогресса человечества объясняется то, что произошел разрыв между верой и знанием, а та его часть, которая постепенно «отставала и отрывалась» от живого знания, со временем стала признаваться «высшим знанием» [22, с. 273].

Безусловно, далеко не всё общее (научное) знание заслуживает той оценки, которая была обозначена выше. Поэтому оппозиция, выделяющая, с одной стороны, лишь временные, частные и, с другой стороны, общие, вне-временные формы, является только предварительной. *Самые высокие образцы знания*, представленные и научными, и художественными, и религиозными, и мистическими формами, не носят ни временного, ни вневременного характера. Они, если воспользоваться терминологией С. Л. Франка, являются «сверхвременными». Это знание, «поверх барьеров», основанное на трансценденции, на прорыве в сферу ноуменального.

Так, в высших образцах научного знания, начиная уже с XIX века, происходит смена доминант, все больше утверждается принцип движения, изменчивости научного знания, и наоборот, его покой и неизменность рассматриваются лишь как случайность. Недаром многие ученые возражали против того, что Т. Кун называл период эволюционного развития научной парадигмы «нормальной наукой», поскольку считали, что нормальным является период революционных изменений. Покой научного знания стал рассматриваться как состояние, которое нуждается в преодолении, например на основе принципа фальсификации. Такое знание содержит гораздо больше «признаков» живого.

Но одно дело построить идеал рациональности, другое — следовать ему, например в научной деятельности. Для того чтобы научное и другие виды знания приближались к живому, необходимо, чтобы доминанта на живое знание вновь стала чем-то наподобие инстинкта или рефлекса, но уже имеющего культурно обусловленное происхождение. Она должна превратиться в функциональный орган «возмущенного разума», возмущенного в том смысле, что он по определению никогда не должен останавливаться на достигнутом, быть «подушкой успокоения». Он всегда должен быть в поиске, но при этом идти рука об руку с «разумом инстинктов» с их энергией овладения жизнью. Это полностью соответствует организации всего живого, которая «принципиально рассчитана на постоянное движение, на динамику, на

постоянные пробы и построение проектов», а также на проверку, разочарование и ошибки. Такую доминанту на живое знание нужно воспитывать, «тщательным образом обихаживать ее, следить за тем, чтобы она не перевозбуждалась, не перешагнула известной величины, а все время соответствовала бы текущим условиям в центрах, с одной стороны, и в окружающей обстановке — с другой» (см.: [22, с. 147—148, 170]).

Однако возрождение живого знания не исчерпывается повышением его динамики. Это означает также еще одно изменение познавательной интенции, а именно воспитание доминанты, которую, вслед за А. А. Ухтомским, назовем «доминантой на лицо другого» [22, с. 150]. Это относится не только к сфере социального или к сфере межличностной коммуникации. Такая доминанта подразумевает поддержание внимания (по возможности) не только к каждому конкретному человеку, реальному лицу и восприятие его без всяких теорий, предубеждений и предвзятостей, но она предполагает не меньшее внимание к конкретности природы, к ее живой, неповторимой реальности. Однако это не означает одно лишь возвращение к нерефлексивному знанию, поскольку восприятие другого как лица подразумевает и рефлексии, но рефлексии особого рода, выходящую за пределы бинарной оппозиции *единичное — общее*.

Таким образом, для понимания и описания живого познания недостаточно расширить его рамки в плоскости разнообразия, представленного достаточно обширной совокупностью способов познания (разум, интуиция, эмоции, переживания, воля, вера и т. д.), ограничив «соцветие разных знаний» (знание как таковое, знание до знания, знание о знании, незнание, незнание своего незнания, знание о незнании) [10, с. 25, 40] бинарными оппозициями (рефлексируемое — нерелексируемое, рациональное — чувственное, сознательное — бессознательное и проч.). Живое знание по определению требует отхода от бинарной, симметричной гносеологической структуры и нуждается в более продуктивной — онтогносеологической. Считаем, что *такой структурой может стать троичная (тернарная) модель, или, шире, модель порождающего типа*.

Как известно, опора на «бинарность как способ описания различных систем» — знаковых, биологических, социальных — уже давно стала привычной при осмыслении познания и особенно узаконилась в структуриализме. Однако неизбежно возникает вопрос, в какой мере способ бинарного описания (и производных от него) «навязывается методом исследования, а в какой — внутренне присущ описываемой системе» [11, с. 590]. Ведь не менее значимыми для культуры являются, например, тройственные структуры (триады). По-видимому и двоичные, и тернарные структуры можно рассматривать как разные способы описания одних и тех же систем.

Использование бинарных оппозиций, как видно из вышесказанного, позволяет говорить, с одной стороны, об эмпирическом познании, единичном нерелексируемом сиюминутном опыте, противопоставляемом, с другой стороны, отвлеченным формам познания, приобретающим вневременной характер в виде застывших, неизменных законов, схем, теорий, правил. Непротиворечивое объединение этих двух форм знания в живом знании весьма затруднительно, поскольку они исключают третий компонент — как минимум, собственно предмет (объект) знания. Другими словами, «двоичные противоположности надо понять, чтобы потом их преодолеть и постичь то, что за ними или над ними» [11, с. 385]. Взаимное отрицание может быть устранено, только если мы переходим в другую область, где возможно их сосуществование.

В этом случае адекватное рассмотрение живого знания также требует *более сложных структур для своего описания — как минимум, триад*. Именно на эту структуру, как и Гегель, опирается С. Л. Франк в своем анализе предмета познания и опыта описания живого знания, введя кроме временных (эмпирически) и вневременных (теоретических, отвлеченных) форм еще и сверхвременные, которые, замыкая триаду, являются в то же время Единым для первых двух. Они отличаются тем, как в них соотносятся субъект и объект, бытие и знание о нем, познающее сознание и предмет.

В определенном смысле переход от бинарной оппозиции к триаде можно сравнить с переходом от пространственных координат (вневременное знание) и временных координат (временное знание), носящих, как считалось долгое время, абсолютный характер, к четырехмерной, пространственно-временной системе координат, или к хронотопу. Пространственно-темпоральные формы есть область сверхвременного знания, область «мировых линий». А. А. Ухтомский, введший в широкий научный оборот термин «хронотоп», считает, что в этой области задействованы «высшие этажи» сознания, самые совершенные доминанты, самые продуктивные «функциональные органы», присутствие которых характерно, как правило, для гениев: «...эти наиболее дальнзоркие и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы, предвидят предстоящую реальность задолго... ибо хронотоп гения чрезвычайно обширен, и именно гениальные деятели в своем индивидуальном поведении для себя чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления, для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил» [22, с. 180].

Живое знание как поток событий предстает в хронотопе в качестве мировой линии. Каждое конкретное событие определяется однозначно как пересечение мировых линий, которые участвуют в этом событии. В такой системе координат любое, даже самое мелкое, событие настоящего детерминировано не только системой событий прошлого, но и областью событий будущего, то есть единичное предстает в панораме всеобщего. Поэтому там нет случайностей. События там кажутся нам случайными, если мы наблюдаем их исходя из традиционной познавательной установки, разделяющей временные и пространственные (вневременные) формы. Но методы традиционной познавательной установки не подходят для исследования событий в хронотопе.

Введение понятия хронотопа — это не просто изменение перспективы научной мысли, это свидетельство существенного сдвига в мироощущении, изменение подхода к реальности, значительный сдвиг в сторону живого знания, причем обусловленный какими-то вполне объективными историческими силами. В частности, это осознание возможности жить в «непосредственном» живом времени, в отличие от времени «опространствленного» (формального), которое мы обычно фиксируем и измеряем [7, с. 56]. Лишь великие умы, гении опережающим образом, с особой чуткостью и четкостью, выражали эти объективно происходящие глобальные изменения. Сменились основы научной мысли (на уровне бессознательного, архетипов, на уровне рефлексов, инстинктов, доминант, функциональных органов), назрели новые пути мысли и деятельности. Изменился вектор, по которому расходуетея «энергетический фонд» человека, и в этом направлении соединяются познание и действие, преобразующийся субъект и преобразующееся бытие. Свидетельствами таких изменений являются, в частности, «визуальный, перцептивный повороты», развивающиеся в сложной технико-информационной среде современных средств информации и коммуникации.

Конечно же, традиционные виды знания можно по-прежнему рассматривать в качестве автономных, как это чаще всего и происходит на «нижних этажах» познания, аналогично тому, как ограниченная ньютоновская механика применяется при скоростях значительно меньших скорости света. В этом случае, если исследуются фактические причинные связи, получаем знания о временной стороне феноменального бытия; если исследуются логические связи и отношения, имеем вневременные, абстрактные законы и теории. Однако и временное, и вневременное знание, рассматриваемое само по себе, дает лишь отдельные стороны системы сверхвременных содержаний. На самом деле оно имеет смысл лишь при переходе «на верхние этажи», в иное измерение, в составе сверхвременного целого, которое представляет собой «живую вечность или вечную жизнь» как единство покоя и становления, пространства и времени. «Быть вечным, — утверждает Франк, — не значит быть мертво-неподвижным, а значит быть вечной жизнью, вечным творчеством».

Однако преимущество триадической модели, по сравнению с бинарной, не только в том, что она позволяет осуществлять переход на иные уровни познания, но и в том, что она является *моделью порождающего типа*. От нее всего один шаг до, пожалуй, самой универсальной модели порождающего типа — модели Единого.

Таким образом, для понимания живого знания необходимо *обращение к платонизму*, дающему такую модель миропонимания, мироощущения, в которой даже самые противоречивые явления не разделяются окончательно, но объединяются. Не случайно С. Л. Франк, разработавший одну из самых убедительных теорий живого знания, утверждает: «Основа всей моей мысли есть та *philosophia perennis*, которую я усматриваю в платонизме, в особенности в той форме, в которой он в лице новоплатонизма и христианского платонизма проходит через всю историю европейской философии...» [24, с. 6].

Опора на платонизм в случае живого знания может вызвать сомнение в силу весьма неоднозначной трактовки этой философской и мировоззренческой позиции. Как известно, платонизм имеет широкий спектр вариантов его интерпретации: от дуалистических, двоemiрских представлений до модели бытия динамического типа (которая включает онтологическую теорию динамики и гносеологическую теорию движения) [15, с. 23]. Первое подразумевает «жесткие», «изоляционные» трактовки платоновских идей, существованием которых мы обязаны прежде всего Аристотелю, оперировавшему формально-логическим принципом противоречия, не допускающим гибкого, живого восприятия взаимодействия внешнего, внутреннего, сущностного, индивидуального, целого и части.

Подчеркивая разницу между платоновским и аристотелевским Единым, А. Ф. Лосев отмечает, что Аристотель, тоже стремившийся описать живой опыт, исходит, с одной стороны, из абсолютной данности описываемой вещи, с другой — воспринимает мысль, логику как инструмент этого описания. Заметим, что абсолютизация реальности, представление ее в виде неизменных вещей, — неизбежно ведет к застою в области мышления.

В результате такого разделения и абсолютизации составляющих между знанием и предметом знания возникает неустранимый разрыв, поскольку логика, как инструмент, выделяет в предмете знания некий несубстанциальный смысл (идею), который, по сути, не является действительностью. Он лишь «мысленно выделяемая потенция реальных вещей». Не так у Платона. У Платона живой опыт — это не описание некоей данности, но само описа-

ние и есть имманентная стихия этой данности. Поэтому Единое у Платона — это особая субстанция и принцип, это момент, точка, где наше мышление о бытии и само бытие не противопоставляются, а отождествляются: «Она есть сразу и то и другое и потому выше и того и другого. Она не есть они, но порождает их» [14, с. 618—621].

Таким образом, в том понимании платонизма, на котором мы остановились, отвергается изоляция идей, сущностей, а последние трактуются как «принципы движения вещей, находящиеся в сфере самих же вещей». Платонизм основывается на принципе «порождающей модели», согласно которой «общее является законом для появления и распознавания единичного» (см., напр.: [15, с. 10—16]). Поэтому каждое отдельное событие остается непознаваемым, непонятым до тех пор, пока не станет ясным то «общее» (сверхвременное — в терминологии С. Л. Франка), что за ним стоит. При этом, подчеркнем еще раз, что важным является момент признания динамичности Единого: оно предстает подвижным «органом поведения», постоянно меняющимся, как вихрь, но сохраняющим свою целостность. Понимание этого позволило, в частности, осмыслить и описать варианты «гибкой рациональности» (см.: [18]), в существенной степени обладающие свойствами живого знания. Статика знания и познания есть лишь частный случай его непрерывного движения. Это важное «возвращение» к очевидности единого придает жизненный смысл нашему существованию как таковому, а также отдельным событиям светской, религиозной жизни, истории, науки, искусства, культуры в целом.

Таким образом, возвращение к живому знанию сопровождается преодолением жестких бинарных оппозиций, устоявшихся эмпирических и теоретических форм, обязанных своим существованием «благоразумной посредственности» аристотелевской мысли, превратившей человека в «безучастного наблюдателя внешнего мира». А по большому счету, обращение к теме живого знания является «возвращением к Платону» — от «чтойности», силы вещей, от «отвлеченного сознания рассуждающего разума», от «благоразумно обыкновенного» в область духа, к связи людей, к объединяемой смыслом «цельности умственного самосознания». Ведь главное — то, в каком отношении к последней искомой истине находится человек: «Последняя истина, на которую опирается ум, указывает и на то сокровище, которого человек пойдет искать в науке и в жизни» [12, с. 306—308].

Переключку, схожесть интерпретаций достижений платоновской философии можно отметить у таких довольно различных русских мыслителей, как В. С. Соловьев и Г. Г. Шпет (см.: [29, с. 176—183]). В частности, творческие интенции платонизма органично встраиваются в проблематизацию темы Внутренней формы слова в трудах Г. Г. Шпета. Да и продолжение работы «в традиции положительной философии» он связывает с Платоном, отмечая его влияние на самых выдающихся мыслителей разных времен [28, с. 43]. Живое знание в контексте Единого отличается тем, что оно одновременно является и пониманием того, что за многообразием событий самого разного уровня всегда есть «единый смысл и единая интимная идея» [28, с. 39]. Отсутствие понимания прежде всего свидетельствует об отсутствии способности видеть целое, то есть о том, что знание теряет признаки живого. Соответственно, исцеление — «ис-целение» — обретается лишь по возвращении способности видеть целое.

И хотя в своем «Манифесте философии» А. Бадью называет XX век «антиплатоновским», найдя в нем множество «антиплатоновских эпизодов»,

тем не менее он в очередной раз призывает повторить «жест Платона», заново отстроив философию в качестве универсальной доктрины, обеспечивающей возможность гармоничного существования науки, искусства, политики и любви [1]. Оценивая историческое влияние платонизма, можно смело утверждать, что обращение к этой линии в культуре дало западному миру возможность активизировать, хотя бы время от времени, гуманистический потенциал культуры, позволяя воспринимать мир не как заведенный механизм или набор атомов, но как единый организм; ориентировать не на дифференциацию, а на воссоединение и примирение; признавать эпистемологическую значимость воображения, эмоций, веры, воли, эмпатии, «невыразимости вдохновения» и других способностей человека, позволяя, таким образом, выразить те стороны человеческого опыта, которые опровергались духом воинствующего рационализма; сосредоточиваться на сложной природе человеческого «я»; воспринимать реальность как множественную, многослойную, многозначную, но в то же время единую, не разлагаемую через призму «двойной истины». Именно сократо-платоновская линия, как утверждает Фуко, развивает живой вариант теории заботы о себе, которая «собирает» в единое «возможность доступа к истине» и «нужду в духовной работе над собой, в ходе которой субъект меняется и может ждать от истины просвещения и преображения» [27, с. 41, 45].

Таким образом, обращение к порождающей модели единого, которое может рассматриваться в качестве личностного смыслового центра, придающего всем действиям целостность и смысл, позволяет представлять познавательную деятельность человека не как совокупность оппозиционных временных или формальных разрозненных форм активности, но видеть их в живой связи «мировых линий», в целостном контексте «живой вечности», жизни, жизнеутверждающего и жизнесохраняющего смысла. Подобного рода модели для понимания процессов познания можно видеть на любом уровне восприятия действительности.

Например, на психологическом уровне к такого рода структурам относится уже неоднократно упоминаемый нами принцип доминанты. Автор учения о доминанте А. А. Ухтомский, признает, что принцип доминанты может быть найден у Канта, у Фрейда, в работах В. М. Бехтерева и некоторых других физиологов. И это его радует, поскольку «...плоха та истина, которая видна только от печки. В том и истина, что она видна, откуда к ней ни подойди». Главное же для нас, что ученый настаивает на том, что наличие подобных центров, образующих доминанты, в организме является не исключительным явлением, а постоянным правилом для живого. Такие центры образуют симптомокомплекс, своеобразный орган, подобный морфологическому органу, поскольку органом является «всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам» [22, с. 124].

Принцип доминанты, являясь физиологической основой акта внимания и предметного мышления, представляет собой динамичную порождающую структуру. Доминанте принадлежит «существенная роль в процессе новообразования реакций на среду». Главное в доминанте не ее повышенная возбудимость, а стойкость возбуждения, инерция и особенно способность к суммированию опыта, к дальнейшему развитию доминанты. При этом доминанта способна поддерживаться и повторяться во всей своей цельности даже при радикальном изменении внешней среды. В душе, в сознании человека одновременно могут жить несколько доминант как следов прежнего опыта. Важ-

но, что они, появившись хотя бы раз, не прекращают своей жизни. Они поочередно выплывают в поле душевной работы и ясного внимания, живут здесь некоторое время, подводя свои итоги, и затем снова погружаются вглубь. Но и при погружении они не замирают и не прекращают своей жизни. Научные искания и намечающиеся мысли продолжают обогащаться, преобразовываться, расти и там, так что, возвратившись потом в сознание, они оказываются более содержательными, созревшими и обоснованными. Доминанта в качестве превращенной формы единого может играть в жизни человека как положительную, так и отрицательную роль, служа источником «предубеждения», «навязчивых образов», «галлюцинаций». Но в любом случае она содействует сцеплению фактов в единый опыт, давая ученому то маховое колесо, «руководящую идею», «основную гипотезу», которые избавляют мысль от толчков и пестроты (см.: [22, с. 49—59]).

Принцип доминанты как принцип единого для живого организма является организующим даже на уровне так называемого «простого ощущения». На самом деле «простое ощущение» (перцепция) — это абстракция, аналитическая фикция, поскольку «реальный и живой опыт имеет дело всегда с интегральными образами», с гештальтами. И всякий интегральный образ, которым мы располагаем, является продуктом пережитой нами доминанты. Он может в любой момент восстановиться в своей целостности, пережить вновь, обогатиться, подкрепиться новыми впечатлениями, переработаться, переинтегрироваться и вновь сохраниться в памяти до следующей актуализации. Это виртуальный орган, активизируемый всякий раз, когда в нем возникает нужда, и совершенствующийся с каждым новым конкретным опытом, поскольку из множества новых «не идущих к делу» подкрепляющих впечатлений он отбирает «пригодное», «нужное», «имеющее непосредственную связь». К доминантам нужно относиться как к живым органам, а следовательно, следить за их развитием, культивировать, воспитывать их, поскольку «если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами» (см.: [22, с. 64—65, 112]).

По большому счету, задача культуры состоит в создании подобного рода идеальных форм самого разного уровня — от временных до сверхвременных, всевозможных «региональных онтологий» или индивидуальных смысловых центров — в контексте фундаментальной онтологии Единого. Эти центрирующие силы, не теряя своих собственных качеств «живого», подвижного, в то же время призваны служить развитию многообразия внешнего. Сама культура в этом случае может рассматриваться как медленно и трудно создаваемый человеческим виртуальный объект, доминанта, «функциональный орган», потенциал которого развивается в направлении роста многообразия, но преломленного через призму отбора, самоосмысления процессов появления нового.

Этот же принцип единой порождающей модели является продуктивным и для отдельных областей культуры. Так, например, наука в своем развитии неоднократно подтверждала онтологичность, функциональность модели Платона. Глубокий мыслитель, естествоиспытатель А. А. Любищев в своем центральном философском произведении на множестве исторических примеров убедительно показывает, как обращение к плодотворным платоновским интуициям не раз «спасало» не только гуманитарные, но и естественные науки в сложных, тупиковых ситуациях их развития [16].

Итак, в становлении человека как главного действующего лица познания ведущую роль играют идеальные превращенные формы, причем, заметим

еще раз, порождающего типа. Идеальная форма, как превращенная форма, предшествует развитию, является стимулятором, например речевого развития ребенка. В то же время в процессе развития образуются новые «превращенные формы» (или функциональные органы), являющиеся единым и, в свою очередь, становящиеся внутренним источником, генерирующей силой живого органического духовного роста. При этом между идеальной и реальной формами всегда есть зазор, «разность потенциалов», что и порождает живые движущие силы развития. Однако идеальная форма, как и вся культура в целом, — это всего лишь «приглашающая сила»: она приглашает к развитию, но не навязывает себя. Но не следует забывать, что каждая идеальная форма требует критического к себе отношения, она может быть далеко не «идеалом» и даже ограничивать становление субъекта [9, с. 230—231]. Как общая формула доминанта говорит лишь о том, что «и из самых умных вещей глупец извлечет повод для продолжения глупостей, и из самых неблагоприятных условий умный извлечет умное». Трагизм человека в том, что у него нет никакого портативного, удобного и сподручного «критерия истины», кроме реальной проверки своих ожиданий в прямом столкновении с конкретной живой действительностью [22, с. 145—146].

Как бы то ни было, живая человеческая активность подразумевает присутствие в ней единого, поскольку «все живет единым». Другими словами, «условием познаваемости (и существования) многого служит его соотносительность с единым», без этого многое превращается в беспредельное, в текучее, неопределенное и становится не только непознаваемым, но и не сущим [6, с. 115—117]. Это проявляется даже на первичном биологическом уровне рассмотрения живого, поскольку «логика строения каждого многоклеточного организма требует, чтобы он был составной частью цикла, в котором с необходимостью существует одноклеточная стадия» [19, с. 72].

Язык, рассматриваемый с позиции платонического мировидения, также представляет собой порождающую модель, центр которой, в соответствии с гумбольдтианской традицией, принято обозначать как Внутреннюю форму языка. Пожалуй, только в этом случае возникает представление о целостности слова и того, что происходит в душе человека. Слово как символ того, что происходит в душе, в соответствии с этимологией слова «символ», позволяет видеть любое высказывание, на любом из языков, как движение к целому, в котором складываются, как две половинки, слово (или выражение на любом из языков) и состояние души. Таким образом, Внутренняя форма языка расположена и не в языке, и не в чувстве, а представляет собой порождающее начало, «то целое, в котором слово и состояние души составляют вместе ради своей цели, которая и есть вместе и цель человеческого существа». Это означает, что и выражения языка, и состояние души прямо не соотносятся друг с другом. Прежде всего необходимо их отнести к тому целому, «которое они призваны вместе составить» [3, с. 182—184]. Это целое и есть Внутренняя форма языка как его генеративный принцип.

Язык, как утверждал еще Гумбольдт, — «порождение духа», сама деятельность духа (Energeia); но в то же время разные языки как порождения духа, как функциональные органы по-разному обратно влияют на дух [8, с. 70—75]. И это взаимодействие происходит через Внутреннюю форму. Всё доступное нам языковое многообразие можно рассматривать восходящим к виртуальному основанию генеративного типа, способствующему порождению все новых и новых языковых выражений, новых знаний [13]. Язык вы-

ражает не просто дух народа, но и живое состояние этого духа. Недаром П. А. Флоренский уподобляет внешнюю форму языка телу организма, а Внутреннюю форму сравнивает с душой [23, с. 232—234]. Внутренняя форма языка, как живой динамичный орган, принципиально не может быть жестко обрамлена в понятие. На ее присутствие и состояние можно лишь указать.

Безусловно, внешние языковые формы могут эффективно исследоваться, описываться, систематизироваться, обобщаться, как это делается в лингвистике. Но получаемое в этом случае знание не будет живым, если у исследователя нет хотя бы интуитивного представления о Внутренней форме языка как принципа генерации внешних форм, обусловленного в том числе и личностными качествами носителя языка. На это недвусмысленно указывает Плотин, говоря, что Единое — это «потенция всех вещей. Если бы ее не было, то и все не существовало бы, не существовал бы и ум, первая и всеобъемлющая жизнь» [20, с. 551]. Если внешняя форма слова опирается на некий атомизм речи, на ее относительно устойчивые, более или менее объективированные «кирпичики», то Внутренняя форма слова подчиняется тонкостям мысли, особенностям социума и личности, специфике их коммуникативно-познавательной, ценностной направленности. Обучаясь языку, человек обучается его внешним формам. Внутреннюю же форму человек усваивает, как чутко заметил С. Н. Булгаков, «в меру человечности» [4, с. 56]. Необходимо развивать «доминанту на язык», чувство Внутренней формы языка, представление о которой возвращается платонизмом, чтобы обращение даже к лингвистическим, семиотическим проблемам каждый раз актуализировало тему живого знания в его применении к языку.

Иначе говоря, живое знание основывается на живых, динамичных идеях, включающих в свое содержание и путь их непрерывного становления, и языковую среду с ее Внутренней формой. Поскольку живое знание, как возможный результат, неотделимо от процесса и условий его производства (жизни, живого переживания, размышления, разговора, дискурса), то вернее говорить не о законченном образе знания, а о его рассеивании, об аттракторе, о потенциально возможной совокупности вариантов этого знания, которые могут появиться в данных конкретных условиях дискурса. Тогда индивидуальное выражение знания становится, с одной стороны, выражением общей идеи (денотата, смысла), а с другой стороны, выражением конкретного варианта этой идеи (коннотата), в данной единичной жизненно обусловленной познавательной ситуации. Если переформулировать слова Р. Барта, то *живое знание* — «это мы сами в процессе познания» [2, с. 32]. Причем мы не «читаем» текст-реальность, не считываем с него информацию, а «пишем» и «переписываем» эту реальность, вовсе не воспринимая ее как законченное целое. Мы осознаем при этом, что мы всего лишь «зачерпываем» из нее некоторое знание, возможно, даже маргинального, коннотативного характера. Но поскольку такое зачерпывание в случае живого знания осуществляется свободно, то эта небольшая толика живого знания о действительности, как «единица» у Ухтомского и Выготского, позволяет судить о бытии гораздо шире, восходить к любым его временным и сверхвременным состояниям.

Аналогично тому как живое движение, описываемое в опытах Н. А. Бернштейна, в отличие от механического имеет существенно большее количество степеней свободы, чем это требует результирующая траектория, так и живое знание должно иметь избыточное количество степеней свободы для своего реального существования в живой воспринимающей среде. «По-

лучение строгого, в пределе — единственного результата (практического, когнитивного или аффективно-личностного) достижимо лишь при условии огромного числа возможных путей к нему... свобода есть условие развития, условие творчества, да и не только творчества» [10, с. 43—44]. Живое знание подобно живому движению, но имеет гораздо более богатый потенциал. Поэтому средства осуществления живого познания должны быть предельно разнообразными. Если сложность даже анатомического аппарата произвольных движений исчисляется десятками степеней свободы, то каковой же должна быть свобода познавательного целесообразного действия? Она должна быть избыточна в такой степени, чтобы содержать в себе не только то, чего еще нет, но и даже то, чего, возможно, никогда не будет.

Как видим, тема живого знания может развиваться на основе множества взаимодействующих представлений, среди которых мы остановились, во-первых, на утверждении, что «жизнь — это процесс познания» [19], во-вторых, на представлении о живом знании не только как о содержании мысли, но и как о реальности [25, с. 344], и, в-третьих, мы опирались на динамичную структуру мышления и бытия порождающего типа. Мы учли опыт, развиваемый в весьма различающихся контекстах: с одной стороны, в платонической линии культуры, особенно в русской философии первой половины XIX — начала XX в.; с другой стороны, в теории познания, когнитивистике второй половины XX — начала XXI в., в неклассической физиологии (психологической физиологии), в нейробиологии, нейрофеноменологии, органической психологии. Возникнув в условиях существенно различающихся культур и сфер деятельности, отдельные составляющие этого опыта на уровне их внешнего существования скорее дополняют друг друга. Но на уровне внутренней формы, на уровне их основополагающих интенций, доминант можно распознать объединяющее их начало.

Ничто не мешает много и убедительно говорить о живом знании, но обладать им в минимальной степени. А можно, наоборот, реализовывать живознание на достаточно высоком уровне, вовсе не теоретизируя по этому поводу. Как соотносятся конкретные реальные познавательные процессы с теорией живого знания? Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным, но он, как мы считаем, должен указывать на порождающее начало, на «целое» любого познания, или, по крайней мере, иметь его в виду.

Данное целое должно представлять собой не причинную (временную) и не логическую (вневременную) необходимость, а «абсолютно живую необходимость». Эта необходимость, утверждает С. Л. Франк, есть, «с одной стороны, вечность, вечная связь содержания с абсолютным целым, и она есть, с другой стороны, жизнь, творчество, живое порождение или следование». Реальные живые процессы не могут быть адекватно описаны лишь на основе описания их вневременных обобщающих схем и временных (феноменальных) состояний. И тот и другой способы описания — общее и индивидуальное, покой и становление — включаются в живое знание лишь при условии выхода за пределы этих бинарных оппозиций в систему целого живого бытия к гораздо более адекватной модели порождающего типа как «живой необходимости».

Постижение такого сверхвременного бытия требует особой доминанты, высшей ступени интуиции, «знания-жизни», «мыслящего переживания», где субъект не противостоит объекту, а «знает объект в силу того, что слит с ним в самом своем бытии», где бытие и знание — одно и то же, а бытие является конкретно-сверхвременным всеединством. Таким образом, в случае разных

форм познания, разных уровней интуиции бытие может отличаться от знания о нем по степени «избытка единства, самоутвержденности, полноты и конкретности». И тогда «смысл понятия абсолютного бытия, как жизни, раскрывается нам в понятии процесса развития, в картине изменения, прохождения ряда сменяющихся этапов, подобно тому, как смысл понятия движения выражается в понятии последовательного прохождения ряда точек... Вечная картина становления, последовательного перехода из одного состояния в другое, есть тем самым вечное бытие этого становления» [25, с. 38, 343—347].

Как каждый из нас сознает закономерности, управляющие его жизнью, «в качестве реальной силы, действующей в нем, а не в виде отвлеченных формулировок», так и здесь нет необходимости различать общее и временное, поскольку «в единстве мысли и бытия, данном в самоочевидном бытии личной жизни... дана и непосредственная необходимость живого единства многообразия, творческой силы, обнаруживающейся в смене частных событий и состояний. Но тем самым уже дано и единство общих законов с индивидуальными фактами. Ибо и то и другое суть лишь разные выражения времяобъемлющего единства личного бытия, проявляющегося и в общей, пребывающей закономерности, и в единственной, неповторяющейся цепи живого становления». Таким образом, в живом знании присутствует не некое мыслимое содержание объекта, а то, что есть в субъекте в качестве «самосознающего бытия», в единстве временного и вневременного как непреходящего бытия, «которое каждое мгновение своего временного обнаружения вместе с тем есть целиком». Если же «живые нити переживания» не связывают объект и субъекта, то вневременность и временность не соединимы между собой, противостоят друг другу, и их непосредственное единство «хотя фактически и осуществляется в каждом акте знания, но не познается, ибо не вмещается в познаваемое предметное содержание» [25, с. 353—355].

Таким образом, «живое знание» — это «мы в процессе познания», и оно переживается нами как в явном, так и в скрытом виде, в форме идеи, дискурса, чувства, веры, действия, поступка, эмоции. Оно может рефлексироваться и быть нереклексивным. Непосредственное, нереклексивное живое познание, пережить которое в наше время, пожалуй, труднее всего, является исходной точкой *альфа*.

Совершив исторический круг, пройдя сквозь череду своих редуцированных, гипертрофированных, законсервированных форм, живое знание вновь «вызвано к жизни», активизировалось как доминанта, но теперь уже доминанта переинтегрированная, обогащенная эпическим и этическим опытом познания, а потому гораздо более сложная. Новое живое знание представляет собой на сегодняшний день точку *омега*, впрочем, не зафиксированную, а продолжающую свой дрейф в истории познания, в жизни. Именно таким видится нам вектор развития живого знания к его все более усложняющимся формам.

Живое знание — это особое обращение к предмету, которое можно сравнить с созданием текста-письма в постструктуралистских размышлениях Р. Барта⁴. Субъект живого знания — это не «безгрешный субъект», который предшествует исследуемой реальности как объекту. Наше «я», примериваю-

⁴ Ср. эту концепцию Барта с платоновской установкой, где живой опыт воспринимался не как описание некоей данности, но «само описание и было имманентной стихией этой данности».

щееся к знанию, само уже есть «воплощенное множество» бесконечных, утративших следы собственного происхождения знаний. Живое знание не требует «ученого усердия», но оно все время имеет дело с «убегающим, отступающим, таинственно распахнутым горизонтом», оно есть «воплощенная теория» этого убегающего, этого «бесконечно возобновляемого и никогда не изглаживающегося “различения”» [2, с. 32—40]. Каждая точка этого знания, каждое его событие в любой момент может развернуться, раскрыться, а мы, благодаря этому, погружаемся в знание, углубляемся в него, причем такое «участие в истории требует от нас не абстрактных фантомов, но нас целиком... Лишь в непрерывном и ответственнейшем, живом участии в живой реке предания от отцов к детям дается нам искомое» [22, с. 270].

Библиографический список

1. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003.
2. Барт Р. S/Z. М., 2001.
3. Библихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб., 2008.
4. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1998.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 2.
6. Гайденко П. П. Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. М., 1979.
7. Гриб А. А. Концепции современного естествознания. М., 2003.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
9. Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
10. Зинченко В. П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Самара, 1998. Ч. 1 : Живое знание.
11. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1999. Т. 1.
12. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.
13. Кудряшова Т. Б. Онтология языков познания. Иваново, 2005.
14. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994.
15. Лосев А. Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М., 1979.
16. Любищев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб., 2001.
17. Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. 1990. Т. 2.
18. Масалова С. И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени. Ростов н/Д, 2006.
19. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001.
20. Плотин // Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, ч. 1.
21. Розинток-Хюсси О. Избранное : язык рода человеческого. М.; СПб., 2000.
22. Ухтомский А. А. Доминанта : статьи разных лет, 1887—1939. СПб., 2002.
23. Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
24. Франк С. Л. Непостижимое : онтологическое введение в философию религии. М., 2007.
25. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
26. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
27. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году. СПб., 2007.
28. Шпет Г. Г. Мысль и слово : избранные труды. М., 2005.
29. Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого...» : очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004.

ББК 87.21

*Д. В. Куликов***ПРОЛЕГОМЭНЫ К АНАЛИТИКЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ УСТАНОВКИ**

Сегодня, когда кризис современности, наконец, проявился зримо для всех в экономической сфере, в условиях постмодернистского отрицания-снятия всего и вся, триумфа анархической эпистемологии, ведомой принципом «anything goes», деконструкции утопии и веры, единственным островком стабильности становится повседневность, обжитое пространство обыденности, где все знакомо и мило сердцу. Бешеный ритм героического стиха, зовущего за горизонт, уступает место неспешному повествованию «мыльной» оперы, вокруг которого и конструируются смыслы бытия обыденного (обычного) человека (*homo utilitaris*), жителя мира здравого смысла. Соответственно, понимание современности, ее кризиса и контура будущего невозможно без выяснения онтологического статуса повседневности. Ее подлинности.

Мы не замечаем повседневность. Каждый раз, когда мы думаем, что уже сформулировано ее определение, повседневность ускользает от нас в своей смысловой полноте, оставляя какой-то аспект, который кажется нам исчерпывающим. Это происходит из-за того, что принципиально нельзя выйти за пределы повседневности, которая существует как внутри каждой деятельности, так и заполняет прорехи бытия за ее пределами. Собственно повседневность есть дорефлексивное, предсознательное, допредикативное *cogito*, имеющее множество проявлений: повседневная жизнь, здравый смысл, обыденное знание, обыденное сознание, повседневная речь, повседневное поведение человека, культура обыденной жизни, каждый аспект задает разные горизонты существования явлений обыденности. Как следствие, современные гуманитарные науки произвели на свет целый сонм определений этого понятия. Такая разногласица связана с тем, что в определении повседневности не на что опереться. Это одновременно всё и ничто, поэтому необходима некоторая точка отсчета, от которой можно оттолкнуться. Такой точкой отсчета может стать «чистая субъективность», т. е. некоторые априорные и в то же время трансцендентные формы сознания, предшествующие смыслообразованию и рефлексии. У А. Шютца этому соответствует «естественная установка», у Дж. Гибсона — «экологический уровень окружающего мира», у З. Фрейда — «предсознание».

Для того чтобы обнаружить «чистую субъективность», необходимо вынести за скобки рефлексивность как способность суждения и экзистенциальную глубину человеческой чувственности, фактически описать структуры допонятийного мышления — мира представлений, того пространства, которое Аристотель назвал «*koine aisthesis*», а Цицерон — «*sensus communis*». Вычленив особый когнитивный стиль обыденности. При этом надо понимать принципиальную континуальность человеческого сознания, его синкретичность, т. е. признать неполноту и граничность обыденности, ее недостаточность. Поэтому будем описывать идеальный тип естественной установки, т. е. набор инвариантов ее составляющих, опираясь на анализ процесса интенционирования. При

этом следует различать содержание обыденного сознания, которым является окружающий мир, взятый во всей его наивной полноте, и собственно структуры обыденного мышления. Такой подход позволяет подойти вплотную к феноменологической аналитике опыта, рассмотрев, например, научный опыт или опыт религиозного чувства как частные случаи интенции.

Для того чтобы определить смыслы обыденности, необходимо зафиксировать ее границы. С одной стороны, границей является чистое подсознание — пространство неосознаваемых желаний и убеждений, с другой стороны, пространство искусства, технологии, научной и религиозной рефлексий. Ключевой проблемой обыденности являются ее подвижность и включенность в другие регионы бытия, поэтому любые попытки статично раз и навсегда зафиксировать повседневность не могут исчерпать всей полноты этого феномена. По нашему мнению, обыденность можно определить только как поток.

Человеческий опыт всегда индивидуален и всегда уникален, т. к., по существу, единичен, поскольку представляет собой опыт бытия от рождения до смерти — хайдеггеровское «здесь-бытие». Это один из ключевых тезисов философии со времен Гераклита Эфесского. Соответственно, «Я» или, по А. Бергсону, «Я длящееся», всегда пребывает в некоем потоке — потоке происшествий, который предсуществует и принципиально не остановим.

Поток формируется восприятиями, которые Э. Гуссерль метко сравнивает с кометами, поскольку каждая следующая интенция имеет как бы ретенционный хвост, который сшивает интенционирование в единый поток, напоминающий кинолентку, запущенную со скоростью, обеспечивающей мультипликационный эффект. «Каждая «теперь-точка» постоянно изменяется от ретенции к ретенции, образуя континуум, где каждая последующая точка является ретенцией предыдущей. В то же время каждая ретенция несет в себе следы первоначального впечатления, или импрессионального сознания» [4].

Эта идея Э. Гуссерля согласуется с современными представлениями о биологическом времени в нейрофизиологии. Представленный эффект напоминает известную в когнитивной психологии *скорость восприятия*, она, как показал Я. Юскюль [6], различна у разных видов живых существ. Скорость восприятия определяет минимальную длительность события, которое живое существо в состоянии воспринять. Как было показано в целом ряде исследований по этологии, эта длительность зависит от скорости обменных процессов и является функцией температуры тела и окружающей среды [3], т. е. имеет экологическую природу. Например, у холоднокровных животных, по Г. Пьерону, нет единого чувства времени, а скорость восприятия зависит от температуры тела [5]. Здесь возникает любопытная возможность управления биологическим временем путем гормонального стимулирования обменных процессов. Поскольку человек — животное теплокровное, то возможны лишь незначительные изменения метаболизма, например под воздействием стресса или наркотиков. Эти эффекты известны как психологическое время, которое может быть «быстрым», если оно наполнено релевантными интенциями, и «медленным», в случае выпадения из потока интенционирования.

Соответственно, существуют уникальное пространство-время каждого живого существа, биологического вида и единое пространство-время среды обитания, которое продуцирует инварианты. Из этих посылок К. Лоренц делает вывод о том, что кантовская категориальная система имеет эволюционное происхождение и является проявлением среды обитания *homo sapiens* как биологического вида [2].

Для человека минимальные единицы любых ритмов составляют:

- 0,001 секунды — базовая единица любых серийных нейрофизиологических процессов;
- 0,01 секунды — наикратчайшая единица для слуха и осязания;
- 0,1 секунды — основная единица восприятия для зрения (совпадает с α ритмом) [1].

Согласно работам Ф. Варелы, последовательность восприятий разбита на кадры, напоминающие киноленту. На эту мысль Ф. Варелу натолкнуло совпадение между частотой альфа-волн и периодом инерции зрительного восприятия (примерно 0,1 секунды) [1]. Такая структура восприятия формирует *априорный ритм* — метроном сознания.

Из вышеизложенного видно, что интенция, в соответствии с современной нейрофизиологией, имеет конусообразную структуру, где на острие находится релевантный объект, а его окружение представляет собой периферию — ретенционный шлейф (протенцию), сшивающий восприятие в единый процесс. Соответственно, интенцию можно сравнить с лучом фонаря, выхватывающим в окружающем мире релевантные объекты. В зависимости от признания роли протенции такое понимание интенциональности образует два потока западной философии, берущих свое начало у Аристотеля.

Первый — от номинализма и эмпиризма до логического атомизма (Д. Юм, К. Поппер и др.) — представляет мир как совокупность бинарных (тезис и его отсутствие), четко очерченных соотношений — логических атомов, собранных в сети разнообразными видами связей. Здесь ритм восприятия фактически формирует оппозицию — простейший код 0 и 1, лежащий в основе современной вычислительной техники.

Заметим, что бинарная интерпретация уже является абстрагированием, т. к. в реальности интенционирование напоминает (по мнению нейрофизиологов) перемещение улитки, которая никогда не отрывается от поверхности при движении, т. е. реализуется почувствованная А. Бергсоном мультипликационная структура восприятия: кадр (или пик) и его протенционная периферия, сшивающая поток восприятия. Интенционный луч то фокусируется на объекте, то рассеивается. Такая интерпретация образует поток диалектической философии (тезис, антитезис и синтез), где синтез фактически является манифестацией протенциального шлейфа, т. е. формирует второй поток.

Все процессы в человеческом организме делятся на повторяющиеся процессы и прогрессирующие (длящиеся), т. е. «Я» можно описать как протенционный поток, представив внутренний и внешний мир как сопричастность длительностей, при этом повторяющиеся процессы фактически являются физиологической основой для логического атомизма и представляют собой эквивалент логической индукции, а длящиеся описываются диалектически.

На основе вышеизложенного можно сформулировать теорию когнитивных стилей областей конечных значений пространств опыта. Этот процесс хорошо описал Аристотель. Многочисленные наблюдения, которые мы делаем, он сравнивает с бегущим войском. Они тоже бегут, они не стоят на месте. Но если в этом всеобщем бегстве хоть одно наблюдение подтверждается в многократно повторяющемся опыте, тогда оно останавливается. В этом месте образуется как бы первая точка покоя среди всеобщего движения. Если же к ней присоединяются другие, то, в конце концов, все войско останавливается и вновь начинает повиноваться общей команде. Описанным способом из

всего континуума человеческого опыта возникает опыт, который может быть предметом науки, т. к. он очищен от протенции.

Понимание повседневного опыта, как представляется, должно учитывать протенцию. Соответственно, основой когнитивного стиля обыденного сознания, по всей видимости, является трансдукция, описанная Ж. Пиаже.

В данной работе изложены лишь самые общие соображения к трактовке обыденного сознания как способа интенционирования. Глубокая рефлексия этого феномена и идеирование когнитивного стиля повседневности как функции протенции — перспектива дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Варела Ф. Х., Матурана У. Р. Древо познания : биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
2. Лоренц К. Основы этологии М., 1995.
3. Фриш К. Пчелы, их зрение, обоняние, вкус и язык. М., 1955.
4. Husserl E. Vorlesungen zur Phenomenology des inneren Zeitbewusstseins. Halle, 1928.
5. Pierson H. The Sensations: Their Functions, Processes and Mechanisms. L., 1952.
6. Uxkull Ja. Umwelt und Innenwelt der Tiere. B., 1921.

ББК 87.3(2)

Д. Г. Смирнов

НЕЗНАКОМЫЙ В. И. ВЕРНАДСКИЙ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ВСЕЛЕННОЙ

Вынесенная в заглавие проблема — семиотика В. И. Вернадского — новая для современных семиосферологии и ноосферологии. Имя выдающегося мыслителя с мировой известностью в научной среде традиционно связывается с учением о биосфере, о живом веществе и принципах его функционирования в живой оболочке Земли. Вместе с тем в его научных трудах по кристаллографии, биогеохимии, истории науки обнаруживается пласт материала, который до сих пор остается *незнакомым* исследователям мира Вернадского.

Познание Вселенной, пригревшей человечество, одна из самых сакральных задач и богослова, и философа, и ученого. Мировая культура, начиная со времен Гермеса Трисмегиста, дает много примеров того, как надо смотреть на мировой Космос и видеть его, как надо слушать и слышать тонкие движения мировой души, как воспитывать и использовать в своем отношении ко Вселенной «вселенское чувство». Дополнительность гносеологических, эпистемологических и когнитивных подходов к гармоническому познанию Вселенной может быть лишь сейчас понимается «техногенным человечеством» как сверхзадача глобально-вселенского бытия, вошедшего в новое тысячелетие человека.

Творчество В. И. Вернадского в этом смысле носит рубежный характер — его нельзя рассматривать в контексте уже известных (и даже отживших свое) научных картин мира и философских парадигм, оно представляет собой новое — ноосферное видение мира, в котором слились и древние мифы, и философский герметизм, и эмпирическая наука. Но для современного мировоззрения

© Смирнов Д. Г., 2009

III тысячелетия очень важно, чтобы последнее (эмпирическая наука) рассматривалось не в утилитарном, узком, а в широком, философском смысле слова.

Открытие эмпирической семиотики, понимание и познание мира через предметно-знаки — уникальная особенность мышления В. И. Вернадского, доставшаяся ему по наследству от древнейших пластов мировой культуры и не потерянная в условиях техновзрыва прошедшего «века-волкодава».

Семиотика В. И. Вернадского — это феномен, который в течение долгого периода был скрыт от исследовательской мысли российских ученых, но пришло время, когда Вернадский как ученый-эмпирик оказался в тени Вернадского теоретика: сейчас мы отчетливо видим, что его научная методология и философия науки имплицитно содержат размышления о знаках, символических и семиотических феноменах.

**Творчество В. И. Вернадского:
прямая и обратная семиотическая перспектива**

Исследования В. И. Вернадского по истории научного знания [9] и труды по биогеохимии [5], по мнению Вяч. Вс. Иванова, обнаруживают широкую семиотическую перспективу, которая наиболее ярко отразилась в «семиотической книге “Научная мысль как планетное явление”, законченной в 1938 году» [13, с. 690]. Сходные мысли мы обнаруживаем у Я. В. Сиверц ван Рейзема, который ведет речь о ноосфере В. И. Вернадского, ее культурно-цивилизационных и семиотических последствиях [19, с. 235—243].

Биографы В. И. Вернадского, внимательно изучавшие жизненный путь ученого, убедительно свидетельствуют о наполненности его сознания и мышления многообразными знаковыми формами. Украинцу и поляку по крови, но русскому по рождению, ему довелось родиться в самом *семиотически сложном* городе царской России — Санкт-Петербурге, в пространстве которого смешались и столкнулись различные мировые культурные традиции, поэтому в миро-сознании В. И. Вернадского навсегда сохранился отпечаток столицы «культурного разнообразия» российского мира того времени.

В городе на Неве Володя Вернадский провел 5 лет, годы в которые восприимчивый детский мозг имеет удивительное свойство — запоминать практически все, даже мало-мальски значимые вещи. По меткому выражению Р. К. Баландина, если детство человека — это предисловие к его взрослой жизни, «детство Вернадского — предисловие к его творчеству» [3, с. 41]. Возможно, именно этот момент в биографии будущего ученого предопределил семиотическую энциклопедичность его мышления.

Жизнь ученого изобилует непрерывными поездками и путешествиями. Еще в студенческие годы В. И. Вернадский хотел совершить по окончании обучения кругосветное путешествие. Этой мечте не суждено было осуществиться, но оказалось, что вся его более чем 80-летняя жизнь — это единое кругосветное вселенское путешествие. Именно этот гигантский опыт бытия в настоящем и прошлом (как геолога) дал мыслителю предметно-эмпирический багаж планетарного масштаба. Сознание В. И. Вернадского представляло собой своего рода «перенасыщенный раствор» знаков, феноменов, предметов, сущностей, в конце жизни кристаллизовавшихся в учение о ноосфере.

Знаковое (семиотическое) сознание ученого имело и верхний этаж — языковое измерение. Как указывает в своей работе Р. К. Баландин, В. И. Вернадский «читал на пятнадцати языках и на нескольких писал» [4, с. 52]. Такая

лингвистическая подготовка говорит о семиотической открытости личности новому знанию. Талантливость к языкам напрямую свидетельствует об уникальной способности к освоению различных знаковых систем естественного и искусственного происхождения.

Структура сознания Вернадского, с одной стороны, формировалась многообразием эмпирических данных, фактов, а с другой — природной языковой одаренностью, что впоследствии определило становление семиотического и семиологического уровней семиосознания мыслителя.

Геологическая семиотика

В. И. Вернадский не случайно избрал отправным пунктом своей научной деятельности изучение «каменной» природы. Наука в действительности изучает «что» и «как» было: чтобы понять современное состояние окружающей реальности (природы и общества), нужно начинать с ее геологической истории.

Г. П. Аксенов приводит довольно показательный пример, касающийся чтения В. И. Вернадским лекций по минералогии и кристаллографии в Московском университете в 1891 году. Одна из слушательниц женских курсов Л. В. Васильева вспоминала: «Мы ждали его лекций как праздника. Они оживили мертвую природу. Камни заговорили» (цит по: [1, с. 76]). В застывшем каменном мире молодой ученый ощутил биение жизни. Мертвые камни действительно рассказывали об истории планеты. Камни из незнакомых превратились в знакомых, то есть смогли заговорить в человеческом сознании, указывая на ранее скрывавшееся от человеческого взора. Вернадский стал обстоятельно исследовать «жизнь» минералов. Оказалось, что «каждый минерал многолик: он и химическое соединение, и (обычно) кристалл, и геологическое тело, и продукт определенных реакций, и наследие некой геологической эпохи, и полезное ископаемое» (см.: [3, с. 55]). Эта многоликость минералов очень походит на многозначность слов естественного языка, полисемантическую и иных невербальных знаков.

Камни стали для В. И. Вернадского знаками, геологической «памятью Земли». Истоки такого «новаторского» подхода к минералогии и кристаллографии мы можем обнаружить в детские годы будущего ученого. Одной из любимых книг Вернадского была хрестоматия «Великие явления и очерки природы», которая начиналась со вступительной статьи американского геолога Георга Марша «Влияние человека на природу». В ней есть слова, которые во многом объясняют семиотический подход ученого: «Сделавшись “сознанием Земли”, достойным своего призвания, человек тем самым берет на себя ответственность в гармонии и красоте окружающей его природы» [3, с. 41].

Идея человека как «сознания Земли» красной нитью будет проходить через все творчество В. И. Вернадского. «Память Земли» он постоянно будет расширять, включая туда все новые и новые области знания: к почвоведению, кристаллографии и минералогии добавятся геохимия, биогеохимия, которая впоследствии перерастет в биосферологию, и «культурная биогеохимия», трансформировавшаяся в конце XX века в ноосферологию.

Наиболее ярким примером этого этапа в юношеских научных изысканиях Вернадского может считаться эпизод, связанный с именем английского натуралиста Карутерса, который описал свое наблюдение перелета тучи саранчи с берегов Северной Африки в Аравию. Вернадский, занимавшийся в то время составлением перечня геологических единиц в Минералогическом

музее, сначала не придавал сообщению в английском журнале «Природа» особого значения. Но что-то непонятное заставило его вернуться к статье и сделать выписку, как он обычно это делал с заинтересовавшими его данными. Так забрезжил «новый свет», из этого эмпирического факта стала постепенно вырастать картина мира, в которой жизнь играет «первую скрипку», — будущая биосферная картина мира.

Этот период в творчестве Вернадского вполне справедливо можно назвать «геологической (натурфилософской) семиотикой». Здесь предметом семиотического анализа становятся в первую очередь минералы.

Биосферная семиотика: логика вещей versus логика понятий

В начале 20-х годов XX века эмпирический багаж 57-летнего ученого был настолько велик, что он не мог не вылиться в фундаментальные модели теоретического синтеза. С точки зрения современных представлений о синергетике для этого необходим был «толчок», который в значительной степени был связан с мировой войной, революцией и гражданской войной в России. Экзистенциальным событием для мыслителя стало пограничное состояние, связанное с заболеванием тифом, о котором рассказывает Г. П. Аксенов. В феврале 1920 года, когда в течение трех недель ученый находился в критическом состоянии между жизнью и смертью, в его мировоззрении произошел переворот. «Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далекого от происходящего» [1, с. 243].

Именно тогда, по мнению Г. П. Аксенова, Вернадский уяснил, что «истина, даже научная, логическая истина, не дается человеку как последовательный вывод из ряда научных умозаключений. Она приходит внелогическим путем. Истина не “думается”, она переживается всем существом, всей душой, всем мучительством личной жизни» [1, с. 252—253].

С 1921 года начинается новый этап в творчестве Вернадского, который имеет важное семиотическое измерение, — постепенно складывается «биосферная семиотика». Он охватывает период до середины 30-х годов. Здесь главным инструментом исследования биосферы становится эмпирическое обобщение, знаменующее оформление новой для философии науки XX века логики и методологии естествознания.

Этот период развития семиосознания В. И. Вернадского связан с пристальным вниманием ученого к философскому творчеству Ч. С. Пирса (1839—1914) — отца-основателя американской семиотической традиции, собрание сочинений которого вышло в 1931 году [17]. В 1935—1936 годах, как указывает И. И. Мочалов, В. И. Вернадский «много размышляет над проблемами логики и методологии научного творчества, научного языка и научной терминологии». В связи с этим «расширяется круг его философских интересов (философия Ч. Пирса, философские течения Индии и др.)» [15, с. 296]. Первое упоминание о Пирсе в дневниковых записях мыслителя относится к 1936 году.

«В Лондоне в 1936 году совершенно случайно столкнулся с философией Ч. Пирса, которая меня заинтересовала потому, что в одной из небольших его брошюрок я нашел очень для меня тогда новое положение, что логика у Демокрита гораздо более подходит к логике естествознания, чем логика Аристотеля. У Демокрита — логика вещей, у Аристотеля — логика понятий...» (цит. по: [15, с. 309]). По этому поводу есть занимательная запись в дневнике:

«Удивляюсь, что я ясно понимал это в 1932 году — я думал, что *впервые* понял это, когда <...> прочел Пирса о логике Аристотели и Демокрита» [6, с. 321].

Особое внимание на изучение В. И. Вернадским творчества Ч. С. Пирса в связи с необходимостью выяснения логики естествознания обратил Г. П. Аксенов [2, с. 280—281, 291]. Этот сюжет интересует его с общеметодологической точки зрения, в частности, применительно к проблеме пространства-времени в научном творчестве В. И. Вернадского.

Г. П. Аксенов полагает, что В. И. Вернадский в своих дневниковых записях ведет речь о двух небольших мемуарах Пирса, а именно: «Как сделать наши идеи ясными?» и «Что такое прагматизм?» [2, с. 291]. Ученый анализирует высказывания В. И. Вернадского больше в контексте прагматизма как философского течения, а не собственно семиотики. Однако трактовка мыслей ученого через призму семиотического видения мира позволяет проследить фундаментальную связь между концепцией биосферы и теорией ноосферы, которые в итоге слились в учение о переходе биосферы в ноосферу. Вспомним здесь ставшую знаменитой фразу Ч. С. Пирса: «Вся Вселенная перегружена знаками, если только она не состоит исключительно из знаков» (цит. по: [18, с. 46]).

Подход, сформулированный в этих семиотических исследованиях Ч. С. Пирса, а также психолого-педагогических работах Дж. Дьюи (одного из авторов концепции философского прагматизма), наводит В. И. Вернадского на важные мысли по поводу обоснованности его логического подхода к процессам, протекающим в биосфере и связанным с ее переходом в ноосферу.

Именно в 1932 году В. И. Вернадский запишет на страницах своего дневника: «Сейчас я *отбросил философию* и взял ее как *эмпирическое научное обобщение*» [6, с. 321], хотя представление об эмпирических понятиях и обобщениях, по его собственному признанию, было введено в научный оборот гораздо раньше, еще в 1926 году. Интересно, что именно в этом году ученый впервые при открытии Комиссии по истории знаний вводит понятие о ноосфере [там же].

В. И. Вернадский одним из первых в истории мировой науки осуществил научное семиотическое исследование. «В научном охвате природы, — писал ученый, — исходят из <...> основного положения — о причинной связи всех явлений окружающего, сводят все явления к единому. Существование факторов, "от среды" независимых, в науке не принимается, исходя из признания единства реальности, единства космоса» [7, с. 46]. Получается, что все многообразные явления природы указывают в конечном итоге на некое единое означаемое, которое скрывается от разума человека за этими знаками Вселенной. Возникает образ гигантской космопланетарной пирамиды знаков Вселенной (Универсума). Введенный В. И. Вернадским термин «эмпирическое обобщение» может рассматриваться как семиотическая трактовка знаков («обобщение знаков») биосферы (ноосферы) в рамках научной парадигмы знания.

Позднее В. И. Вернадский возвращается к проблематике логики естествознания в своей «книге жизни» — «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (работа над ней началась в 1935 году) — в научной плоскости. «Напрасно мы стали бы искать изложения современной логики естествознания. Можно сказать, что ее нет. И если бы мы захотели задуматься над этим, то нам бы пришлось оставить в стороне огромную работу, которая идет и происходила в течение поколений в этой области, неправильно относимую к философии, и обратиться к Демокриту за несколько столетий до Аристотеля, основы логики которого более отвечают логике естествознания, чем логика, с

которой имеют дело современные натуралисты, построенная без их участия, и корни которой идут к Аристотелю» [10, с. 163].

И далее ученый размышляет над обнаруженным логическим несоответствием: «Демокрит, логика которого до нас не дошла, строил ее как логику вещей, т. е. реальных природных тел. Аристотель, хоть крупный натуралист, строил свою логику на логике понятий о вещах. Настоящая логика естествознания есть логика вещей, т. е. логика природных тел. Понятие о них иногда меняется чрезвычайно быстро» [там же].

Наиболее полное выражение логико-методологические поиски В. И. Вернадского нашли в его работе «О логике естествознания» (см.: [8, с. 99—102]), относящейся к более раннему периоду. В ней ученый делает важный вывод: «Логика естествознания, имеющая своей конечной задачей научное познание окружающей человека природы, прежде всего той планеты, на которой человек живет, — Земли и той ее среды — биосферы — области его жизни, с которой стихийно и неразрывно связан человек и его сообщества. Это познание тем глубже, чем больше человек может пользоваться одинаково двумя путями научного искания — *научным наблюдением и научным опытом*. И то и другое искание является в логике естествознания по существу *неизбежно эмпирическим*» [там же].

Однако В. И. Вернадский интуитивно ощущает, что логика, пусть даже не Аристотеля, а Демокрита, не может считаться универсальным инструментом познания окружающей реальности.

Ноосферная семиотика

Идеи В. И. Вернадского о сфере труда и разума цивилизованного человека, взятые как семиотическое исследование, формируются в лоне французской и русской религиозно-философских традиций: представлений П. Тейяра де Шардена (1881—1955) о ноосфере и идей П. А. Флоренского (1882—1937) о пневмосфере, которые также были наполнены глубоким знаково-символическим содержанием.

Поворотным, на наш взгляд, в этом отношении оказывается письмо П. А. Флоренского В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 года. В нем выражена мысль о неотъемлемой включенности знаковых и символических форм в космопланетарные процессы. П. А. Флоренский неоднократно подчеркивает, что В. И. Вернадский занимается «наукой о космосе», который «почти ограничивается биосферой». В письме философ развивает идею В. И. Вернадского об особой изотопичности живого вещества в контексте учений платоника Ксенократа, епископа Немезия и идей Григория Нисского, который развивает теорию сфрагидации — наложения душой знаков на вещество.

«Со своей же стороны, хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в *круговорот культуры* или, точнее, *круговорот духа* (курсив мой. — Д. С.). Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли подлежит сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и особой соответственной сферы вещества в космосе» (цит. по: [11, с. 588]).

Как ученый В. И. Вернадский в начатой после этого письма работе «Научная мысль как планетное явление» в качестве главного вещественного образования, проработанного духом, рассматривает не искусство, а научную мысль, впервые придавая ей, по сути, космопланетарный характер. Думается, что можно вести речь и о мысли в целом, раскрывающейся в различных типах рациональности: мифологической, религиозной, философской, художественной, к чему В. И. Вернадский приходит в последние годы жизни, и что, на наш взгляд, находит свое выражение в термине «научная вера».

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что идея культурной биогеохимической энергии, которая появляется у В. И. Вернадского в середине 30-х годов, есть своеобразное развитие мыслей, высказанных П. А. Флоренским. «Эта форма биогеохимической энергии присуща не только *Homo sapiens*, но и всем живым организмам. Однако в них она является ничтожной по сравнению с обычной биогеохимической энергией и едва <...> сказывается в балансе природы, и то только в геологическом времени. Она связана с психической деятельностью организмов, с развитием мозга в высших проявлениях жизни и сказывается в форме, производящей переход биосферы в ноосферу только с появлением *разума*» [7, с. 127].

Как бы в ответ на мысли П. А. Флоренского о «космичности» биосферы в 1940 году В. И. Вернадский пишет: «Допускаю в Космосе существование живого вещества (может быть, с “разумом”) и полагаю, что наш человеческий разум не есть *конец* — (венец) — эволюционного процесса» [16, с. 39]. При этом, если жизнь понимать как совокупность реальных живых организмов, то «“космическая жизнь” (так понимаемая) не может дать “космического сознания”» [там же].

Именно идея пневматосферы явилась для В. И. Вернадского тем недостающим звеном, которое помогло ему перекинуть мост от биосферы в ноосферу, в которой определяющую роль играет человек как разумное живое вещество, созидающее культуру.

В работе «Научная мысль как планетное явление» мы обнаруживаем следующие строки: «Мы видим и знаем — но знаем бытовым, а не научным образом, что научная творческая мысль выходит за пределы логики (включая в логику и диалектику в разных ее пониманиях). Личность опирается в своих научных достижениях на явления, логикой (как бы расширенно мы ее ни понимали) не охватываемые.

Интуиция, вдохновение — основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, — не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе.

В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание.

Сейчас это область философских построений, кое-что выяснивших, но в общем область этих явлений находится в хаотическом состоянии» [7, с. 146]. В. И. Вернадский отводил научной интуиции важное место даже в собственных исследованиях. Так, у В. П. Зинченко мы находим интересное замечание: сам В. И. Вернадский писал, что он не знает, чем живое вещество отличается от неживого, но никогда не ошибается, отличая одно от другого [12, с. 50]. Действительно, в рамках биосферно-ноосферного видения мира

природа, человек — всё живое схватывается в восприятии целостно и практически мгновенно, симультанно.

В. И. Вернадский так описывает процесс «семиотизации» научного знания: «Мы видим только, что огромная область явлений, имеющих свой научно закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы — и еще более ноосферы — мир художественных построений, несводимых в некоторых частях своих, например в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям — оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [7, с. 147]. Управление этим мало отражающимся в логике аппаратом познания для научного понимания реальности есть дело будущего науки.

В. И. Вернадский постоянно и упорно ищет научный выход, который бы совместил его биосферные искания с учением о ноосфере, которое он впервые озвучил в 1926 году. Эта тема не дает ему покоя. Особенно хорошо это видно из переписки ученого с коллегами, например с Б. Л. Личковым.

В 1940 году Вернадский пишет: «Пирс — сын знаменитого американского математика и сам крупный математик — считается одним из основателей прагматизма, но прагматистом он, очевидно, не является. Сейчас вышла впервые (он умер в 1914 г.) первая книга об его философии, и там она называется эмпирицизмом. Я ее выписал. Может быть, она окажется ближе к моим философским исканиям, чем философский скептицизм» [16, с. 11]. Забегая вперед, скажем, что термин «эмпирицизм» в отношении творчества Ч. С. Пирса не приживется и он станет известен как основоположник американской семиотической школы в философии.

В этот период творчества, который можно условно назвать «ноосферная (эйдетическая) семиотика», В. И. Вернадский тяготеет к иным формам эмпирических обобщений. Это уже не те формы, которые характерны для «Биосферы», трудов биогеохимической лаборатории, они гораздо глубже. Они касаются уже не биосферы с ее живым веществом, а ноосферы и ее разумного живого вещества. В 1940 году Вернадский пишет: «Я думаю, что бессловесно и бессознательно я в научной работе проникаю так глубоко, как не проникает философ и религиозный мистик-мыслитель, словесно мыслящие» [16, с. 40]. Вернадский подходит к познанию и пониманию феноменов, которые принципиально невербализуемы и в силу этого не могут быть предметом изучения «официальной» наукой. Именно здесь рождается столь дорогая уму и сердцу ученого ноосфера, которую он рассматривает исключительно как эмпирическое обобщение. На самом деле ноосфера у Вернадского предстает как обобщение эйдетическое, не столько логическое, сколько вне-рациональное, ощущаемое, понимаемое, но трудно выразимое.

Ноосфера в последних письмах и дневниковых записях мыслителя — некий символ, заклинание, знак. «На будущее я смотрю очень оптимистично. Ноосфера есть реальная вещь» — примерно в таком ключе заканчивается большинство последних писем В. И. Вернадского [16, с. 178]. Следует обратить внимание на тот факт, что ноосфера упоминается им чаще всего применительно к будущему как некое состояние-аттрактор, но вместе с тем и реальное.

Ноосфера — знак будущего, которое в некоторых своих ипостасях уже приоткрывается человечеству, при этом направляя развитие цивилизации по определенному руслу. В 1944 году Вернадский пишет Б. Л. Личкову следующие строки: «...я думаю, что ноосфера есть эмпирическое обобщение, которое должно выразиться в реальных формах» [16, с. 204]. Своеобразный

перечень этих реальных форм как «12 предпосылок ноосферы» представлен в статье А. Л. Яншина, включенной в книгу «Философские мысли натуралиста», вышедшую в 1988 году [20].

Ноосфера представляется Вернадскому реальностью потому, что она изменяет и направляет ход истории, как в рамках современных синергетических представлений будущее оказывает влияние на настоящее. Это ясно видно на примере отношения Вернадского к войне. Он считает (уже в самом начале боевых действий), что дело Гитлера безнадежно, но не в силу мощи Советского Союза и союзников, а по причине того, что Германия идет против стихийного геологического процесса, против ноосферы. «К большому для меня огорчению, я не могу здесь мотивировать во всей нужной силе вопрос о ноосфере, которую я считаю реальностью. Я думаю, что я прав. Этим объясняется моя полная уверенность в нашей победе и наступлении новой эры, если мы сделаем следствия из того, что происходит» [16, с. 118].

От эмпирики биосферы к эйдетике ноосферы

Проанализировав логику становления учения о переходе биосферы в ноосферу, можно выдвинуть предположение, которое объяснит отсутствие законченной концепции в этом вопросе. В. И. Вернадский опередил свое время не столько в метафорическом смысле этого выражение, сколько в общенаучном.

Он совершил своеобразную революцию в науке XX века: от *эмпирического* учения о биосфере, минуя *интуитивное* учение о семиосфере, он сразу перешел к *эйдетическому* учению о ноосфере. Это стало одновременно и исследовательской победой, и дало повод для критики «учения о переходе биосферы в ноосферу». Именно это превратило в умах некоторых ученых нашего времени сугубо научное открытие в мистическое предсказание, утопию с налетом религиозности.

В методологическом аспекте ученый прошел путь от понятия, суждения и умозаключения к ощущению, восприятию и представлению: от индукции и дедукции (что дало ему возможность создания биосферного естествознания), минуя аналогию (что не вылилось в обнаружение семиотической связи природы и культуры), до интуиции (что «превратило» биосферу в ноосферу).

Казалось бы, в размышлениях В. И. Вернадского «не достает» простой логики. На самом деле эта недостаточность связана не с «отсутствием логики», а с «измененной логикой» (по аналогии с «измененным состоянием сознания») — логикой не человека, но логикой самой жизни, самой биосферы. Исчезновение одного звена из логической цепочки *биосфера — семиосфера — ноосфера* привело к своеобразной аберрации, которая обусловила, в конечном счете, возникновение искаженной картины современной реальности у человека, привыкшего в «правильном» мышлении традиционно обращаться к логике «формальной».

Учение о знаках (семиосфере), как оно рождается во второй половине XX века, есть тот инструментарий, с помощью которого человечество в целом и каждый индивид в отдельности могут почувствовать и увидеть ноосферу. По меткому выражению Т. А. Себеока, «семиотика никогда не рассказывает, чем является мир сам по себе, но описывает, что мы можем знать о нем; другими словами, предмет описания семиотической модели — не реальность как таковая, а природа, приоткрытая в результате человеческого познания» [18, с. 33]. «Сквозь стекло смутно» обнаруживая и верно трактуя знаки разного уровня в

рамках нашей космопланетарной системы, человечество, само того не сознавая, выступает творцом ноосферы, модели ноосферно-семиотического видения мира.

Знак в работах Вернадского принимает последовательно три обличия, которые формируют и соответствующие семиотические уровни проникновения в реальность: обличие прошлого (кристаллы и минералы), обличие настоящего (живое вещество и биосфера) и обличие будущего (разумное живое вещество и ноосфера). Он начинает с минералов — знаков прошлого, затем переходит к биосфере — знакам настоящего и в итоге приходит к ноосфере — знаку будущего.

Сознание В. И. Вернадского, основания которого следует искать в его детстве, в его воспитании и образовании (самообразовании), прошло долгий путь: возникнув как сознание семиотическое, оно выросло до сознания семиологического, трансформировавшись впоследствии в семиосознание. Семиосознание В. И. Вернадского не есть простая сумма семиотического сознания и семиологического сознания. При синтезе этих двух структурных элементов у сознания возникает свойство, которое напрямую не выводимо из свойств его составных частей.

Соответственно, реконструируются три этапа творческого пути В. И. Вернадского. Первый этап — геологическая (натурфилософская) семиотика — охватывает период с окончания университета до 1920 года и связан с формированием семиотического сознания. Второй этап — биосферная (эмпирическая) семиотика — реализуется в рамках начала 1920-х и середины 1930-х годов и предполагает возникновение семиологического сознания. Третий этап — ноосферная (эйдетическая) семиотика — занимает последние годы жизни мыслителя и соответствует уровню семиосознания в целом.

Именно внутренняя связь биосферного, семиосферного и ноосферного аспектов в творчестве В. И. Вернадского позволили Вяч. Вс. Иванову сформулировать основные принципы современной ноосферологии, в которых утверждается представление о том, что «единство современного знания обнаруживается <...> в сходстве принципов, определяющих вектор последующего развития: антропного принципа в физике, согласно которому значения космологических параметров уникальным образом благоприятны для развития жизни и разума; принципа Дана—Вернадского, по которому в ходе геологического времени непрерывно изменяется в сторону усложнения центральная нервная система (мозг); наконец, предложенного в последнее время семиотического принципа, согласно которому, в конечном счете, (при наличии тупиковых ветвей и длительных остановок, а также циклов, известных и в других сферах эволюции) в истории культуры отбираются именно те знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского)» [14].

Процесс перехода биосферы в ноосферу, рассмотренный через призму семиотики и представлений о знаках Вселенной, оказывается адекватным кластеру принципов современного естествознания, дающему возможность понимания и объяснения путей развития человеческой цивилизации в рамках современных глобализационных процессов.

Семиосознание и семиотическое мышление Вернадского позволяют говорить не только о научном и религиозном, но и образном, знаковом и символическом понимании ноосферы, что обеспечивает глубинные формы ноосферного дискурса. Семиосознание помогает более глубоко понять процессы формирования ноосферы и саму *ноосферу как непостижимое* не только в контексте XX, но и в контексте наступившего XXI века.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Вернадский. М., 2001.
2. Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространств : историко-научное исследование. М., 2006.
3. Баландин Р. К. В. И. Вернадский. М., 1987.
4. Баландин Р. К. Поиски истины : жизнь и творчество В. И. Вернадского. М., 1983.
5. Вернадский В. И. Биогеохимические очерки, 1922—1932 гг. М. ; Л., 1940.
6. Вернадский В. И. Дневники: 1926—1934. М., 2001.
7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
8. Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. М., 1980.
9. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1968.
10. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987.
11. Владимир Вернадский : жизнеописание, избранные труды, воспоминания современников, суждения потомков. М., 1993.
12. Зинченко В. П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Самара, 1998. Ч. 1 : Живое знание.
13. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1990. Т. 1.
14. Иванов Вяч. Вс. О выборе веры в Восточной Европе. URL <http://www.paganism.ru/choise-f.htm>.
15. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский, 1863—1945 гг. М., 1982.
16. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым (1940—1944). М., 1980.
17. Пирс Ч. С. Избранные произведения. М., 2000. [*Peirce Ch. Collected papers. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931. Vol. 1 : Principles of philosophy. 393 p.*]
18. Себеок Т. А. Культура и семиотика : учение о знаках // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995.
19. Сиверц ван Рейзема Я. В. Философия планетаризма : планетарный разум земной цивилизации. М., 2005.
20. Янин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

ББК 87.812.2

*М. Ю. Тимофеев***ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РУССКОСТИ
В СССР НА РУБЕЖЕ 1930—1940-х ГОДОВ**

В 1960-е советскими были и Пушкин, и Пугачёв, и Илья Муромец, утверждали известные публицисты Петр Вайль и Александр Генис. «“Советский”, “русский”, “хороший”, “наш” — всё это синонимы», — писали они [1, с. 113—114]. В настоящей статье будет рассмотрено то, каким образом происходило включение символического визуального ряда «русскости» в контекст «советскости» в конце 1930-х — начале 1940-х годов.

Следует уточнить, что следует понимать под понятиями «русскость» и «советскость». Из многочисленных значений слова «русскость» актуальными для рассматриваемой темы являются два. Во-первых, этничность как соотнесенность с русским этносом, народом, т. е. характеристиками, которые используются для идентификации определенной группы — русских. Во-вторых, совокупность характеристик этой этнической группы, отсылающая к истории России до Петровских реформ. «Русскость» и «советскость» будут

© Тимофеев М. Ю., 2009

рассматриваться мной с помощью системного подхода в интерпретации А. И. Уёмова [15], адаптированного к анализу неформализованных систем И. В. Дмитриевской [4]. Любая система имеет три уровня организации — концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов системы). Специфика системы определяется концептом и структурой, субстрат играет подчиненную роль. Концепт и структура системы, являясь системообразующими компонентами, доминируют над субстратом. С одной стороны, рассмотрение русскости и советскости предполагает возможность их отличия от того, что русским и советским ни при каких условиях не является, а с другой — их сходства с теми способами социокультурной и социально-политической организации, которые имеют похожие модели внутренней структуры и отношений между ее элементами.

Концептом и русскости, и советскости является идея общности, цель которой — поддержание целостности сообщества, реализация на социальном субстрате идеи единства сообщества, его гомогенности. В первом случае это этническая общность, во втором — социально-политическая. В качестве структуры выступает отношение сообщества 1) к языку, 2) пространству (ассоциация с территорией), 3) времени (историческим событиям, обычаям и традициям), 4) ценностям, 5) этническим, религиозным, расовым и другим общностям и 6) другим сообществам. Перечисленные основания не более чем матрица, в которой в зависимости от характера знакового процесса могут быть задействованы отдельные элементы в разных конфигурациях.

Хотя в середине 1930-х многие в СССР помнили то, какой была страна до 1917 года, обращение к древности предполагало создание в рамках официального дискурса конструкта русскости в тысячелетней перспективе и включение ее в официальную советскую семиосферу. Таким образом, творение истории должно было дополняться ее изобретением, и партия ставит под контроль создание новой модели истории. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 года говорилось о том, что нужно «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями» [10]. Как отмечает Катриона Келли, «с самого начала возвращение “историзма” в школьную программу происходило одновременно с новым усилением государственного патриотизма» [6, с. 228—229].

После принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 года, требовавшего преподавать историю «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей» [9], появился учебник «История СССР». По словам Элизы Ваха, «власти в Советском Союзе были убеждены, что образование способствует созданию героев и героизма» [20, с. 546]. В течение 1930-х годов формируется матрица советского героического пантеона, обозначаются ее основные имена. В нее входят: 1) избранные герои революции и гражданской войны, 2) героические современники и 3) «идеальные фигуры» дореволюционной отечественной истории (см.: [14]). Третья составная часть героического пантеона начинает активно формироваться во второй половине 1930-х годов (подробнее об этом см.: [19]). По мнению Дэвида

Бранденбергера, помимо прочего, это было связано с разоблачением врагов «в рядах советского героического пантеона» [18]. «Советский Олимп» должен был, по его мнению, объединить Петра Великого, Александра Невского и Пушкина с Чапаевым, Дзержинским, Фрунзе, Щорсом, Енукидзе, Рыковым, Косаревым, Ходжаевым, Егоровым, а также многочисленными стахановцами в героической пантеон в стиле господствующей эстетики социалистического реализма [ibid.]. Неоднозначность исторических деятелей не являлась достаточным основанием для отказа от их легитимации как значимых фигур для нового образа нации и для власти, инспирировавшей создание этого образа.

Знакомство широких масс с визуальными образами новых советских героев было решено осуществлять с помощью наиболее мощного пропагандистского ресурса, имевшегося у власти, — кинематографа. 16 мая 1935 года Сталин обсуждал с директором Главного управления кинематографии Борисом Шумяцким вопрос о создании нескольких агитационных художественных фильмов, которые могли бы быть запущены в прокат в случае военной мобилизации против основных предполагаемых противников — Японии, Германии и Польши. Предлагалось создание особого кинематографического «мобзапаса» [8, с. 47—48]. Здесь следует отметить, что в истории японо-российских отношений трудно было найти величественные победы, в то время как западные интервенции не имели в России долговременного успеха. Отмечу также, что победоносная война с Наполеоном первоначально не рассматривалась как актуальное историческое событие. В результате реализации политического заказа на рубеже 1930-х и 1940-х годов были созданы фильмы «Петр Первый» (реж. В. Петров, 1937, 1939), «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн, 1938), «Минин и Пожарский» (реж. В. Пудовкин, М. Доллер, 1939), «Суворов» (реж. В. Пудовкин, М. Доллер, 1941). Пользуясь известными песенными строками Василия Лебедева-Кумача, можно сказать, что «когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой».

Диахрония в реализации госзаказа ярко проявилась в творчестве Сергея Эйзенштейна. Для работы над исторической кинокартиной режиссеру были предложены на выбор Минин и Пожарский, Иван Сусанин и Александр Невский [16]. Решение Эйзенштейна было продиктовано, в частности, тем, что источников по истории XIII века сохранилось немного, и это обстоятельство позволяло в большей степени проявить художественную самостоятельность. Дело в том, что сам посыл госзаказа провоцировал художника на создание исторических параллелей. В этой связи очень спорным является высказывание французского литератора Робера Бразийяка, занимавшего в 1935—1936 годах должность министра кинематографии в правительстве Пьера Лаваля, который писал:

В глубине, при всем своем политическом резонансе, со своим культом героя и символов прошлого, «Александр Невский», в реальности — прекраснее, чем «фашистские» фильмы. Ничто не напоминает о марксизме в этой военной песне славянского народа, и белокурый герой фильма займет место в нашей памяти не рядом с Лениным, и не с Петром Великим, но рядом с Роландом, Зигфридом, Парсифалем. Этот фильм следовало бы создать в нацистской Германии, если бы у нее был гений кино [12].

Эйзенштейн в статье «Александр Невский» пишет, что не по букве, а по духу событий XIII век дышит одной и той же эмоцией, что и мы [17, с. 170]. Сейчас уже нет необходимости доказывать, что фильм, будучи социальным заказом, полон аллюзий. Как отмечали историки, «картина, по суще-

ству, имела лишь самое общее отношение к тому историческому событию, которому была посвящена» [11, с. 454]. В одной из версий сценария, например, имелся другой, эпический финал, связанный с трагической смертью князя Александра: «Закатилось Солнце земли Русской. Гроб идет с плеча на плечо под звон колоколов по всей Руси Великой. Петр перевозит в Питер. Маркс пишет о нем. Мы его чтим» [16, с. 370].

Визуальные параллели сближали «русскость» и «советскость». Так, обнаружив, например, что русский шлем XIII века напоминает буденовку времен Гражданской войны, Эйзенштейн записывает, что в фильме непременно стоит обыграть эту ассоциацию [16, с. 332]. И если в историческом фильме совмещение советского и русского визуальных текстов сопряжено с определенными сложностями, то в живописи и графике интертекстуальные возможности гораздо шире.

Визуальные практики совмещения двух текстов характерны для плакатного искусства конца 1930-х и начала 1940-х годов. В этом отношении очень показательна серия из 6 плакатов художника Виктора Иванова (1909—1968), созданных в 1941—1942 годах, на которых кроме бойцов Красной Армии изображены русские воины, ведомые в бой Мининым и Пожарским, Александром Невским и Дмитрием Донским, Суворовым и Кутузовым [13].

В работах Иванова 1941 года использованы образы Мининого и Пожарского. Композиция плакатов построена следующим образом: на переднем плане — воины Красной Армии, на заднем — воины XVII века. Последние, изображенные менее насыщенным цветом, возвышаются над красноармейцами. Это можно интерпретировать как то,

что они являются их небесными покровителями. Фигуры русских воинов-ополченцев выполнены в реалистической традиции и перекликаются с кино-образами, созданными в художественном фильме «Минин и Пожарский». Динамика движения тел направлена в левую сторону, символизирующую Запад. В верхней части плакатов славянской вязью написано: «Нет такой силы, которая поработила бы нас. Козьма Минин» и «Наша правда. Бейтесь до смерти! Дмитрий Пожарский», а внизу современным шрифтом на белом фоне: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков! И. Сталин». Это фраза из выступления на параде 7 ноября 1941 года. В заключительной части своего выступления Сталин сказал:

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! [5].

В 1942 году серию дополнили еще 4 работы: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет! Александр Невский», «Лучше честная смерть, чем позорная жизнь! Дмитрий Донской», «Бей, коли, гони, бери в полон! А. Суворов», «Подвигам доблести слава, честь и память. М. Кутузов». Изречение Сталина было использовано лишь на двух первых плакатах. Композиционно все они практически не отличались от работ конца первого года войны. Плакаты Виктора Иванова в полной мере реализовали идею синтеза двух временных пластов, ставших своеобразным палимпсестом сталинской пропаганды.

Следует подчеркнуть, что национальный дискурс не отрицал, а дополнял коммунистический дискурс (см.: [2, 3]). Причем последний выступал как доминирующий и системообразующий. Имена из дореволюционного прошлого России не просто возвращались в советское настоящее, вступая в некогда утраченные права. Это были новые, «изобретенные» образы героев прошлого. В процессе возвращения изменялась их семантика. Соединение советского и древнерусского — Чапаева и Александра Невского, Ленина и Пожарского в рамках одного дискурса вырывало образы каждого из них из аутентичного контекста времени и места, мифологизируя их.

Так, образ Александра Невского, созданный художником Павлом Коринным в 1942 году на одноименном триптихе, визуально напоминает внешность актера Николая Черкасова, сыгравшего роль князя в фильме Эйзенштейна. Использует визуальный ряд фильма и картина Владимира Серова «Ледовое побоище», написанная в честь 700-летия битвы. А учрежденные 29 июля 1942 года военные ордена Суворова 1, 2 и 3-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени и Александра Невского были выполнены в форме пятиконечных звезд. В частности, орден Александра Невского содержит обрамленный лавровыми ветвями портрет князя Александра, заметно отличающийся от уже имеющейся к этому времени советской иконографии этого исторического персонажа. Орден представляет собой красную звезду с серебряным ореолом.

Внизу портрета помещен щит с серпом и молотом. Симбиоз древнерусского и советского проявился и в плакате 1941 года художников Кукрыниксов с текстом Самуила Маршака «Бьемся мы здорово, колом отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева», композиционно идентичном работам Виктора Иванова. В верхней части плаката над идущими в атаку красноармейцами на черном фоне были изображены красные силуэты древнерусского воина, Суворова и Чапаева, чей образ, в свою очередь, был заимствован с плаката к фильму режиссеров Васильевых.

Как подчеркивал Юрий Лотман, «значение символа не есть нечто постоянное, и память культуры не следует представлять себе как некоторый склад, в который сложены сообщения, неизменные в своей сущности и всегда равнозначные сами себе. В этом отношении выражение “хранить информацию” может своим метафоризмом вводить в заблуждение. Память не склад информации, а механизм ее регенерирования. В частности, хранящиеся в культуре символы, с одной стороны, несут в себе информацию о контекстах (resp. языках), с другой, для того чтобы эта информация “проснулась”, символ должен быть помещен в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение. Таким образом, реконструируемая информация всегда реализуется в контексте игры между языками прошлого и настоящего» [7, с. 618—619].

В предложенном мной обзоре визуальной пропаганды конца 1930-х — начала 1940-х годов показано, каким образом в этот период советский визуальный текст дополнялся образами русской истории, что привело в дальнейшем к смене семантики древнерусского текста в рамках советской культуры и его превращению в часть советского гипертекста.

Библиографический список

1. Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М., 1996.
2. Великий русский народ // Правда. 1937. 15 янв.
3. Волин Б. Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9.
4. Дмитриевская И. В. Мировоззрение как система // Сознание и теория мировоззрения : история и современность. Иваново, 1992.
5. И. В. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.
6. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое лит. обозрение. 2003. № 60.
7. Лотман Ю. М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
8. Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992.
9. О преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 16 мая.
10. Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе // Правда. 1932. 28 авг.
11. Рошаль Л. Некоторые проблемы историзма произведений киноискусства : на примере фильма «Александр Невский» С. Эйзенштейна // Тр. МГИАИ. М., 1970. Т. 28.
12. Руа Ж. «Александр Невский», подлинная история культового фильма (L'Humanite, Франция). URL: <http://www.inosmi.ru/translation/140737.html>.
13. Советский политический плакат. Виктор Иванов. М., 1952.
14. Тимофеев М. Ю. Советский народ : некоторые аспекты формирования семиосферы и номиносферы нации (1917—1941 гг.) // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы. Иваново ; Вологда, 2005.
15. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
16. Шенк Ф. Александр Невский в русской культурной памяти : Святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

17. *Эйзенштейн С.* Александр Невский // Избр. произведения. М., 1964. Т. 1.
18. *Brandenberger D.* From Proletarian Internationalism to Populist Russocentrism : thinking about Ideology in the 1930s as More than Just a «Great Retreat». URL: <http://www.getcited.org/pub/101056524>.
19. *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge (Mass.), 2002.
20. *Vaha E.* Producing Patriots. Heroic Stories and Individual Heroes as the Makers of the Soviet and Russian Identity in History Textbooks, 1950—1995 // *Ab Imperio*. 2002. № 3.

ББК 87.713

А. Л. Высоцкая

ПРОЯВЛЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Современному человеку кажется, что миф настолько удален от нашего техногенного мира, что мы почти не имеем опыта переживаний этих реальностей, а мифологическое мышление практически полностью вытеснено научным. Доминирование такого мнения связано с незнанием того, чем является миф. Древняя этимология слова «миф» восходит к санскриту — «заботиться о чем-то», «иметь в виду что-то». У Гомера насчитывается семнадцать значений этого слова, в том числе «предписание», «приказ», «назначение», «цель», «сообщение», «обещание», «просьба», «угроза», «защита», «мысль» [1, с. 80—81].

Обыденный уровень сознания трактует мифы как «сказки» о сотворении мира, о богах и героях, за которыми стоят фантастические представления о мире, об управляющих им богах и духах. Но миф — это одновременно и внутриязыковое и внеязыковое, явление. Это мысль, вещь, действие, существо, слово [2, с. 227], таким образом, миф — это особый способ понимания и переживания жизни. Сопоставимы ли миф и сознание советского общества?

На наш взгляд, следует разделить понятия *мышление, сознание и мифологическое мышление, мифологическое сознание*. Мышление — процесс активного целенаправленного социально опосредованного и обобщенного отражения действительности, результатами которого становятся решение задач, возникающих перед человеком, и достижение знания о существенных свойствах, связях и отношениях действительности. В мифологическом мышлении идет процесс активного целенаправленного социально опосредованного и в то же время синкретического восприятия окружающего мира. Этот синкретизм выражается в отождествлении природы и человека, в результате чего возникают представления о телесно-духовном единстве, а в дальнейшем задачей мифологического сознания станет, говоря обобщенно, установление и поддержание порядка в борьбе с хаосом.

Сознание человека, в том числе и мифологическое, включает в себя и уровни, имеющие генетически различный возраст, отличающиеся по способам осмысления места и роли человека в природе и социуме. Мифологиче-

© Высоцкая А. Л., 2009

ское сознание является определенной целостностью, что обуславливает необходимость определения конкретно-исторического типа связей, образующих целое. Обмен деятельностью и обмен информацией в рассматриваемый исторический период позволяют мифологическому сознанию объединять социум, проникая во все сферы общественной жизни.

Таким образом, мифологическое сознание представляет собой структурированную целостность с определенными видами взаимодействия и динамикой преобразования структурных элементов. В качестве исходных методологических установок, связующих звеньев структуры, выдвигаются:

1) материальный (экономический) параметр с его определяющей ролью общественного бытия по отношению к духовной жизни;

2) совокупность общественных норм и ценностей, отраженных в общественной мифологии и принуждающих выполнять требования социума.

Оба параметра предполагают рассмотрение мифологического сознания как системы с собственной внутренней организацией и заставляют определить степени сложности системы, выявить закономерности функционирования и отношения элементов, их взаимосвязи, свойства. Мифологическое сознание синкретично, полимодально, многомерно, поэтому затруднено выделение его структурных элементов, они условны в некотором смысле.

Мы рассматриваем мифологию как родовое свойство человека. Существуют две стороны проявления мифологического сознания: внутренний мир человека и внешняя предметность, выражающая мифологические идеи. Под этим углом зрения мифотворчество проявляется как развитие внутренней предметности, переводимой деятельностью в объектное бытие (объективированную предметность) в различных формах ее выражения. Человек всегда старается упорядочить представления об окружающем мире. Нередко реальность отражается в сознании в качестве образов, создающих мифологическую картину мира. Образы детерминированы наличной объективной реальностью, но они также являются детерминантой оформления мифологической картины мира, т. е. того, к чему стремится и чему подчинен человек в своей деятельности. «Принятие» мифа, осуществление жизнедеятельности по высшему образцу (например, жизнь вождя, героев революции и т. п.), формирует вектор активности и в процессе отражения, и в деятельности, и в принятии решений, и т. д., следовательно, формирует модель жизни.

Объективная реальность, ее образ, выраженный через мифотворчество и объективированный моделью жизни, и само советское общественное сознание находились в состоянии неустойчивого равновесия. Советский миф вбирал в себя также и объективный опыт, в определенной степени «программировал» жизнь советского общества на основе и по высшему образцу деятельности вождей и с помощью политических и идеологических запретов (табу), чем и определял циклическое возвращение в сакральный центр — место жизни или смерти и упокоения вождя, где находится пересечение революционного времени первотворения нового мира и порядка (перво времени и первопространства), где сосредоточены первоценности, символами которых становятся реликвии и заветы. Таким образом, в советском сознании присутствовали все базовые символы мифологического культурного кода. Они запускали тот механизм, который позволял транслировать мифологическую модель мира, представляющую собой единство созданной вождем и унаследованной его последователями деятельности.

В советских ритуалах закреплялись различные виды ценностей: предметные; ценности-свойства вещей; ценности-нормы, обычаи, табу; ценность-вождь (тотем); ценности-знания, без которых невозможны существование и деятельность (построение нового мира и дальнейшее его упорядочивание). Все это определяло особенности и черты советской личности.

Непосредственными партнерами человека являются другой человек и окружающий мир, в ходе их коммуникации происходит обмен и получение информации. Во время этого процесса в сознании советского человека активизировалась мифологическая картина мира, которая являлась результатом избирательного воздействия на мозг человека внешней и внутренней советской среды. В ходе коммуникации людей (например, в процессе совершения советских ритуалов — собраний, демонстраций и т. п.) происходило совместное восприятие ими ситуации, собственных действий, состояний, движений и т. д. Это было необходимо для формирования мифологических феноменов сознания у каждого члена социума. Повседневные ситуации, совместная предметная деятельность, язык, половозрастная общность эталонов поведения, общность картины мира, советской моды, ценностей, идей и целей порождали у представителей общества синхронные сходные психические состояния. Результатом этого становилось изменение или сохранение установок поведения отдельных групп или всего общества под воздействием советских стимулов (или страха), а также достижение сопереживания, согласия и т. п.

Советская модель ритуального поведения повторяла модель первобытных инициаций, т. е. обрядов перехода и смены социального статуса (например, принятие в октябрята, пионеры, комсомол, компартию), приобщала избранных к сакральным ценностям и заветам, выравнивала уровни осознания картины мира. Общение, происходившее в советских ритуалах, приводило к появлению одинаковых переживаний у участников. В ритуальных коммуникациях органически соединялись материальное и духовное и происходила преобразовательная деятельность отдельных индивидов с определенной ценностной ориентацией, обладающих сакральным знанием. Таким образом, мифологическое сознание в советском обществе представляло собой относительно автономную, самоуправляющуюся систему циркулирования специфической, не перекодируемой информации, все звенья которой были скреплены сетью обратных связей.

Миф выражал мироощущение, мировосприятие и миропонимание эпохи его создания. В советском обществе происходил процесс осмысления «себя» как неотъемлемой части «мы». В то же время действовали бинарные оппозиции. Деление на «свой» и «чужой» свидетельствует о процессе самоотстраненности, определенной степени отчуждения от всего другого буржуазного мира. Такой советский коллектив представлял собой некоторую замкнутость, живущую по своим социалистическим законам.

Советский человек жил в мире, подчиненном мифологизированной идеологии. Она упорядочивала все стороны его жизни и определяла для каждого социальную роль, выявляя соответствующие характеристики деятельности, вырабатывая качества, необходимые для выполнения «социального заказа», и производя отбор таких индивидов, которые более всего подходили для данной деятельности (например, появление партийной номенклатуры). Мифологизированная идеология влияла на мотивацию поступков, побуждений, на взаимоотношения, деятельность, удовлетво-

ренность ею, систему ценностей, моральное состояние. Она определяла социально-психологический характер социума. Через призму мифологизированной идеологии осуществлялся отбор нужной информации, шел анализ информации и выбор действий. В ней содержались и информация, и инструкция, и мотивация, и ценностные критерии; через нее общество приходило к принятию решения.

С другой стороны, часть общества воспринимала такой процесс как вживание инородного тела в социальный организм. Это было следствием того, что сознание человека часто воспринимало советскую действительность как искусственное состояние и стремилось выйти за рамки официальной идеологии. Результатом этого, возможно, стало появление диссидентства.

Библиографический список

1. Тахо-Годи А. А. Платон и его эпоха. М., 1979.
2. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1976.

РЕЦЕНЗИИ

О. А. Ужова

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ПЕРЕВОДА

Рец. на кн.: *Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода.* — М. : Академия, 2009. — 176 с.

Трудно представить себе стол переводчика без хороших словарей, причем уровень переводческой квалификации находится в обратной зависимости от количества обращений к справочникам: чем выше мастерство, тем чаще приходится обращаться к словарям различного рода для более тонкого отражения оттенков значений и четкой и неоднозначной передачи технической терминологии. Выход в свет рецензируемого учебного пособия, рекомендованного Научно-методическим советом по иностранным языкам Министерства образования и науки РФ, где впервые в тесной связи рассматриваются аспекты перевода, терминоведения, терминографии и лексикографии, следует признать значимым событием в сфере гуманитарного высшего профессионального образования.

Важной в этой связи представляется первая глава — *«Лингвистические основы переводческой лексикологии и фразеологии»*. Поскольку книга в основном предназначена студентам вузов, весьма привлекательной выглядит четкая презентация основных понятий переводоведения и лингвистики — единиц перевода, слова, фразеологизма и термина.

Во многом хотелось бы согласиться с авторами: наглядное и убедительное представление различных подходов к фразеологизмам, подробный и в то же время доступный анализ теории термина закладывают хороший лингвистический базис для осмысления такого феномена, как стратификация национальных языков. Раздел, посвященный слову как основной единице перевода, пожалуй, мог бы быть более обширным: он занимает всего две страницы главы.

Вторая глава — *«Национальный язык и его функциональные разновидности»* — посвящена анализу LGP и LSP, стилевой дифференциации языков, терминологии и терминологии. Студенту, будущему переводчику, важно знать, как и почему термин LSP занял доминирующее положение не только в англоязычной литературе и материалах многочисленных международных научных форумов, что совершенно естественно благодаря его нынешнему статусу, но и во многих различных языках. Интересно, что его русский эквивалент — акроним ЯСЦ (язык для специальных целей) совершенно не популярен среди специалистов и не имеет сколько-нибудь широкого хождения.

Известно, что одним из важнейших различий между LGP и LSP является их стилевая дифференциация. Традиционные взгляды на LSP связывают их особенности с наличием (у LSP) и отсутствием (у LGP) в их составе специальной терминологии и с различающейся социально и профессионально терминологией в структуре сопоставляемых языков. Авторы подробно останавливаются на составляющих стратификации. Важным представляется вывод о том, что при переводе технических текстов специфические термины по числу

составляют менее трети. Таким образом, при подготовке технических переводчиков основной акцент следует делать на изучении общенаучной и общетехнической терминологии, а знание 30 % узкоспециальных терминов можно восполнить обращением к соответствующим терминологическим словарям.

Анализируя проблему различения «термин в специальной (профессиональной) сфере использования — термин в общелитературном окружении», авторы настаивают на необходимости дифференциации понятий терминология — терминологическая лексика (терминолексика). Известно, что отнюдь не все термины специальной сферы использования входят в литературный язык, а лишь те немногие, которые выражают понятия, преодолевшие профессиональную ограниченность и приобретшие с течением времени общечеловеческую значимость (ракета, космонавт, бюджет).

Еще одним аргументом в пользу различения терминологии и терминологической лексики служит количественное сопоставление: число терминов в LSP насчитывает миллионы, тогда как наиболее полное собрание лексики, например, современного русского литературного языка немногим превышает 160 тысяч лексических единиц.

Весомое различие между термином в LGP и термином в LSP состоит в их отношении к системности. Терминология безусловно является системным объектом. Термин существует лишь постольку, поскольку является членом этой системы. Но это справедливо лишь для термина в LSP, так как терминология изоморфно отображает систему понятий данной предметной области. Термин же в LGP свойством системности не обладает.

Следует отметить, что положение о двояком существовании термина нельзя отнести к популярному среди терминоведов, но убедительность аргументов заставляет принять точку зрения авторов.

Перевод, как известно, предполагает членение текста на составляющие его единицы перевода, которые в свою очередь функционируют в текстах в виде разнообразных вариантов. В связи с этим в третьей главе — *«Проблемы членения текста (речи)»* — читателю даются минимально необходимые сведения из теории вариантности и ее проявлений на лексическом, фразеологическом и терминологическом уровнях рассмотрения. Кроме того, руководствуясь настоятельной необходимостью соединения современного переводоведения с достижениями терминоведения и терминографии, авторы постарались представить в четвертой главе — *«Терминоведение и терминография»* — краткий обзор состояния и перспектив развития комплексной научной дисциплины — терминоведения, а также терминографии как науки и области деятельности по созданию самых разнообразных словарей терминов. В рамках этого рассмотрения проанализированы основные принципы терминографии: мега-, макро- и микроструктура специальных словарей, а также проблема семантизации единиц описания. Особое внимание уделено стандартизации терминологии и влиянию стандартов на термины и определения в переводческой деятельности.

Лексикографическая поддержка перевода представляется особенно актуальной в XXI веке, когда репертуар справочников может удовлетворять вкусам самого взыскательного пользователя. Квалификация переводчика во многом обусловлена знанием новых типов словарей, сочетающих в себе самую современную информацию об адресате, источниках словаря, языках входа и выхода, критериях отбора единиц описания в словнике, специфике метаязыка словарных статей, лексикографической форме справочника, его формате и объеме.

Очень интересна и полезна с практической точки зрения часть этой главы под названием «Типы терминологических словарей», где выделены группы одноязычных, двуязычных и многоязычных словарей. Переводчику необходимо знать, что по способу организации языкового материала в словнике терминологические словари бывают толковыми, частотными, идеографическими, иллюстративными, причем деление на виды обусловлено различными способами семантизации и методами представления материала. Каждый вид проиллюстрирован конкретными словарями, выпущенными российскими и зарубежными издательствами за последние несколько лет (с 1996 по 2007 г.).

В соответствии с предметной областью, описываемой в LSP, авторы представляют межотраслевые, отраслевые и узкоотраслевые словари. Здесь ими упомянуто 22 новейших словаря, вышедших в свет за последние 10 лет. Ученые ссылаются еще на одну группу справочников, которая в последнее время сформировалась в отдельную область терминографии и предназначена различным группам пользователей. Речь идет о представительной группе политехнических словарей, не только отражающих новейшие направления в лексикографии, но прежде всего регистрирующих и обрабатывающих термины ряда научно-технических дисциплин. Ценным является то, что и начинающим переводчикам, и профессионалам рекомендуются конкретные справочники для работы.

Важной и оригинальной является мысль авторов о том, что количество терминологических словарей и их виды, выпускаемые в России и за рубежом, свидетельствуют о характере развития страны и, что более важно, о тенденциях этого развития на современном этапе. Основываясь на данных, приведенных в учебном пособии, можно проследить следующую тенденцию издания LSP-словарей в России:

- LSP политики и международных отношений: 5 словарей (1992—2005),
- LSP бизнеса: 3 словаря (1997—2004),
- LSP финансов: 9 словарей (1997—2004),
- LSP экономики: 6 словарей (1992—2004),
- LSP коммуникаций, публик рилейшенз, рекламы: 10 словарей (1994—2005),
- LSP социальной работы, психологии, социологии, иммиграционной политики: 2 словаря (2001—2007),
- LSP юриспруденции: 13 словарей (1999—2007),
- LSP информатики и новых информационных технологий: 21 словарь (1997—2005),
- LSP науки и техники: 3 словаря (1998—2004),
- LSP авиации: 4 словаря (1995—2003),
- LSP автомобилестроения: 8 словарей (1996—2003),
- LSP машиностроения: 4 словаря (1997—2004),
- LSP строительства: 4 словаря (2001—2005),
- LSP энергетики: 7 словарей (2000—2007),
- LSP военного дела: 4 словаря (2000—2006),
- LSP морского дела: 4 словаря (2004—2005),
- LSP текстильного дела: 5 словарей (1961—2004),
- LSP медицины: 20 словарей (2000—2007),
- LSP математики: 4 словаря (1993—1994),
- LSP биологии: 4 словаря (1997—2003),
- LSP геологии: 5 словарей (1996—2003),
- LSP добычи нефти и газа: 5 словарей (1991—2006),

LSP физики: 2 словаря (2002—2005),
LSP химии: 6 словарей (1995—2006),
LSP экологии: 7 словарей (1999—2002),
LSP искусства, музыки, архитектуры: 2 словаря (1999—2005).

Таким образом, самый большой интерес в обществе вызывает терминологическая область информатики и новых информационных технологий — 21 словарь за 11 лет, далее следует сфера медицины — 20 словарей за 7 лет, юриспруденция занимает почетное третье место — 13 словарей за 8 лет. Следует отметить динамику роста интереса к проблемам экологии (с 1999 по 2002 г. издано 6 словарей), а также энергетики (с 2000 по 2007 г. — 7 словарей).

Заключительная, пятая глава — *«Общая лексикография и терминологические словари»* — открывается с презентации лексикографической картины Великобритании XXI в. Безусловно, эта глава является одной из самых значимых в пособии. Ведь переводчики, преподаватели, студенты не имеют полного представления о богатом репертуаре современных лексикографических трудов и нуждаются в надежном ориентире в мире современных справочников.

Авторы книги знакомят читателя с богатым и разнообразным британским словарным делом, четко выделяя ведущие тенденции в английской лексикографии, к которым относятся использование материалов электронных корпусов английского языка для составления словарей, обращение работников издательств к социологическим опросам пользователей с целью повышения эффективности информационного поиска, модификация мегаструктуры (наличие грамматических и лексических упражнений в составе словаря), изменения во вводной части (*front matter*) и приложениях (*back matter*), наличие компакт-дисков с фонетическими упражнениями и элементами письменной деловой коммуникации. Авторы словарей сегодня пришли к созданию новой лексикографической формы — толково-энциклопедического справочника. Важным для читателей пособия будет вывод ученых о расширении самого понятия лексикографии и трансформации ее в область деятельности по созданию справочных изданий (*reference science*).

Будущему переводчику следует знать о типологии словарей, поскольку она является основой выбора словаря для конкретных целей перевода. Во многом хочется согласиться с авторами, представившими классическую типологию Л. В. Щербы и новейшую типологию О. М. Карповой, но хотелось бы, чтобы студенты ознакомились и с классификациями западных ученых (Л. Згуста, Х. Касарес).

Говоря о словарях для специальных целей (*LSP dictionaries*), авторы подчеркивают, что к ним относятся не только справочники, описывающие определенную предметную область (информатику, экономику и т. д.), но и словари, регистрирующие и дающие лексикографическую разработку разных групп лексики (диалектизм, иностранных слов и т. д.). Представленное описание таких словарей, несомненно, заинтересует и начинающего переводчика и высококвалифицированного мастера перевода.

Руководствуясь правильным выбором словаря для перевода в совокупности с опытом и знанием логико-понятийного аппарата LSP отдельных областей, переводчик сможет преодолеть трудности перевода профессиональных текстов. При этом современный пользователь имеет в своем распоряжении не только электронные общие и специальные словари, но и большой набор различного рода справочников в Интернете, адреса которых также приведены в книге.

Безусловно, весьма важным для читателя будет и заключительный раздел пособия *Приложения*, где приводится ГОСТ на термины и определения, а также обширный, исчерпывающий список словарей по отдельным отраслям знания, перечень специальных словарей, энциклопедий, электронных словарей и энциклопедий, словарей в Интернете. Оба списка станут полезным инструментом для переводчика.

Труд «Лексические и фразеологические аспекты перевода», рекомендуемый Научно-методическим советом по иностранным языкам Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия, достоин самых высоких похвал и, несомненно, будет востребован и в сфере высшего профессионального гуманитарного образования, и среди переводчиков-практиков.

Т. И. Ретинская

Рец. на кн.: Дебов В. М. Верлан — код французского рэпа : (о девиантном словотворчестве в молодежном социолекте). — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. — 224 с.

Словарь кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой романской филологии и латинского языка Ивановского государственного университета В. М. Дебова представляет собой первую в отечественной лексикографии попытку академической систематизации лексических единиц, созданных на основе оригинального лингвистического кода. В статье «Изучение французского аргю в России» Э. М. Береговская отмечает, что словарь верланизмов, которыми пользуется французский рэп, вводит в научный оборот результаты обследования совершенно нового и очень интересного материала — молодежного речетворчества конца XX — начала XXI века¹.

В предваряющей рецензируемый лексикографический труд вступительной статье автор, опираясь на работы авторитетных французских социолингвистов, описывает традиции французского рэпа, природу системного словообразовательного приема, характеризует гермосоциум (термин В. С. Елистратова), представители которого возродили и активно используют верлан.

Материалом исследования послужили музыкальные композиции ведущих французских рэп-исполнителей, таких как Booba, Fabe, Fonky Family, IAM, Ideal J, La Cliqua, Les Sages Poètes de la Rue, Mc Solaar, NTM, Passi, Sléo, Sniper, Stomy Bugsy и многих других (всего в списке названо 113 рэп-групп и рэп-исполнителей).

Следует упомянуть, что это уже вторая книга В. М. Дебова, посвященная одному из способов кодирования в субъязыке. Изданный в 2006 году «Словарь верланизмов современного молодежного французского языка» по достоинству оценен российскими арготологами и активно исследуется будущими специалистами-романистами. Члены научной студенческой лаборатории «Французское молодежное аргю» факультета иностранных языков Орловского государственного университета с большим интересом изучают этот

¹ Береговская Э. М. Изучение французского аргю в России // Лексика и лексикография. 2009. Вып. 20. С. 22.

словарь и используют его для написания многоступенчатых научных проектов, курсовых и выпускных квалификационных работ.

Лексикографическое издание «Верлан — код французского рэпа» включает около 1000 лексем, образованных путем верланизации. Развернутые словарные статьи состоят из нескольких блоков, среди которых особенно стоит выделить блок комментариев и блок контекстов. Ценным является отражение произношения верланизированных слов, цитирование всех случаев графического варьирования арготических лексем, маркировка частотности употребления верланизмов. Автор уделяет внимание и функционированию внутрисистемного варьирования лексических единиц в языке обозначенной референтной группы: в словаре отражены все случаи лексической синонимии. Отдельные словарные статьи включают верланизмы-антонимы, верланизмы-омонимы и верланизмы-паронимы.

Несмотря на то что использование верлана сконцентрировано в столице и ее пригородах, в других регионах Франции о нем знают и без труда декодируют прежде всего те верланизмы, которые были использованы популярными рэп-группами.

Детальный анализ лексических единиц, зафиксированных в словаре В. М. Дебова, подтверждает точку зрения Д. Франсуа-Жежер, согласно которой «современный верлан часто приблизителен, отклоняется от правил ... что заставляет говорить о неоверлане»². Верланизирующие вынуждены изменить функционирование криптоического механизма в силу того, что нарушается герметичность и слова с кодом проникают на страницы периодических изданий и художественных произведений, включаются в общенациональные словари, становятся понятными всем носителям языка. Вместе с проникновением лексических единиц в широкую аудиторию происходит расшифровка кода. Любители верлана лишаются средства обособления и пытаются изменить конституирующий принцип. Активное использование данного словообразовательного средства свидетельствует о доминировании трех функций: репрезентативной (стремление заявить о себе другим референтным группам), криптолалической (интенция закрыть непосвященным доступ к информации) и людической (желание смоделировать языковую игру).

Одна из примет французского молодежного неоарго — широкое внедрение такого словообразовательного приема, как отсутствие флективных показателей глагола. Модели, по которым формируются неизменяемые глаголы, разнообразны, но доминируют глагольные группы, образованные на основе верланизации глаголов из общенационального фонда и на основе верланизации и реверланизации глаголов из общего арго. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи нового лексикографического труда В. М. Дебова. Зафиксированы в рецензируемом словаре и лексемы, образованные путем сочетания кодирования и других системных или спорадических механизмов словотворчества (редупликации, усечения, энантиосемии и др.).

Современных французских рэп-исполнителей можно с полной уверенностью назвать законодателями вербальной моды в молодежной среде. Словарь отечественного лексикографа — очень ценное издание, позволяющее выявить основные концепты, на которых базируется творчество современных французских рэп-авторов, детально эксплицировать новейшие языковые пре-

² *François-Geiger D. Argots : la cohabitation // Europe. 1990. № 738. P. 34.*

образования и определить словообразовательный потенциал французского языка в целом.

Дни российско-немецкой дружбы в Иванове

Преподавание иностранных языков в нашей стране переживает в настоящее время сложный период коренной перестройки. Внезапное и радикальное изменение социальной жизни в России, ее стремительное вхождение в мировое сообщество обусловили актуальность проведения новой языковой политики, а именно осознание того факта, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Как подчеркивает декан факультета иностранных языков МГУ профессор С. Г. Тер-Минасова, главными условиями эффективности межнационального общения являются взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации.

Что касается преподавания немецкого языка в школах нашего города и области, то можно с уверенностью сказать, что большой вклад в достижение вышеназванных целей и задач вносят Дни российско-немецкой дружбы, проводимые в Иванове уже в течение 14 лет. Их организаторами являются Ивановское отделение Российского фонда мира, Департамент образования Ивановской области, кафедра немецкой филологии факультета РГФ ИвГУ, «Общество друзей г. Иванова» (Мюнстерланд, ФРГ).

О масштабности и многоплановости этого мероприятия говорит тот факт, что оно проходит ежегодно в течение трех месяцев (с сентября по декабрь) и предполагает проведение самых разнообразных конкурсов на немецком языке, например конкурс чтецов немецкой прозы и поэзии, конкурс театральных миниатюр, конкурс иллюстраций к произведениям немецкой литературы и многие другие. Второй год проводится радиоконкурс «Встречи с Германией», состоящий из 3 туров.

Следует отметить, что ребята с большим интересом участвуют в Днях российско-немецкой дружбы. Достаточно сказать, например, о конкурсе чтецов немецкой прозы и поэзии и конкурсе исполнителей песен на немецком языке, в каждом из которых в нынешнем учебном году участвовало более 60 человек, а на радиоконкурс поступило более 100 работ.

Большую и серьезную работу по оценке выступлений ребят на конкурсах, а также ответов, присланных на радиоконкурс, выполняют преподаватели кафедры немецкой филологии — зав. кафедрой доцент Н. Д. Миловская, председатель жюри доцент О. Д. Гакен и члены жюри доцент Г. Е. Красикова, старший преподаватель Т. Н. Шерышева и старший преподаватель Л. Г. Калинина.

Наши немецкие коллеги предложили в этом году ребятам написать креативное письмо на тему «Как сохранить мир на Земле?» (это был вопрос III тура радиоконкурса). Познакомившись с лучшими ответами на этот вопрос, г-н Дитер Шторк, председатель «Общества друзей г. Иванова», выразил мысль о том, что эти работы должны получить известность в Германии, а в будущем стать предметом дискуссий молодежи обеих стран. Это ли не диалог культур?!

Торжественное закрытие Дней российско-немецкой дружбы обычно проходит в декабре, но работа на этом не заканчивается. Ребята продолжают

совершенствовать свои знания по немецкому языку, ведь летом победители конкурсов встретятся со своими немецкими сверстниками в Международном лагере мира, который будет организован Департаментом образования нашей области на базе оздоровительного центра «Березовая роща».

В лагере мира школьников ждет работа над совместным проектом «Вместе преодолеваем границы», участие в различных конкурсах и соревнованиях, где от них потребуются три «Т» — Терпение, Терпимость, Толерантность, без которых невозможна культурная коммуникация.

Г. Е. Красикова,
доцент кафедры немецкой филологии ИвГУ

Семинар «Профессиональная коммуникация и перевод» на базе Немецкого культурного центра им. Гёте

Гёте-институт является учреждением культуры Федеративной Республики Германия, отделения которого работают во многих странах мира. Его деятельность направлена на популяризацию немецкого языка за рубежом и расширение международного сотрудничества в области культуры.

Языковой отдел Гёте-института предлагает обучение на курсах немецкого языка, организует мастер-классы и семинары, которые нацелены на повышение квалификации преподавателей немецкого языка. В подобных семинарах ежегодно принимают участие преподаватели кафедры немецкой филологии ИвГУ. Этот год также не является исключением.

С 6 по 8 апреля 2009 года Немецкий культурный центр им. Гёте проводил в Москве семинар, посвященный проблемам преподавания перевода в сфере профессиональной коммуникации («Berufskommunikation und Übersetzen»). В семинаре принимали участие преподаватели вузов разных городов России, в том числе Орла, Смоленска, Костромы, Белгорода, Череповца, Ижевска, Нижнего Новгорода и др. Компетентные руководители семинара — специалист из Германии Дирк Бергшнайдер и профессор Галина Скрипкина — познакомили участников семинара с недавно вышедшим в свет учебником «Übersetzen in Berufskommunikation» и новыми подходами в методике и дидактике обучения письменному переводу будущих специалистов.

Как свойственно всем семинарам Гёте-института, прошедшее мероприятие отличалось оригинальной формой. От участников семинара требовалось проявление творческой активности, участие в дискуссиях по проблемам анализа и перевода текста. Кроме того, все представители вузов разрабатывали дидактические материалы по текстам. Всё это являло собой своеобразный обмен опытом преподавания перевода.

Сотрудничество кафедры немецкой филологии с Немецким культурным центром им. Гёте, выступающим в качестве консультанта по вопросам планирования и организации занятий, на этом не прекращается. В ближайшее время преподаватели кафедры снова примут участие в мероприятиях этого института.

Н. Ю. Хорецкая,
доцент кафедры немецкой филологии ИвГУ
Е. А. Якимова,
доцент кафедры немецкой филологии ИвГУ

2008—2009 год стал юбилейным для факультета РГФ. В течение 10 лет продолжается совместная деятельность кафедры английской филологии, возглавляемой доктором филологических наук, профессором О. М. Карповой, с посольством США в Москве. В рамках этого сотрудничества проводится ежегодный научно-методический семинар «ELT Professional Development», а также другие мероприятия для преподавателей города Иванова и области.

8 декабря 2008 года состоялся X научно-методический семинар. Перед участниками выступил старший сотрудник офиса английского языка посольства Джон Скафиди с презентацией на тему «Методика сотрудничества, работа учащихся в малых группах (Team Work)». Учителя приняли активное участие в мастер-классе по данной проблематике.

23 января 2009 года состоялась конференция членов Ассоциации преподавателей английского языка города Иванова и Ивановской области. Перед учителями выступила заместитель заведующего офисом английского языка посольства США Е. Н. Лубнина. Она рассказала им о работе региональных отделений Российской ассоциации преподавателей английского языка. Участники конференции получили интересную информацию о различных совместных проектах, программах, в которых они могут принять участие. Презентация осуществлялась с привлечением интернет-ресурсов и вызвала живой интерес учителей. Члены Ассоциации учителей английского языка города Иванова и области получили ценные дидактические материалы, наглядные пособия, а также журналы «Forum» по методике обучения иностранным языкам.

Благодаря сотрудничеству с офисом английского языка посольства США в Москве кафедра английской филологии имеет возможность приобретения ценной учебно-методической литературы. На факультете романско-германской филологии ИвГУ создан американский ресурсный центр, который позволяет преподавателям школ и вузов использовать в учебном процессе различные аутентичные средства, включая аудио- и видеоматериалы.

Участие в научно-методическом семинаре позволяет учителям за короткий срок ознакомиться с разнообразием методических идей, дает возможность отслеживать новые тенденции методики преподавания, быть в курсе современных методов и приемов организации общения на уроках английского языка.

Отбор материалов, точно соответствующих интересам преподавателей, и использование активных форм работы с аудиторией (проблемных заданий, ролевых игр, творческих проектов) способствуют повышению уровня коммуникативной компетенции учителей.

В ходе семинаров развивается умение видеть связь между языком и культурой страны изучаемого языка, что является необходимым условием формирования социокультурной компетенции преподавателя. Как подчеркивает С. Г. Тер-Минасова в работе «Язык и межкультурная коммуникация» (М., 2000), «языки должны изучаться в неразрывном единстве с культурой народов, говорящих на этих языках... Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации».

Американские коллеги прекрасно владеют техникой публичных выступлений, риторическими приемами и языком жестов. Они успешно активизируют аудиторию, ведут диалог со слушателями, вовлекают их в активные формы работы. Отдыхать учителям не приходится. На семинарах происходит

непосредственный контакт с носителями языка в ситуации погружения человека в естественную языковую среду. Это, безусловно, положительно сказывается на повышении уровня владения иностранным языком как средством общения. В этих условиях у слушателей формируется творческая компетенция, позволяющая использовать языковые средства в различных контекстах спонтанно и на продуктивном уровне.

Эффективность процесса самосовершенствования зависит от готовности человека к интеграции в новую для него социальную среду. Понятно, что чем старше человек, тем сложнее адаптироваться к новой среде. Учителя понимают необходимость самосовершенствования, однако на этом пути возникает много трудностей: ограниченность времени, осознание того, что желание получить быстрый результат профессионального роста не может быть реализовано в короткие сроки. Поэтому учителя нередко демонстрируют желание получить знания в готовом виде, не пытаясь приложить усилия. Научно-методический семинар является эффективным инструментом поддержания мотивации взрослой аудитории и реализации краткосрочных и вполне конкретных задач повышения квалификации. Вначале мы видели растерянность учителей, неуверенность в своих силах, но по мере продвижения от одного семинара к другому у них появились ощущение прогресса, эмоциональный подъем, желание продолжать работу. По окончании каждого семинара учителя получают сертификаты как свидетельства их профессионального роста.

Практика преподавания — живой процесс, происходящий в изменяющемся мире. Способность воспринимать изменения и реагировать на них является неотъемлемой чертой преподавательской профессии. Находиться в постоянном тренинге, отслеживать новую информацию, учиться самому, не останавливаясь, — это основа профессии учителя. Чтобы формировать коммуникативную компетенцию учащихся, сам учитель должен иметь необходимый и достаточный уровень ее сформированности. Поэтому участие в научно-методическом семинаре, даже в роли слушателя, имеет огромное значение для профессионального роста преподавателей иностранного языка.

С. К. Бобринева,
доцент кафедры английской филологии
факультета РГФ

ХРОНИКА КАФЕДРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По и Гоголь: парадоксы типологии

Юбилейный вечер, посвященный 200-летию

со дня рождения Э. А. По и Н. В. Гоголя

2009 год порадовал всех людей, интересующихся литературой (в том числе преподавателей и студентов ИвГУ), совпадением двух уникальных дат — двухсотлетия со дня рождения Николая Васильевича Гоголя и Эдгара Аллана По. В 1809 году в разных частях света с интервалом всего лишь в два месяца (1 апреля и 19 января) появились на свет два великих писателя. Совпадение настолько знаменательное, что проигнорировать его было просто невозможно. Именно поэтому две литературоведческие кафедры ИвГУ — кафедра зарубежной литературы и кафедра русской словесности и культурологии — объединили свои усилия в подготовке к празднованию юбилеев Н. В. Гоголя и Э. По.

Идея проведения юбилейного вечера, посвященного 200-летию знаменитого американского романтика Эдгара Аллана По, созрела в недрах кафедры зарубежной литературы. Заведующая кафедрой доктор филологических наук, профессор, специалист по американской литературе **Ольга Юрьевна Анцыферова** вполне справедливо предположила, что студенты и преподаватели факультета романо-германской филологии, широко известного своей сильной базой в изучении английского языка и исследовании американской культуры, не могут остаться в стороне от этого громкого международного юбилея. Для осуществления замысла на кафедре сложилась исключительно удачная ситуация, поскольку здесь успешно работают два молодых и творческих преподавателя, которые заинтересовались этой идеей. Это **Марина Николаевна Павлова**, ассистент и аспирант кафедры, занимающаяся творчеством Эдгара По, выигравшая конкурс научных грантов ИвГУ и рекомендованная на стипендию Президента РФ, и кандидат филологических наук **Полина Владимировна Николаева**, защитившая в 2008 году диссертацию по творчеству Гоголя и вовремя напомнившая «зарубежникам», что 2009 год знаменателен не только юбилеем Э. По, но и юбилеем Н. В. Гоголя, подготовкой которого под руководством доктора филологических наук **Павла Михайловича Тамаева** занимается кафедра русской словесности и культурологии. Правомерность и оправданность проведения **совместных** юбилейных мероприятий была с энтузиазмом воспринята студентами и преподавателями обеих кафедр и обоих факультетов — и РГФ, и филологического. Был создан оргкомитет по проведению юбилейных празднеств. Параллельные размышления о двух гениях русской и американской литературы, разговор о них в плоскости диалога двух великих культур — российской и американской — являлись весьма заманчивой и плодотворной перспективой.

Юбилейный месячник начался с книжной выставки, посвященной двум писателям, организованной в читальном зале ИвГУ 1 апреля — в день рождения Н. В. Гоголя. Выбранная дата «обязывала» уходить от интонации юбилейных торжеств и отдавать дань Дню смеха тоже. Юбилейный вечер должен был сохранить атмосферу игры и интеллектуального поиска, вдумчивого прочтения классики и веселого анекдота, фундаментального научного исследования и сценической импровизации.

Идея юбилейного вечера заключалась в том, чтобы выяснить, что объединяет американского и русского писателей кроме года рождения. Организаторы праздника прекрасно понимали, что не искусственному в литературоведении человеку сопоставление *По и Гоголь* может показаться если не натянутым, то рискованным. Но уже одно из первых выступлений (это был доклад заведующей кафедрой зарубежной литературы профессора О. Ю. Анцыферовой) развеяло сомнения и убедило в обоснованности проводимых параллелей.

Родители Эдгара По были актерами. Отец, Дэвид По, слыл человеком слабым и бесхарактерным. Ремесло бродячего актера довольно быстро сломало его. Он спился, бросил жену и детей и умер в 26 лет. Мать, Элизабет Арнолд, была блистательной актрисой, прославленной исполнительницей ролей в шекспировских и шиллеровских пьесах. Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, отец Гоголя, писал комедии на украинском языке, в молодости играл в домашнем театре, а мать, Мария Ивановна, отличалась немалым артистизмом.

Начав печататься, оба не стали прятаться за псевдонимами, но слегка изменили свои имена и фамилии. Николай Васильевич стал подписываться просто **Гоголь**. Эдгар По назвал себя **Эдгар Аллан По** (второе имя Аллан добавилось в память об отчине — Джоне Аллане).

Литературный дебют происходит у обоих практически одновременно. В **1829** году появляются первые *стихотворные* произведения наших авторов. У Н. Гоголя это «Ганц Кюхельgarten» — стихотворная идиллия в картинах, у

Э. По выходит второе издание сборника стихов «Аль-Аарааф» (первое вышло в 1827 году и осталось никем не замеченным).

Оба писателя издают сборники новелл под сходными заголовками: у **Эдгара По** — «Гротески и арабески» (1840), у **Николая Гоголя** — «Арабески» (1835).

И Гоголь, и По любили **мистификации**, связанные с путешествиями, которых в действительности не было. Для одного из справочников Э. По написал «Автобиографическую заметку», в которой рассказал о своем вымышленном путешествии в Грецию, где он, подобно Байрону, якобы собирался сражаться на стороне восставшего народа. По его словам, до Греции он не добрался, а случайным образом попал в Россию, в Санкт-Петербург. Н. Гоголь также пересоздавал собственную биографию и выдумал, в частности, свое путешествие в Испанию и Португалию.

Период с осени 1831 по осень 1833 года — самый темный в жизни Эдгара Аллана По. Некоторые биографы предполагали, что на эти годы приходится его поездка в Европу. Хотя документально этот факт не подтвержден, биографам писателя до сих пор не дает покоя фантастическая теория о поездке По в Европу, в частности в Санкт-Петербург. Гоголь прибывает в Санкт-Петербург в конце декабря 1828 года. В 1831—1833 годах он жил в столице... Сама собой рождается гипотеза о том, что оба писателя вполне могли встретиться в одном из литературных салонов Северной Пальмиры. Сколько они могли бы рассказать друг другу, сколько у них нашлось бы общих тем...

Быть может, одной из них стала тема о **женщинах**. Станным образом для обоих *женское* было связано с идеей смерти. Э. По писал: «*Смерть прекрасной женщины, вне всякого сомнения, является наиболее поэтическим предметом на свете*». Это имеет биографическую подоплеку: *идея прекрасной женщины* с самого начала была окрашена у По в печальные, элегические тона в связи с ранней смертью его первой возлюбленной — матери школьного товарища, которую По называл Еленой, а также с преждевременным уходом из жизни его юной жены Вирджинии.

У Гоголя, по замечанию В. В. Розанова, тоже *только мертвые женщины по-настоящему привлекательны*. Эту особенность Розанов связывал с извращенным сознанием писателя (например, «Вий»).

Какое-то совершенно особое значение оба придавали образу **кошки**.

У Гоголя в «Майской ночи» кошка — это ведьма-оборотень, злая мачеха, падчерица отсекает ей лапу. Серая кошечка в «Старосветских помещиках» — причина смерти Пульхерии Ивановны. И тут также есть биографические истоки. Вот случай из жизни Гоголя:

«Было мне лет пять. Я сидел один в Васильевке. Отец и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня, да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался к уголку дивана и среди полной тишины прислушивался к стуку длинного маятника старинных настенных часов... Вдруг слабое мяуканье кошки нарушило тяготивший меня покой. Я видел, как она, мяукая, осторожно кралась ко мне. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, а мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрый светом. Мне стало жутко. Я вскарабкался на диван и прижался к стене. “Киса, киса”, — пробормотал я и, желая ободрить себя, соскочил и, схвативши кошку, легко отдавшуюся мне в руки, побежал в сад, где бросил ее в пруд и несколько раз, когда она старалась выплыть и выйти на берег, отталкивал ее шестом. Мне было страшно, я дрожал, а в то же время чувство-

вал какое-то удовлетворение, может быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и последние круги на воде разбежались — водворились полный покой и тишина, — мне вдруг стало ужасно жалко “кисы”. Я почувствовал угрызения совести. Мне казалось, что я утопил человека. Я страшно плакал и успокоился только тогда, когда отец, которому я признался в поступке своем, меня высек».

Разве это не напоминает одержимость героя новеллы Эдгара По «Черный кот», убившего собственную жену, которого преследовал, подобно совести, черный кот, невольный свидетель преступления? И герой По точно так же не нашел успокоения, пока не замуровал черного кота в стену.

Обоих писателей завораживал **большой город**. Достаточно вспомнить «Невский проспект» Николая Гоголя, этот блистательный образ многолюдной и шумной улицы («Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем...»), и новеллу «Человек толпы» Эдгара По, где большой город (Лондон) околдовывает человека, затягивает его в свой водоворот.

Жизнь воспринималась обоими писателями как **мучительный разлад между миром реальным и миром идеальным**. «Боже, что за жизнь наша! — Вечный *раздор между мечтою и существенностью!*» — восклицает Гоголь в «Невском проспекте». Герои Гоголя и По склонны принимать кажущееся, видимое за действительность: герой «Невского проспекта Гоголя» Пискарев принимает проститутку за неземное существо, «чудную» «Перуджинову Бианку», а потом, не выдержав разочарования, принимает опиум и раз за разом воскрешает ее идеальный образ в своем затуманенном сознании. Герой новеллы Эдгара По «Очки» стал жертвой подобного же самообмана, в чем смогли убедиться зрители, посмотрев инсценировку новеллы, сделанную дипломниками кафедры зарубежной литературы.

Оба художника настаивали на необычайно тесной взаимосвязи **искусства и жизни**. Выражением этого становится **тема портрета**, который оказывается более живым, чем оригинал, ведет полноценное существование и определяет судьбы главных героев («Портрет» Николая Гоголя и «Овальный портрет» Эдгара По).

Оба отдали дань **теме безумия**: «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Система доктора Смоля и профессора Перро» По говорят о том, как подвижна грань между нормой и патологией, между разумом и безумием.

Излюбленным приемом комического и у Гоголя, и у По является **гротеск**. Нередко с помощью гротеска обыгрываются телесные образы, в частности образ носа. Нос у Гоголя — полноценный персонаж, Гоголь готов упоминать его по любому поводу. Нос порой становится важной характеристикой того или иного героя, своеобразным знаком качества («И нос у него... самый неприятный нос», — говорит одна из дам о Чичикове). Нос в одноименной гоголевской повести получает отдельное от своего хозяина, майора Ковалева, существование становится полноправным героем, являя одну из модификаций извечной романтической темы двойничества.

Эдгара По также волновала эта тема. В этой связи можно назвать рассказ «Без дыхания», герой которого так рьяно бранится с женой, что у него «перехватывает дух» в буквальном смысле слова: он лишается дыхания, и, в конце концов это приводит к тому, что его хоронят заживо. Есть у По и комический рассказ «Страницы из жизни знаменитости», где нос героя становится главным предметом обсуждений и появляется даже специальный трак-

тат о *носологии*. Именно благодаря незаурядному носу герой становится знаменитостью.

Смерть обоих писателей таинственна, полна мистики. До сих пор не установлено, от чего умерли Гоголь и По. Версии смерти Гоголя: тиф, лихорадка, истощение, душевная болезнь. Версии смерти Эдгара По: черепно-мозговая травма, психические расстройства, алкоголизм, наркотическая зависимость, похищение, туберкулез.

Юбилейный вечер был выдержан в лучших традициях эстетики Николая Васильевича Гоголя и Эдгара Аллана По.

Сочетание несочетаемого: озорные сценки из «Пропавшей грамоты» и «Ночи перед Рождеством» и исполненный драматизма и тревоги «Ворон»; серьезный научный доклад и веселая игра с залом, направленная на разрушение стереотипов.

Парадоксальность: на сцене актового зала соревновались студенты филфака и РГФ, которые на самом деле так редко встречаются за обсуждением проблем, связанных с литературой, хотя и те и другие, по большому счету, изучают один и тот же предмет — филологию.

Наконец, **мистификации и пародирование:** два доклада, хотя и были серьезными по форме, по сути своей являлись пародией (доклад «Падение дома Ашеров» в свете теории трансцендентальных архетипов) или мистификацией, призванной привести зрителей-слушателей к парадоксальному выводу: оказывается, Николай Васильевич Гоголь и Эдгар Аллан По — это одно и то же лицо!

Отдельно хочется сказать о декламации «Ворона» студентками 3-го курса факультета романо-германской филологии. Один из критиков как-то пошутил, что удовольствие, доставляемое чтением поэзии Эдгара По, не зависит от знания английского языка. Видимо, в этом есть доля истины, потому что чтение «Ворона» в оригинале прозвучало действительно как музыка. При этом следует отметить стильно подобранное оформление (черная одежда, розовые ленты), музыкальное сопровождение, раскрывающее внутреннюю логику сюжета баллады, артистизм и проникновенность, с которыми был исполнен «Ворон».

Итак, весь апрель 2009 года прошел на факультете РГФ и филологическом факультете под знаком чтения, изучения, сопоставления творчества двух авторов, которых роднит столь многое... Был объявлен конкурс эссе на тему «Гоголь и По», которые могли быть представлены как на русском, так и на английском языках. Многие студенты попробовали свои силы в конкурсе переводов поэзии и прозы По. В конце вечера были подведены итоги конкурсов, победители были награждены призами.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что праздник, посвященный двухсотлетним юбилеям Гоголя и По, позволил по-новому взглянуть на давно знакомые произведения, освежил восприятие творчества этих писателей, заставил задуматься о близости двух великих культур — российской и американской.

О. Ю. Анцыферова, П. В. Николаева

АННОТАЦИИ

К. Е. Балдин

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ В 1907—1914 гг.

Статья посвящена просветительной деятельности рабочих потребительских кооперативов в 1907—1914 гг., их роли в расширении культурного кругозора индустриальных рабочих. Автор рассматривает такие формы деятельности, как лекции, распространение книг, устройство самодеятельных театров, финансирование общеобразовательных учебных заведений.

Ключевые слова: потребительская кооперация, российский пролетариат, культурно-просветительная работа, периодическая печать, лекции, самодеятельные театры.

Ю. А. Ильин

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1921—1922 гг.: ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ ВЛАСТЕЙ И ТРУДЯЩИХСЯ КРАЯ ГОЛОДАЮЩИМ МАРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (По материалам газеты «Рабочий край»)

Рассматриваются этапы, специфические подходы и методы, акценты и степень результативности деятельности губернских комитетов по оказанию помощи голодающим и борьбе с последствиями голода в 1921—1922 гг. в условиях резко ухудшившегося продовольственного снабжения текстильного региона страны. Особое место уделено усилиям общественности края по спасению беженцев из Марийской области, в частности детей, эвакуированных маршрутными поездами из зон бедствия.

Ключевые слова: комитет по оказанию помощи голодающим Поволжья, комитет по преодолению последствий голода, общественность края, спасение беженцев из зон бедствия.

Д. В. Кареев

РУФ ФЕСТ, РИМСКИЙ ИСТОРИК IV ВЕКА

В статье идет речь о римском историке IV в. Руфе Фесте. Выясняется происхождение историка, анализируется его произведение «Бревиарий деяний римского народа» в контексте других исторических трудов того времени.

Ключевые слова: Руф Фест, «малая» римская историография, бревиарии, римляне, внешняя политика Рима в IV в.

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ЗЕМЛЯНОГО ВАЛА ЛУХСКОЙ КРЕПОСТИ ОСЕНЬЮ 2008 ГОДА

Публикуются результаты археологических раскопок части земляного вала лухской крепости. По итогам этих работ установлено, что 1) валы были насыпаны на рубеже первого-второго десятилетия XV в., 2) крепость изначально функционировала как оружейная база-арсенал с минимальным количеством воинов, 3) в первой половине XV в. она была постоянным объектом грабительских набегов военных отрядов казанских татар, 4) в XVII в. она утратила свои оборонительные функции и превратилась в обычную часть города.

Ключевые слова: лухская крепость, XV век, база-арсенал, казанские татары.

Д. А. Смирнов

«ОБЩЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКИЙ» ВЗГЛЯД НА ПОЭТА: ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ БОДЛЕРА

Анализируется методология исторического исследования Вальтера Беньямина, избранная им при изучении творчества Шарля Бодлера. Указывается, что формирующаяся как «общественно-критический» взгляд историка исследовательская методология Беньямина имела в своей основе представление о диалектическом образе на пути к пониманию литературных конструкций Бодлера и выявление через анализ диалектического образа отраженных в них событий его личной жизни и исторических феноменов окружающей его социальной реальности. Предметом исследования Беньямина стали не только содержание литературных конструкций Бодлера, но и форма их передачи, а также исторический контекст и манера поведения поэта в процессе сбора информации для своих творений и в частной жизни.

Ключевые слова: Бодлер, Беньямин, методология истории, общественно-критический взгляд, диалектический образ.

С. Т. Смирнова

РУССКИЙ АВАНГАРД: КОЛЛИЗИИ ПОНИМАНИЯ И НЕПОНИМАНИЯ

Рассматривается проблема восприятия российским обществом русского авангарда как нового явления в искусстве XX века. В качестве источников использованы воспоминания, художественные произведения русских и зарубежных авторов, теоретические работы художников-авангардистов. Историография проблемы представлена современными исследованиями в области истории искусства, эстетики и психологии.

Ключевые слова: русский авангард, супрематизм, лирический абстракционизм, эстетика нового искусства, российская общественность.

Е. А. Вансяцкая

РОЛЬ МОЛЧАНИЯ В РЕЧИ КОММУНИКАНТОВ-ДЕТЕЙ (На материале художественных произведений)

Рассматривается такая разновидность невербальной коммуникации, как значимое молчание. Проводится анализ роли молчания в ситуациях с коммуникантами-детьми. Определяется направленность эмоциональных реакций, которые передаются посредством молчания.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, значимое молчание, эмоциональная реакция, языковой коррелят.

С. Н. Зайцева

ЛОГИКА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В ФОКУСЕ ЧАСТНОГО ВОПРОСА ЛИНГВИСТИКИ

Предлагается решение проблемы лингвистической интерпретации форм императива в русском языке, их морфемного и семантического статуса. Данные единицы языка и речи рассматриваются с учетом свойства системности языка, его уровневого устройства, что имеет не только теоретическое, но и методическое значение.

Ключевые слова: формы императива, формообразующие суффиксы, форма совместного действия.

О. М. Карпова

ПРОЕКТ ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА ДЛЯ ЭКСКУРСОВОДОВ И ТУРИСТОВ

Рассматриваются принципы построения толково-энциклопедического словаря нового типа, предложенного автором статьи в качестве международного проекта по созданию справочника для экскурсоводов и туристов, прибывающих во Флоренцию, который выполняется под эгидой культурного Фонда Ромуальдо дель Бианко совместно с Ивановским государственным университетом. По формату словарь является электронным открытым словарем в Интернете. По языку справочник будет одноязычным (англизычным). По способу описания материала — толково-энциклопедическим мультимедийным словарем ассоциативного типа.

Ключевые слова: лексикография, словарь, адресат, источник, формат, Интернет, мега-, макро- и микроструктура, энциклопедия, турист, экскурсовод, словник, информационная категория, мультимедийные характеристики, ассоциативный тип.

Э. В. Кромер

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: СИНКРЕТИЗМ И РАСЧЛЕНЕННОСТЬ

Дана попытка систематизировать представления об основных тенденциях, характеризующих строение системы русской разговорной речи. Показано действие этих тенденций на разных уровнях языка, как в плане выражения, так и в плане содержания, как в синтагматике, так и в парадигматике.

Ключевые слова: системные отношения, русская разговорная речь, синкретизм, расчлененность.

Н. Д. Миловская

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОГО БЫТОВОГО АНЕКДОТА

Рассматриваются три разновидности вариантов немецких языковых бытовых анекдотов (Wortwitz). Устанавливается, что вариативность, связанная с разнонаправленным использованием потенциала значения опорной лексемы, и вариативность, обусловленная изменением коммуникативно-прагматических характеристик анекдота, имеют сугубо лингвистическую природу и наблюдаются только в языковых бытовых анекдотах.

Ключевые слова: вариативность, бытовой анекдот, языковой бытовой анекдот, опорная лексема, семантическая вариативность.

А. Н. Таганов

РОМАН ФРЕДЕРИКА БЕГБЕДЕРА «WINDOWS ON THE WORLD»: УТОПИЯ ЯЗЫКА, ЯЗЫК УТОПИИ

Рассматривается роман современного французского писателя Фредерика Бегбедера, в котором центральное место занимает мотив крушения главнейших утопий XX века, определяющий мироощущение поколения конца 1980-х годов и теснейшим образом связанный с проблемой языка в его соотнесенности с реальностью.

Ключевые слова: утопия, постмодернизм, постструктурализм, художественное познание, языковая утопия, цинизм.

Т. М. Трофименко

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА РИХАРДА ВАГНЕРА И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА (На материале произведений О. Вилье де Лиль-Адана)

Рассматриваются вопросы восприятия французскими литераторами конца XIX века теории музыкальной драмы немецкого композитора Рихарда Вагнера на материале прозы О. Вилье де Лиль-Адана.

Ключевые слова: символизм, синтез искусств, экфрасис, музыкальная драма.

Т. Б. Кудряшова

«ЖИВОЕ ЗНАНИЕ», ИЛИ АЛЬФА И ОМЕГА ПОЗНАНИЯ

Рассматривается онтология и феноменология «живого знания» как реальности, как идеи, как дискурса. Рассмотрение жизни как познания требует смены устоявшейся модели мышления на основе бинарных оппозиций – на модель тернарного типа и, шире, на динамичную структуру мышления и бытия порождающего типа. Вектор развития живого знания к его все более усложняющимся формам связан с развитием «доминанты на живое знание». Живое знание — это мы в процессе познания, это особое обращение к предмету, имеющее дело с «убегающим», таинственно распахнутым бытием, оно есть «воплощенная теория» этого взаимодействия.

Ключевые слова: живое знание, онтология и феноменология познания, доминанта на живое знание, целостность, бинарные оппозиции, тернарная структура, внутренняя форма, превращенная форма, функциональный орган.

Д. В. Куликов

ПРОЛЕГОМЕНЫ К АНАЛИТИКЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ УСТАНОВКИ

Рассматриваются подходы к определению онтологического статуса повседневности как особого региона бытия. Реконструируется когнитивный стиль повседневности как разновидность интенционирования.

Ключевые слова: повседневность, обыденное сознание, интенция, ретенция, феноменология, протенция.

Д. Г. Смирнов

НЕЗНАКОМЫЙ В. И. ВЕРНАДСКИЙ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ВСЕЛЕННОЙ

Реконструируются методологические и теоретические предпосылки становления модели ноосферно-семиотического видения мира в работах В. И. Вернадского. Предлагается периодизация творчества ученого в контексте разработки им семиотической проблематики. Раскрываются семиотические предпосылки создания учения о биосфере и концепции перехода биосферы в ноосферу.

Ключевые слова: геологическая (натурфилософская) семиотика, биосферная (эмпирическая) семиотика, ноосферная (эйдетическая) семиотика, семиосознание, ноосфера.

М. Ю. Тимофеев

ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РУССКОСТИ В СССР НА РУБЕЖЕ 1930—1940-х ГОДОВ

Рассматривается визуальная пропаганда конца 1930-х — начала 1940-х годов. Исследуется, каким образом в этот период советский визуальный текст дополнялся образами русской истории.

Ключевые слова: визуализация, русскость, советскость, СССР, плакат, кино.

А. Л. Высоцкая

ПРОЯВЛЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Дается сопоставление архаической и советской ментальности. Представлен сравнительный анализ механизма формирования мифологической ментальности советского общества с системной точки зрения. Рассматривается ритуально-коммуникативная практика как средство трансляции общественных ценностей.

Ключевые слова: миф, советское сознание, коммуникация, модель мира.

SUMMARIES

K. E. Baldin

CULTURAL AND ENLIGHTENING ACTIVITY OF WORKING COOPERATIVES IN RUSSIA IN 1907—1914

The article is devoted to educational activities of workers' co-operative societies in 1907—1914 and their role in broadening of industrial workers' cultural outlook. The author analyses such forms of activities as lectures, distribution of books, organization of amateur theatres, financial support of educational establishments.

Key words: consumers' cooperation, Russian proletariat, cultural and enlightening work, periodical press, lectures, amateur theatres.

Yu. A. Iljin

IVANOVO-VOZNESENSK PROVINCE IN 1921—1922: PATRONAGE ASSISTANCE OF AUTHORITIES AND WORKERS OF THE REGION TO THE STARVING POPULATION OF MARI REGION (Based on the materials of «Rabochij kraj» newspaper)

In clause (article) the stages, specific approaches and methods, accents (stresses) and a degree of productivity in activity of provincial committees on rendering assistance starving and struggle against consequences of famine in 1921—1922 in conditions of sharply worsened food supply of the most textile region of the country are considered (examined). Thus the special place in research is given to efforts of the public of edge (territory) on rescue of refugees from Mari area, in particular children evacuated by routing trains from zones of disaster.

Key words: committees on rendering assistance starving and struggle against consequences of famine; public of territory, rescue of refugees from zones of disaster.

D. V. Kareyev

RUFUS FESTUS, ROMAN HISTORIAN OF IV CENTURY

The article is devoted to the Roman historian of IV century Rufus Festus. The author studies the parentage of the historian, analyzes his work «Breviary of the Romans' deeds» in the context of other historical works of that time.

Key words: Rufus Festus, «minor» Roman historiography, breviaries, Romans, Roman foreign policy of the IV century.

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

**PRELIMINARY RESULTS OF THE EXCAVATIONS
OF THE EARTHEN WALL OF THE LUKH FORTRESS
IN AUTUMN 2008**

The article presents the results of the archaeological excavations of the part of the earthen wall of the Lukh fortress. During the excavations it was discovered that, firstly, the walls were piled up at the turn of the first and second decades of the XV century. Secondly, the fortress had minimum of defenders, while it functioned as an arsenal base. Thirdly, in the first half of the XVth century it was constantly raided by Kazan' Tatars. Fourthly, in the XVIIth century the earthen wall lost its defensive function and turned into an ordinary part of town.

Key words: Lukh fortress, XV century, arsenal base, Kazan' Tatars.

D. A. Smirnov

**«SOCIAL AND CRITICAL» VIEW ON THE POET:
HISTORICAL CONCEPTION OF WALTER BENJAMIN
IN CONFORMITY WITH CHARLES BAUDELAIRE'S WORKS**

In the article the author analyses the methodology of the historical research of Walter Benjamin, which has been chosen by Benjamin for studying the works of Charles Baudelaire. The author shows that the research methodology of Benjamin, which had been formed as «social and critical» view of a historian, in the basis had the ideas about the dialectical image for understanding Baudelaire's literary constructions. Analyzing this dialectical image Benjamin sees in these literary constructions the reflection of the events of Baudelaire's private life as well as the reflection of historical phenomena of the poet's social reality. The subject of Benjamin's research is not only the content of Baudelaire's literary constructions, but also the way of its conveying, as well as the historical context and the way of the poet's behaving when searching for the information for his works and in his private life.

Key words: Baudelaire, Benjamin, the methodology of the history, social and critical view, the dialectical image.

S. T. Smirnova

**RUSSIAN AVANT-GARDE: COLLISIONS
OF THE UNDERSTANDING
AND MISUNDERSTANDING**

The problem of perception of Russian avangard as a new phenomenon in art of the XX century by the Russian society through the analysis of memoirs, literary works of Russian and foreign authors, theoretical works of avangardist painters is considered in the article. The historiography of the problem is submitted by modern researches in the field of history of art, aesthetics and psychology.

Key words: russian avangard, suprematism, lyrical abstractionism, aesthetics of a new art, the Russian public.

E. A. Vansyatskaya

**THE ROLE OF SILENCE IN THE DISCOURSE
OF CHILDREN-SPEAKERS
(On the basis of literary texts)**

Meaningful silence as a kind of non-verbal communication is described. The role of silence in the situations with children-speakers is analyzed. The direction of emotional reactions conveyed by means of silence is defined.

Key words: non-verbal communication, meaningful silence, emotional reaction, language correlate.

S. N. Zajtceva

**LOGIC AND CONTRADICTIONS OF THE LANGUAGE SYSTEM
IN THE FOCUS OF THE PARTICULAR PROBLEM OF LINGUISTIC**

The author suggests solution to the problem of linguistic interpretation of imperative forms in Russian language, their morphemic and semantic status. The abovementioned language units are studied with special attention to the language system, its level organization. Such approach is important not only from theoretical but also from methodical point of view.

Key words: imperative forms, form-building suffixes, joint action form.

O. M. Karpova

**PROJECT OF A NEW TYPE
OF ENCYCLOPEDIA DICTIONARY
FOR GUIDES AND TOURISTS**

The paper is devoted to the description of the project of a new type of encyclopedic dictionary for guides and tourist with special reference to Florence and is carried out under the authority of Romualdo del Bianco's Fund (Italy) and Ivanovo State University. This is an open monolingual Internet encyclopedic dictionary with multimedia features and associative characteristics.

Key words: lexicography, dictionary, addressee, source, format, Internet, mega-, microstructure, encyclopedia, tourist, guide, corpus, information category, multimedia features.

E. V. Kromer

**BASIC TENDENCIES OF RUSSIAN INFORMAL SPEECH:
SYNCRETISM AND RUGGEDNESS**

This article gives an attempt to systematize the ideas of the principal trends characterizing the structure of the system of Russian spoken language. The effect of these trends is shown on the different levels of the language, both in the question of the expression and content, syntagmatics and paradigmatics.

Key words: system relationships, Russian informal speech, syncretism, ruggedness.

N. D. Milovskaya

**TO THE PROBLEM OF VARIABILITY
OF A LANGUAGE HABITUAL JOKE**

The article focuses on three varieties existing among the versions of German language everyday jokes. It is shown, that the variability connected with multi-directional usage of the main word's semantic change, and the variability caused by the change in communicative and grammatical features of a joke, both have linguistic nature and are observed only in language habitual jokes.

Key words: variability, language joke, language habitual joke, main word, semantic change.

A. N. Taganov

**FREDERIC BEIGBEDER'S «WINDOWS ON THE WORLD»:
UTOPIA OF THE LANGUAGE, LANGUAGE OF UTOPIA**

The article deals with a novel by a contemporary French author Frederick Beigbeder, in which the crash of the main utopias of the XX century becomes the key idea of the narration. This crash determines the comprehension of the world of the 1980s generation and is closely linked to the problem of the language as the means of the reality reflection.

Key words: utopia, postmodernism, poststructuralism, artistic cognition, language utopia, cynicism.

T. M. Trofimenko

**RICHARD WAGNER'S MUSICAL DRAMA
AND THE FRENCH LITERATURE OF THE XIX-TH CENTURY
(In the works of O. Villiers de L'Isle-Adam)**

The article deals with the perception of Richard Wagner's theory of musical drama by the French symbolists of the late XIX century as exemplified in the prose of Villiers de l'Isle-Adam.

Key words: symbolism, synthesis of arts, exphrasis, musical drama.

T. B. Kudryashova

«THE LIVING KNOWLEDGE», OR COGNITION ALPHA AND OMEGA

The main problem, considering in the work, is the ontology and phenomenology of «living knowledge» as reality, as idea, as discourse. The considering of the life as cognition is needed in changing of mental model from double model to triple model, what is more — to dynamic generative structure of mind and being. The living knowledge is developed from simple forms to complex forms and it is connected with developing of «dominant on living knowledge». Living knowledge is «all of as» in cognition process, it is particular relation with «escaping» subject, it is «incarnate theory» of this interaction.

Key words: Living knowledge, ontology and phenomenology of cognition, dominant on living knowledge, wholeness, triple structure, inner form, the transformed form, functional body.

D. V. Kulikov

PROLEGOMENA TO THE ANALYTICS OF NATURAL DIRECTIVE

The article is devoted to the definition of the ontological status of common sense as the certain region of Being. The cognitive style of the common sense had been constructed as a type of the intention.

Key words: everyday life, ordinary consciousness, intension, retention, phenomenology, protention.

D. G. Smirnov

UNKNOWN V. I. VERNADSKIJ: EMPIRICAL SEMIOTICS OF THE UNIVERSE

Methodological and theoretical preconditions of unfolding of the model of noosphere-semiotic world vision in V. I. Vernadsky's works are reconstructed. The periodization of creativity of the scientist in a context of development of a semiotics problematics is offered. Semiotic preconditions of creation of the biosphere doctrine and concept of transition of biosphere into noosphere are opened.

Key words: geological (natural philosophy) semiotics, biospheric (empirical) semiotics, noospheric (eidetic) semiotics, semiotic consciousness, noosphere.

M. Yu. Timofeyev

PRACTICES OF VISUALIZATION OF RUSSIAN CONSCIOUSNESS IN THE USSR AT THE TURN OF 1930—1940

The visual propaganda of late 1930s — early 1940s is studied in this article. It is considered, in what way the images of Russian history are added to Soviet visual text in this period.

Key words: visualization, Russian consciousness, Soviet consciousness, the USSR, placard, cinema.

Vyssotskaya A. L.

MYTHOLOGICAL ASPECTS OF MENTALITY OF SOVIET PEOPLE

This article presents the analysis of primeval mentality and mentality of soviet people. The accent is done on the analysis of foundation of mythological mental forms of soviet people from point of view of theory of system. Consideration is carried out through revealing of ceremonial practice and communication as ways transfer social ideas.

Key words: myth, mentality of soviet people, communication, model of world.

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории, Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ВАНСЯЦКАЯ Елена Александровна кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Ивановский государственный университет.
eva@ivanovo.ac.ru

ВЫСОЦКАЯ Александра Леонидовна соискатель кафедры философии, Ивановский государственный университет.
8-961-115-28-26.

ЗАЙЦЕВА Светлана Николаевна кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет.
(4932) 30-02-16

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

КАРЕЕВ Дмитрий Валериевич кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии и феминологии, декан социолого-психологического факультета, Ивановский государственный университет.
(4932) 32-74-58

КАРПОВА Ольга Михайловна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, проректор по связям с общественностью, Ивановский государственный университет.
ОМК@ivanovo.ac.ru

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории, Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

- КРОМЕР** кандидат филологических наук, доцент
Эрна Владимировна кафедры современного русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. ernakromer@yandex.ru
- КУДРЯШОВА** доктор философских наук,
Татьяна Борисовна профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. (4932) 54-01-71
- КУЛИКОВ** кандидат философских наук, доцент
Дмитрий Валерьевич кафедры философии, Ивановская государственная текстильная академия, (4932) 41-27-07
- МИЛОВСКАЯ** кандидат филологических наук, доцент,
Наталья Дмитриевна заведующая кафедрой немецкой филологии, Ивановский государственный университет. gertphil@mail.ru
- СМИРНОВ** кандидат исторических наук,
Дмитрий Александрович доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. d-smirnov@mail.ru
- СМИРНОВ** кандидат философских наук,
Дмитрий Григорьевич доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет. dissovet_212@mail.ru
- СМИРНОВА** кандидат исторических наук, доцент
Светлана Тимофеевна кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88
- ТАГАНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Александр Николаевич декан факультета романо-германской филологии, Ивановский государственный университет. (4932) 30-02-91
- ТИМОФЕЕВ** доктор философских наук,
Михаил Юрьевич профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. timofeew@inbox.ru
- ТРОФИМЕНКО** старший преподаватель кафедры романской
Татьяна Михайловна филологии и латинского языка, Ивановский государственный университет. (4932) 30-02-91
- УТКИН** сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88

**ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.